

2021年 第1期

跨文化研究

主办单位：
湖州师范学院

地址：
湖州师范学院跨文化
研究中心(浙江省湖州
市二环东路 759 号)

邮箱：
02546@zjhu.edu.cn

电话：
0572-2321033

邮政编码：
313000

目录

■ 政治、经济	
尤西夫·巴比尔·阿克珀利	3
阿塞拜疆石油工业中的联合创业组织	
维克多·彼洛仁科	9
乌克兰工业生产本土化的问题	
法拉吉·泰尔·阿洪多夫	19
政府证券衍生品的对冲操作	
■ 教育学	
奥尔加·埃夫塞娃	28
白俄罗斯实施数字知识生态系统的机会和前景	
莉迪娅·彼洛仁科	40
现代乌克兰学校学习过程的差异化	
伊丽娜·沙利娅科娃-巴赞卡	53
评估学校教育质量的系统：功能、内容-活动和程序方面	
阿纳托利·格林斯基	70
现代学校培养学生的课外学习活动的互动形式与方法	
拉丽莎·斯莫林丘克	82
疫情隔离期间在乌克兰采用远程教学	
■ 历史	
埃琳娜·杜波维克	90
二十世纪二十年代苏联白俄罗斯的工会建设	
弗拉基米尔·波多林斯基	105
作为波兰-立陶宛联邦一部分的立陶宛大公国：政治制度和主权问题	
■ 语言学	
阿西夫·哈吉耶夫(希尔瓦内利)	124
史诗《DADA GORGUD》中反映萨满观点的那些瞬间	
■ 评论	
罗娅·塔吉耶娃	139
现代批评的新外观	
■ 跨文化研究中心简介	147

内部资料 免费赠阅

Content

■ *Politics and Economy*

Faraj Tair oglu Akhundov

Hedging operations on derivatives with government securities

Viktor Pirozhenko

Problems of production localization in the Ukrainian industry

Yusif Babir Akperli

Organization of joint entrepreneurship in the oil industry of Azerbaijan

■ *Pedagogical science and education*

Olga Evseeva

Opportunities and prospects for implementation in Belarus of the digital ecosystem of knowledge

Lidiia Pirozhenko

Differentiation of the learning process in modern Ukrainian schools

Iryna Shauliakova-Barzenka

The system for assessing the quality of education in schools: functional, content-activity and procedural aspects

Anatoly Glinisky

Interactive forms and methods of extra-learning actives for upbringing students in a modern school

Larysa Smolinchuk

Long-distance learning: implementation experience in Ukraine during quarantine

■ *History*

Elena Dubovik

Trade union construction in Soviet Belarus in the 1920s

Vladimir Podolinsky

The Grand of Lithuania as part of the Polish-Lithuanian commonwealth: the political system and the problem of sovereignty

■ *Philology*

Asif Hacıyev (Shirvanelli)

Some moments in the epic «Dada Gorgud» reflecting the views of shamans

■ *Reviews*

Natalia Lysova

The proteistic look of modern criticism

■ *Information about Huzhou University's Multi-cultural Center*

Содержание

■ *Политика. Экономика*

Юсиф Бабир оглы Акперли 3

Организация совместного предпринимательства в нефтяной промышленности Азербайджана

Виктор Пироженко 9

Проблемы локализации производства в украинской промышленности

Фарадж Таир оглу Ахундов 19

Хеджирование операций по дериватам с государственными ценными бумагами

■ *Педагогическая наука и образование*

Ольга Евсева 28

Возможности и перспективы внедрения в Беларуси цифровой экосистемы знаний

Лидия Пироженко 40

Дифференциация процесса обучения в современной украинской школе

Ирина Шевлякова-Борзенко 53

Система оценки качества образования в школе: функциональный, содержательно-деятельностный и процессуальный аспекты

Анатолий Глинский 70

Интерактивные формы и методы внеучебной деятельности по воспитанию учащихся в современной школе

Лариса Смолинчук 82

Дистанционное обучение: опыт внедрения в Украине во время карантина

■ *История*

Елена Дубовик 90

Профсоюзное строительство в Советской Беларуси в 1920-е гг.

Владимир Подолинский 105

Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой: политическая система и проблема суверенитета

■ *Филология*

Асиф Гаджиев (Ширванелли) 124

Некоторые моменты, отражающие шаманские взгляды в эпосе «Деде Коркут»

■ *Обзоры. Рецензии*

Наталья Лысова 139

Протеистичность облика современной критики

■ *Информация о Мультикультурном центре Университета Хучжоу* 147

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

УДК 334.72+75

Yusif Babir Akperli,

PhD;

*Azerbaijan State University of Oil and Industry
(Azerbaijan)*

ORGANIZATION OF JOINT ENTREPRENEURSHIP IN THE OIL INDUSTRY OF AZEBAIJAN

The article analyzes the state of organization of joint ventures in the oil industry of Azerbaijan in the light of the implementation of the oil strategy, points out the advantages of joint ventures, and gives their classification in SOCAR. On the basis of long-term statistical and reporting data, changes in the volume of oil and gas production are analyzed together with foreign companies; transportation of hydrocarbons through export pipelines; indicates the state with the participation of SOCAR in foreign countries, identifies reserves in all these areas, identifies ways of their rational use, and also makes recommendations to strengthen the role of these enterprises in the socio-economic development of the country.

Keywords: joint ventures; foreign investment; oil and gas production; export pipelines; high paying jobs; social and economic growth.

尤西夫·巴比尔·阿克珀利

阿塞拜疆石油工业中的联合创业组织

本文从石油战略的实施出发，分析了阿塞拜疆石油工业合资企业的组织现状，指出了合资企业的优势，给出了它们在阿塞拜疆国家石油公司(SOCAR)中的分类。根据长期的统计和报告数据，与国外公司一起分析油气产量的变化以及通过出口管道输送碳氢化合物的情况。结果表明：在外国有阿塞拜疆国家石油公司参加的国家；确定所有这些地区的储量，确定他们理性使用这些储备的方式；并提出加强这些企业在该国社会经济发展中作用的建议。

关键词: 合资企业；外国投资；石油和天然气生产；出口管道；高薪工作；社会和经济增长

Юсиф Бабир оглы Акперли

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВМЕСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

В статье анализируется состояние организации совместного предпринимательства в нефтяной промышленности Азербайджана в свете реализации нефтяной стратегии, указываются преимущества совместных предприятий, даётся их классификация в системе SOCAR. На основе многолетних статистических и отчётных данных анализируется изменение объёма добычи нефти и газа совместно с иностранными компаниями; транспортировка углеводородов по экспортным трубопроводам; указывается состояние с участием SOCAR в зарубежных странах, выявляются резервы по всем этим направлениям, определяются пути их рационального использования, а также даются рекомендации по усилению роли указанных предприятий в социально-экономическом развитии страны.

Ключевые слова: совместные предприятия; иностранные инвестиции; объём добычи нефти и газа; экспортные трубопроводы; высокооплачиваемые рабочие места; социально-экономический рост.

Введение

В условиях рыночных преобразований ключевым элементом развития современной отечественной экономики является улучшение предпринимательского и инвестиционного климата. Для этого необходимо повышение роли внешнеэкономических связей, которые способствуют привлечению иностранных инвестиций, освоению передового зарубежного опыта, научно-технического потенциала, что в конечном итоге позволяет повысить эффективность производства за счёт углубления международного разделения труда. В международной практике одной из распространённых форм решения этих проблем является рациональная организация совместного предпринимательства путём создания совместных предприятий.

После заключения «Контракта века», подписанного 20 сентября 1994 г. для освоения нефтяных и газовых месторождений в азербайджанском секторе Каспия, процесс создания совместных предприятий значительно усилился, с их помощью в экономику Азербайджана за 1995–2018 гг. было вложено более 125 млрд долл. иностранных инвестиций. Половина

этих вложений направлена на освоение месторождений «Азери-Чираг-Гюнешли», «Шахдениз», строительство Сангачальского Терминала, трубопроводов: «Баку-Тбилиси-Джейхан», Южно-Кавказский газопровода, «Баку-Супса», реконструкцию трубопровода «Баку-Новороссийск» и другие инфраструктурные объекты.

Результаты хозяйственной деятельности и основные преимущества совместных предприятий

Осуществляемая по совершенствованию хозяйственного механизма деятельность создаёт благоприятные возможности для образования новых совместных предприятий, которые на взаимовыгодных условиях способствуют решению многих социально-экономических и научно-технических проблем. По данным ЦСУ республики только за период 2000–2018 гг. их количество в республике увеличилось в 3,2 раза, объём производимой ими продукции (работ, услуг) – в 34,4 раза, а вновь создаваемых рабочих мест – 61,1 тыс. ед. Из общего количества (1765 ед.) совместных и иностранных предприятий 316 ед., или 17,9% – являются промышленного характера [1, с. 120]. На территории республики созданы различные виды совместных предприятий: инженерно-проектные, научно-исследовательские, производственные, закупочные, транспортные, сбытовые, маркетинговые, комплексные, межотраслевые, межгосударственные и другие.

К преимуществам этих совместных предприятий можно отнести:

- ориентацию на долгосрочное сотрудничество;
- объединение собственности партнёров;
- совместное формирование уставного капитала;
- комплексное использование усилий партнёров во всех производственных и сбытовых сферах для достижения синергетического эффекта;
- невысокую потребность в денежной наличности для осуществления капитальных вложений;
- распределение прибыли между учредителями по вкладу в уставной капитал;
- возможность глубокого изучения рынка и международного опыта;
- снижение затрат на производство продукции;
- формирование органов управления с участием учредителей;
- привлечение прямых инвестиций в отрасли экономики;

- создание новых, современных и высокооплачиваемых рабочих мест;
- производство инновационной, импортозамещающей и экспортируемой продукции на основе международных стандартов;
- внедрение новой техники, технологии, ИКТ и передового опыта в систему управления производством;
- относительную экономию на административно-управленческих и сбытовых расходах;
- восполнение недостающих производственных мощностей за счёт предприятий партнёров;
- совместное распределение риска;
- инвестиционное обеспечение совместными предприятиями нефтегазового сектора.

В настоящее время в системе Государственной нефтяной компании Азербайджанской республики (SOCAR) функционирует более 50 совместных предприятий, альянсов и операционных компаний [2 с. 35]. Расчёты показывают, что только в 2010–2018 гг. со стороны совместных предприятий в экономику Азербайджана вложено 40,5 млрд иностранных инвестиций. Из этой суммы 21,3% занимают вложения компаний Турции; 4,8% – США; 3,3% – ОАЭ; по 1,4% – Великобритании и Швейцарии; 1,5% – Франции; 1,1% – Ирана, по 0,7% – России и Кипра – и т. д. [1, с. 407].

Созданные после заключения «Контракта века» совместные предприятия активно участвуют в разработке и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Азербайджана, преимущественно на Каспии. По официальным статистическим данным, объём добычи нефти совместно с иностранными компаниями в Азербайджане за 1997–2018 гг. составляет 686,5 млн тонн. Из этого объёма 72,6% приходится на долю компаний, входящих в состав Азербайджанской международной операционной компании (АМОК), а 27,4% – на долю совместных предприятий SOCAR.

Добыча нефти и газа совместными предприятиями

Если в 1997–2000 гг. доля АМОК в добычи нефти составляла 25,4%, в 2001–2015 гг. – 46,5%, в последующие годы её уровень превысил более 80%, при этом доля СП SOCAR составила 74,6%; 53,5% и более 19% соответственно [3, с. 165]. Что касается совместной добычи природного газа, то её объём в 1997–2018 гг. составил 379,7 млрд куб. м. Из них 250

млрд куб. м, или 65,8%, приходится на долю компании АМОК, а 34,2% – на долю СП SOCAR.

По отчётным данным SOCAR и АМОК из общего объёма добываемой нефти в Азербайджане 7,5 млн тонн и 4,5 млрд куб. м газа перерабатываются на нефтегазоперерабатывающих заводах, 10–12 млрд куб. м газа реализуются на внутреннем рынке (для удовлетворения потребности населения, предприятий, организаций), а оставшаяся часть этих углеводородов с помощью экспортных трубопроводов вывозится на мировой рынок. По данным Управления маркетингом и экономическими операциями SOCAR за период эксплуатации нефтяных трубопроводов в зарубежные страны отправлен 492,3 млн тонн нефти и газовым трубопроводом «Баку-Тбилиси-Эрзурум» – 64,9 млрд куб. м газа [4, с. 68].

С помощью этих трубопроводов также экспортируется часть углеводородов Казахстана и Туркменистана. Наряду с вышеизложенным следует также отметить, что вот уже на протяжении многих лет совместные предприятия, консорциумы и операционные компании, созданные при участии SOCAR, ведут предпринимательскую деятельность в различных отраслях нефтяной промышленности. В настоящее время SOCAR имеет своё представительство в Грузии, Турции, Украине, Румынии, Австрии, Швейцарии, Сингапуре, Вьетнаме, Нигерии и других странах мира. На начало 2019 г. SOCAR инвестировал в зарубежные проекты в общей сложности 4,5 млрд долл., из них 3,3 млрд долл. – в проекты Турции, 414,5 млн долл. – Швейцарии, 334,3 млн долл. – Грузии, 280,8 млн долл. – Украины, и 71,3 млн долл. – Румынии [5].

Выводы

Организация совместных предприятий с зарубежными компаниями способствовала притоку иностранных инвестиций, а их направление в нефтяной сектор республики дало возможность заметно обновить технико-технологический уровень производства и обеспечить высокий темп добычи нефти и газа, от реализации которых получены высокие доходы.

Развитие нефтяной промышленности способствовало расширению внешнеэкономических связей республики и частичному обеспечению энергетической безопасности Европы.

Организация совместных предприятий дала возможность создать новые высокооплачиваемые рабочие места, освоить передовой зарубежный опыт и повысить научно-технический потенциал.

Список использованных источников

1. Статистические показатели Азербайджана. Баку, «Сада», 2010, 240 с.
2. Промышленность Азербайджана. Статистический ежегодник. Баку, ЦСУ, 2010–2019.
3. Годовые отчёты SOCAR за 2010–2018 гг.
4. Годовые отчёты «Управление маркетингом и экономическими операциями» SOCAR за 2010–2018 гг.
5. SOCAR расширяет международный бизнес // OXU.AZ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.oxu.az/economy/166713>, дата доступа: 2019.11.02.

References

1. Statisticheskie pokazateli Azerbaidzhana. Baku, «Sada», 2010, 240 s.
2. Promyshlennost' Azerbaidzhana. Statisticheskii ezhegodnik. Baku, TsSU, 2010–2019.
3. Godovye otchety SOCAR za 2010–2018 gg.
4. Godovye otchety «Upravlenie marketingom i ekonomicheskimi operatsiyami» SOCAR za 2010–2018 gg.
5. SOCAR rasshiryaet mezhdunarodnyi biznes // OXU.AZ: [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ru.oxu.az/economy/166713>, data dostupa: 2019.11.02.

УДК 338.984; 67.05

Viktor Pirozhenko

PhD;

Multicultural Research Center,

Huzhou University

(People's Republic of China)

PROBLEMS OF PRODUCTION LOCALIZATION IN THE UKRAINIAN INDUSTRY

The article reveals the reasons for the emergence of the problem of localization of production in the Ukrainian economy and analyzes the approach of the Government of Ukraine to its solution. It is shown that for the Ukrainian authorities, the localization of production in industry is important from the point of view of preserving the manufacturing and technological industries. To do this, it is proposed to adopt a special law, the main provisions of which are analyzed in the article. It is shown that localization of production in Ukraine is a necessary condition for the Ukrainian industry for its further high-tech development. Examples of specific industries reveal the positive impact of localization on the preservation of technologies, important engineering competencies and jobs in the economy.

Keywords: localization of production; mechanical engineering; manufacturing industry; GDP growth; public procurement.

维克多·彼洛仁科

乌克兰工业生产本土化的问题

本文揭示了乌克兰经济中生产本土化问题产生的原因，并分析了乌克兰政府解决本土化问题的途径。结果表明，对于乌克兰当局来说，从保护制造业和技术产业的角度来看，工业生产的本土化是很重要的。为此，建议制定专门的法律，并对其主要条款进行了分析。文章指出乌克兰的生产本土化是乌克兰工业进一步发展高新技术的必要条件。具体行业的例子表明，本土化对在经济中保存技术、重要的工程能力和工作产生了积极影响。

关键词: 生产本土化；机械工程；制造业；国内生产总值增长；公共采购

ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В УКРАИНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В статье раскрываются причины появления в украинской экономике проблемы локализации производства и анализируется подход правительства Украины к её решению. Показано, что для украинских властей локализация производства в промышленности важна с точки зрения сохранения обрабатывающих и технологичных отраслей; для этого предлагается принять специальный закон, основные положения которого анализируются в статье. Также локализация производства в данном случае является необходимым условием дальнейшего высокотехнологичного развития украинской промышленности. На примерах конкретных производств раскрывается положительное воздействие локализации на сохранение технологий, важных инженерных компетенций и рабочих мест в экономике.

Ключевые слова: локализация производства; машиностроение; обрабатывающая промышленность; рост ВВП; государственные закупки.

Кризис в украинской промышленности и роль локализации в его преодолении

Последние семь лет в украинской экономике идут опасные процессы исчезновения целых отраслей и свёртывания производства важных видов продукции. Одновременно на украинском рынке устойчиво и быстрыми темпами растёт доля импортной промышленной продукции, которая вытесняет украинскую. Это, в свою очередь, приводит к свёртыванию производства, особенно в высокотехнологичном сегменте промышленности.

Продолжающийся с 90-х годов прошлого века процесс деиндустриализации украинской экономики привёл к тому, что на мировые рынки эта страна в основном поставляет сырьё и полуфабрикаты и всё больше закупает различной импортной техники – от автомобилей до локомотивов. Некоторые виды техники Украина может производить самостоятельно, но развитие этих сегментов сдерживается агрессивной ценовой политикой иностранных производителей на тендерах, а также завозом техники бывшей в употреблении.

Но именно промышленность – главная опора украинской экономики. На неё приходится 20-22% ВВП, в ней заняты 2,5 млн человек. В 2019 г. украинские компании потеряли 10 млрд долл. В 2020 г. тенденция убыточности усилилась: с января по октябрь в сравнении с

аналогичным периодом 2019 г. производство сократилось на 6,8 %. По данным Госстата, в подавляющем большинстве промышленных отраслей минусы и только минусы по большинству показателей.

Самое крутое падение производства наблюдается в отрасли машиностроения – за 10 месяцев на 20,4 %. [1]. Снизились показатели у всех традиционных промышленных гигантов – предприятий ракетно-космической отрасли и самолётостроительных предприятий. Из бюджета пришлось выделить 342 млн грн. для погашения задолженности по зарплате за 11 месяцев, налоговых и других обязательных платежей на «Ожмаше» – главном предприятии космической отрасли в прошлом. Такая масштабная задолженность по зарплатам на «Ожмаше» накоплена впервые за последние годы.

В этой ситуации локализация представляется украинским властям логичным выходом из промышленного кризиса. Что представляет собой локализация? Это доступ иностранного производителя на внутренний рынок, но с условием – разместить часть заказов на местных предприятиях. Локализация – один из широко распространённых в мире инструментов поддержки перерабатывающей промышленности, где сосредоточены отрасли массовой занятости.

Зарплаты в промышленности выше, чем в остальных областях экономики, за исключением финансового сектора, IT, авиации и обороны. Занятость в промышленности имеет высокий мультипликативный эффект на другие отрасли. Кроме того, промышленность – это сфера легальных зарплат, что очень важно для местных бюджетов. В тех городах Украины, где есть развитая промышленность, местные бюджеты имеют гораздо больше средств, чем в остальных. Поэтому, локализация рассматривается ещё и как средство борьбы с бедностью, учитывая, что она помогает созданию новых рабочих мест.

Локализация как инструмент поддержки промышленности не нов и используется во многих странах мира, в частности, в Европейском Союзе, в США, в России и многих других. Очень успешно для развития промышленности локализацию использовал Китай. На постсоветском пространстве сейчас успешно развивает свою программу локализации Россия. Добился успеха и Узбекистан, который, например, при помощи данного инструмента с нуля создал у себя автопром.

В Украине на локализацию обратили внимание гораздо позже других стран. В целом инструменты поддержки промышленности в Украине применяются на данный момент очень слабо. Например, у Польши и Турции для промышленности предусмотрены льготные условия государственных закупок, льготные кредиты и кредиты под государственные гарантии, свободные экономические зоны, гранты предприятиям, инвестиционные стимулы и индустриальные парки. В итоге эти страны представлены на внешних рынках готовой продукцией, а Украина экспортирует в основном сырьё и полуфабрикаты.

На данный момент почти 40 % товаров и услуг в государственных закупках Украины сегодня являются импортными или содержат существенную импортную составляющую, а в секторе машиностроения – 46,4 %. К примеру, в США и Японии этот показатель находится в пределах 4,6-4,7%, а в ЕС – 7,9% [2]. При этом публичные закупки не используются на Украине как инструмент развития промышленности. Высокий уровень импорта, который поступает на украинский рынок, означает, что из налогов граждан Украины, фактически, финансируются заказы и рабочие места в других странах.

По оценкам экспертов, привлечение украинских производителей к публичным закупкам приведёт к росту ВВП на 3,9 %, рост продукции перерабатывающей промышленности составит 10,7 %, поступления в бюджет вырастут на 8,2 %, будет сохранено 200 тыс. и создано 62,5 тыс. рабочих мест, а импорт сократится на 13,2 %. Сейчас промышленность на Украине даёт работу примерно 2,5 млн граждан этой страны.

Закон о локализации – содержание, цели, задачи

Данные кризисные процессы в промышленности побудили в 2020 г. украинские власти поставить вопрос о локализации производства таких наиболее важных видов продукции, как средства спасения обрабатывающих и технологичных отраслей и сохранения необходимых инженерных компетенций. С этой целью в Украине подготовлен и в июле текущего года принят в первом чтении проект закона о локализации, направленный на развитие украинского машиностроения.

Ко второму чтению законопроекта законодатели унифицировали уровень локализации по всем категориям товаров – теперь они все одинаковые, добавили позиции, связанные с авиационной отраслью, и предложили использовать существующую формулу оценки уровня

локализации сельхозтехники, которая используется Министерством экономики с 2017 г. и зафиксирована постановлением Кабинета министров.

Ещё одно важное нововведение заключается в том, что Кабинет министров получает право по согласованию с профильным комитетом украинского парламента увеличивать на 10 % и уменьшать на 5 % требование уровня локализации для отдельной категории товаров на следующий год, а также формировать дополнительный перечень продукции, на который будет распространяться требование локализации. Кроме того, на конкретную закупку, например, касающуюся уникальной техники, которая не производится в Украине, правительство сможет понижать уровень локализации до нуля.

Применение критерия местной составляющей, как уверяют разработчики, не приведёт к росту цен. Для основной части продукции количество украинских производителей должно быть больше пяти, что сохранит высокий уровень конкуренции. Также рост цены на продукцию машиностроения в публичных закупках будет ограничиваться обязательствами организаторов тендеров по затратам и цены в рамках их финансовых планов и планов закупок. Нерыночное увеличение цены сделает невозможным закупку, поэтому будет сдерживать украинского производителя от этого.

По подсчётам разработчиков, введение в действие положений законопроекта о критерии локализации в государственных закупках обусловит возможность достижения прироста реального ВВП на 0,5% в течение первого года после введения требований по локализации [2]. Также в качестве инструмента государственной поддержки украинской промышленности разработчики закона предлагают рассматривать вопрос о предоставлении налоговых льгот определённым отраслям промышленности или введение специального режима НДС. Такой режим применялся в Украине для АПК и, как свидетельствуют его результаты, был достаточно успешным.

Принятие парламентом Украины в июле текущего года первой редакции законопроекта о локализации вызвало ряд критических заявлений со стороны западных партнёров Украины. Главная суть их замечаний сводилась к тому, что Украина нарушает взятые на себя обязательства в рамках Соглашения об ассоциации и Соглашения ВТО о государственных закупках. Под давлением ЕС и американской торгово-промышленной палаты разработчики законопроекта о локализации вынуждены были пойти на существенные уступки, которые

заметно снизили его положительное воздействие на украинскую промышленность. В частности, требования локализации в новой редакции стали более плавными. Если изначально предлагалось ввести сразу степень локализации на уровне 25-35 %, то теперь предлагается начать в 2021 г. с 10 % локализации и ежегодно повышать его на 5 % до отметки 40 %, на которой она будет оставаться в течение 10 лет действия данного закона.

В правительстве Украины считают, что более плавное увеличение требований локализации позволит большему количеству производителей заходить на украинский рынок, увеличится время на поиск партнёров для поставок комплектующих, производственных площадок, это позволит привлечь большее количество производителей к участию в этой производственной деятельности. Но главный недостаток проекта закона при этом остаётся: конечный уровень локализации по большинству отраслей промышленности не достигает даже 50 %, что означает критическую зависимость украинской промышленности от импортных комплектующих.

Чтобы отстоять перед ЕС даже те скромные требования по локализации иностранными компаниями производства в Украине, правительство этой страны ссылается на сильный ущерб от пандемии и глобального экономического кризиса. Правительство также указывает, что Украина не получила желаемой поддержки от ЕС как партнёра в рамках «европейской политики соседства». Этим Киев обосновывает свои просьбы на применение в кризисный и посткризисный периоды определённых мер политики развития, которые временно могут отходить от общих принципов или правил, в том числе, и от соглашения об ассоциации с ЕС.

Ожидаемые экономические выгоды законопроекта о локализации

Свои экономические расчёты относительно эффекта от принятия законопроекта о локализации уже представили аналитический центр Федерации работодателей Украины, Центр развития рыночной экономики CMD-Ukraine, «Укрпромвнешэкспертиза», Growford Institute и аналитический центр Industry4Ukraine. По оценкам председателя правления Центра развития рыночной экономики CMD-Ukraine Игоря Гужвы, принятие законопроекта о локализации приведёт к росту ВВП на 3,9 % в течение 5 лет. При этом рост продукции перерабатывающей промышленности составит 10,7 %, поступления в бюджет вырастут на

8,2 %, будет сохранено 200 тыс. и создано 62,5 тыс. рабочих мест, а импорт сократится на 13,2 %.

Эксперт Growford Institute, доктор экономических наук Константин Швабий выразил уверенность, что если имплементировать положения, лежащие в основе законопроекта, то мультипликативный эффект можно ожидать на уровне + 0,5% ВВП в год, соответственно через 3-5 лет можно ожидать до 3 % прироста.

В свою очередь В. Власюк рассказал, что в своих расчётах учитывал возможные действия контрагентов, достижения, которые будет иметь Украина и отечественные предприятия. Эксперт отмечает, что валовый выпуск за 10 лет составит 375 млрд грн., будет создана валовая добавленная стоимость на сумму 121 млрд грн. Из этой добавленной стоимости фонд зарплаты получит 86 млрд грн., будет сохранено 59 тыс. рабочих мест, налоги в бюджет составят 38 млрд гривен.

Данный законопроект – первый важный шаг со стороны властей Украины, направленный на вывод из кризиса украинского машиностроения. В контексте локализации особо важную роль играют изменения в закон о публичных закупках. Уже сегодня уровень проникновения импорта в публичные закупки в Украине составляет 38 %, в то время как в ЕС и США – 5-8 %. Причём если Украина не примет закон о локализации, то в будущем данный показатель для этой страны будет только ухудшаться. По оценкам экспертов, в следующем году эти закупки вырастут до 33,4 млрд грн. по тем видам продукции, которая попала в законопроект. При условии сохранения теперешней тенденции уровень проникновения импорта вырастет до 70 % [3].

Первые положительные результаты локализации

Примерами положительного воздействия локализации являются производители пожарной и коммунальной техники на Украине. Стабильный госзаказ в течение последних лет на продукцию украинских производителей пожарной техники позволил им существенно нарастить производство. Однако данный положительный эффект может быть нивелирован, если Украина начнёт за кредитные средства массово закупать пожарную технику за рубежом.

Сегодня в Украине есть четыре основных производителя пожарных автомобилей. Спектр выпускаемой продукции достаточно широк и покрывает практически все запросы

украинских пожарных. Как правило, украинские производители используют в производстве импортные шасси. Объявляя тендеры, заказчики часто регламентируют, какие шасси они хотят видеть. Сегодня это, как правило, MAN, МАЗ, Iveco. Если бы в Украине была централизованная государственная политика, то и украинские производители предъявили бы необходимые заказчику требования по украинским шасси.

Вместе с тем минимум треть, а зачастую и больше, в стоимости производимой пожарной техники приходится на покупку комплектующих, произведённых в Украине. Поддержание производства в этой отрасли было бы невозможно без государственного заказа, который финансировался отдельной строкой в госбюджете. Три года подряд в государственном бюджете на закупку пожарной техники украинского производства выделялось порядка 700 млн. грн.

Тем не менее всё сильнее обостряется конкуренция с иностранными производителями, которые выходят на украинский рынок. Имея доступ к дешёвым кредитам, иностранные производители активно демпингуют на украинском рынке. Также, немаловажный тормозящий фактор – планы правительства Украины взять товарный кредит в Австрии в 250 млн евро на покупку пожарной техники. Это полностью закрывает все потребности Украины в пожарной технике на 10 лет, что означает отсутствие закупок все эти годы соответствующей техники на Украине.

Эксперты считают, что принятие законопроекта о локализации без дальнейших смягчений условий локализации сохранит в украинском машиностроении 200 тыс. рабочих мест и создаст 60-100 тыс. новых. Например, по локализации машиностроительной продукции на Украине есть около 70 компаний с конечным продуктом и около 4 тыс. производителей комплектующих. Среди них есть и большие производители, но большая их часть в основном малый и средний бизнес [4].

Отсутствие требований локализации и открытость украинского внутреннего рынка коммунальной техники делают его весьма доступным для иностранных производителей. Стоит отметить, что украинские производители коммунальной техники могут кроме мусоровозов также изготавливать вакуумные и каналопромывочные машины, снегоуборочную технику, машины для ямочного ремонта дорог, аварийно-ремонтные

автомобили, и автоцистерны. При этом, практически 90 % сбыта – это рынок Украины: муниципальные и частные предприятия дорожной, коммунальной инфраструктуры.

Главные комплектующие и аппаратура управления коммунальной техники в основном украинского производства. При этом преимущественная масса поставщиков – это предприятия малого и среднего бизнеса; наличие стабильных заказов на производимую мусороуборочную технику позволяет этим компаниям развиваться, наращивать объёмы производства и нанимать новых работников. Рынок мусоровозов в Украине стабильно растёт: например, в 2018 г. он вырос сразу на 31 %, в перспективе будет расти и дальше [5]. Рынок коммунальной и пожарной техники в ближайшие 3-5 лет составит 100-150 млрд грн.

В условиях мирового экономического кризиса иностранные производители ищут рынки сбыта, и потенциально богатый украинский рынок интересен всем. Это подтверждает выход в прошлом году на украинский рынок коммунальной техники турецких мусоровозов Rafco. Усиливают своё проникновение в Украину и другие иностранные производители. Причём по показателям качества украинская коммунальная техника в основной своей массе сопоставима с иностранными аналогами. Тем не менее, конкуренция на тендерах с неукраинскими производителями в последнее время усиливается, всё чаще украинские производители проигрывают из-за более дорогой цены на свою продукцию.

Проводя политику локализации производства, власти Украины надеются на осознание руководством ЕС того, что экономически слабая Украина – не в интересах её европейских соседей и Евросоюза в целом. В контактах с представителями ЕС в Киеве они подчёркивают, что экономически успешная Украина с развитой экономикой, которая способна своевременно выплачивать свои кредиты, – в интересах европейских партнёров Украины. Правительство этой страны рассчитывает на понимание и поддержку Брюсселем усилий Киева по развитию украинской промышленности с помощью инструмента локализации.

Список использованных источников

1. Голубева Е. Куда привела украинскую промышленность кадровая чехарда // 112-Украина: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://112.ua/statji/dokeruvalis-kuda-priveli-ukrainskuyu-promyshlennost-kadry-zelenskogo-561109.html>, дата доступа – 2020.15.12.

2. Дубровик-Рохова А. Почему нам нужен закон о Локализации? // Центр развития рыночной экономики: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cmd-ua.org/uk/chomu-nam-potrben-zakon-pro-lokalzatsyu.bX8kc/>, дата доступа – 2020.12.02.

3. Январев В. Локализация на Украине: как поможет магическая таблетка // Минпром: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minprom.ua/articles/266625.html>, дата доступа – 2020.12.15.

4. Январёв В. С огнем не шутят: как локализация сохранит производство пожарной техники // Минпром: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minprom.ua/articles/264934.html>, дата доступа – 2020.10.08.

5. Не отправиться на свалку: как локализация поможет производителям коммунальной техники // Минпром: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minprom.ua/articles/264901.html>, дата доступа – 2020.10.07.

References

1. Golubeva E. Kuda privela ukrainskuyu promyshlennost' kadrovaya chekharda // 112-Ukraina: [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <http://112.ua/statji/dokeruvalis-kuda-priveli-ukrainskuyu-promyshlennost-kadry-zelenskogo-561109.html>, data dostupa – 2020.15.12.

2. Dubrovik-Rokhova A. Pochemu nam nuzhen zakon o Lokalizatsii? // Tsentr razvitiya rynochnoi ekonomiki: [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <http://cmd-ua.org/uk/chomu-nam-potrben-zakon-pro-lokalzatsyu.bX8kc/>, data dostupa – 2020.12.02.

3. Yanvarev V. Lokalizatsiya na Ukraine: kak pomozhet magicheskaya tabletka // Minprom: [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.minprom.ua/articles/266625.html>, data dostupa – 2020.12.15.

4. Yanvarev V. S ognem ne shutyat: kak lokalizatsiya sokhranit proizvodstvo pozharnoi tekhniki // Minprom: [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.minprom.ua/articles/264934.html>, data dostupa – 2020.10.08.

5. Ne otpravit'sya na svalku: kak lokalizatsiya pomozhet proizvoditelyam kommunal'noi tekhniki // Minprom: [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.minprom.ua/articles/264901.html>, data dostupa – 2020.10.07.

УДК 336.02; 336.1

Faraj Tair oglu Akhundov,
PhD;
Treasury Department of halg-Bank,
(Azerbaijan)

HEDGING OPERATIONS ON DERIVATIVES WITH GOVERNMENT SECURITIES

This article is devoted to the development of financial markets in Azerbaijan. It substantiates the development of the institution of government securities as a catalyst for the development of the securities market as a whole. The increasing role of financial instruments in the process of investing in the economy is directly related to the level of risks of financial assets. Low-income people generally try to invest in operations with minimal risk, although minimal risk means minimum income. In this regard, the development of government securities is the basis on which the entire system of financial markets in Azerbaijan should be built. We also examined the problems of risk management by hedging financial instruments.

Keywords: government securities: hedging of risk operations: Azerbaijani securities market; derivatives.

法拉吉·泰尔·阿洪多夫

政府证券衍生品的对冲操作

本文旨在探讨阿塞拜疆金融市场的发展，证实了政府证券制度的发展如同整个证券市场发展催化剂。金融工具在经济投资过程中的作用越来越大，直接关系到金融资产的风险水平。低收入者通常尝试在风险最小的业务上投资，尽管风险最小意味着收入最低。就这一点而言，发展政府证券是建立阿塞拜疆整个金融市场体系的基础。我们还通过对冲金融工具研究了风险管理的问题。

关键词: 政府证券；风险对冲操作；阿塞拜疆证券市场；衍生品

Фарадж Таир оглу Ахундов

ХЕДЖИРОВАНИЕ ОПЕРАЦИЙ ПО ДЕРИВАТАМ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ

Данная статья посвящена развитию финансовых рынков в Азербайджане. В ней обосновано развитие института государственных ценных бумаг как катализатора развития рынка бумаг в целом. Увеличение роли финансовых инструментов в процессе инвестирования экономики непосредственно связано с уровнем рисков финансовых активов. Население с небольшими доходами в основном старается инвестировать в операции с минимальным риском, несмотря на то, что минимальный риск означает минимальный доход. В этой связи развитие государственных ценных бумаг является тем базисом, на котором должна строиться вся система финансовых рынков в Азербайджане. Также рассмотрены проблемы регулирования рисков путём хеджирования финансовых инструментов.

Ключевые слова: государственные ценные бумаги; хеджирование рисков операций; рынок ценных бумаг Азербайджана, деривативы.

Введение

Быть частью глобального экономического пространства означает большие возможности для создания экономики, основанной на высоких технологиях и прогрессивном менеджменте. Вместе с этими преимуществами перед страной ставится ряд задач. Единое экономическое пространство требует определённой унификации экономики Азербайджана с мировой экономикой. В этом и заключается смысл глобализации: наличие единых правил для всех стран даёт возможность беспрепятственного продвижения новых технологий.

В числе основных проблем экономики Азербайджана на сегодняшний день – увеличение масштабов производства товаров с высокой прибавочной стоимостью. В этой связи возникают проблемы с концентрацией капитала. Одним из методов мобилизации финансовых ресурсов, как для развития экономики страны, так и для развития отдельных предприятий является функционирование финансовых рынков.

Финансовые инструменты, которые являются элементами финансовых рынков, очень многообразны. На наш взгляд, на данном этапе развития экономики Азербайджана необходимо быстрыми темпами развивать рынок государственных ценных бумаг, который

на начальной стадии развития всего рынка ценных бумаг является самым предпочтительным в плане надёжности и минимизации рисков. Участие населения Азербайджана в экономическом развитии страны мы видим через активное участие в деятельности финансовых рынков.

Рынок ценных бумаг и его регулирование

Существуют разные мнения и оценки понятия государственного регулирования экономики. Управление рынком ценных бумаг в разных странах может осуществляться как государственными органами, так и органами саморегулирования. В некоторых странах рынок ценных бумаг управляется самостоятельными организациями, которые подчиняются либо главе государства, либо органу законодательной власти (США, Австралия, Польша, Венгрия). В таких странах как Англия, Голландия, Швеция регулированием фондового рынка занимается Министерство финансов или его подразделения. Есть страны, где рынком ценных бумаг управляет Центральный банк (Россия, Нидерланды). Контроль над деятельностью рынка ценных бумаг может проводиться как центральным, так и местными органами власти (Германия). И, наконец, регулирование фондового рынка может осуществляться несколькими органами, отвечающими за конкретный сегмент рынка. Такая ситуация присуща странам, где на рынке ценных бумаг наибольшей активностью выделяются коммерческие банки (Франция).

В Азербайджане главным инструментом политики государства относительно рынка ценных бумаг является система его регулирования. С целью формирования условий для накопления и дальнейшей трансформации сбережений в инвестиции, рынок ценных бумаг, прежде всего, призван обеспечить гибкое перераспределение инвестиций между отраслями, а также приток внутренних и внешних инвестиций на предприятия республики.

В республике непрерывно ведётся структурная перестройка экономики, для чего проводится работа по мобилизации инвестиций. Мировая практика инвестиционной деятельности подтверждает тот факт, что эффективно функционирующий рынок ценных бумаг открывает возможности финансового обеспечения экономического роста в стране. На государственном рынке ценных бумаг в настоящее время прослеживается усиление его регулирования со стороны национальных органов. Это касается не только вопросов контроля за соблюдением законодательства участниками рынка, но и предпринимаемых конкретных

шагов при определении стратегических направлений стимулирования фондового рынка Азербайджана.

Выпуск в Азербайджане государственных облигаций играет важную роль. Для многих развитых стран мира выпуск государственных облигаций представляется весьма актуальным с точки зрения привлечения заёмных средств. Вместе с тем, выпуск государственных ценных бумаг требует, как наличия совершенной законодательной базы, так и присущих этим инструментам чёткой оценки инвестиционных рисков со стороны участников рынка. В условиях рыночной экономики заёмные средства считаются одним из основных способов покрытия бюджетного дефицита, что характерно и для Азербайджана.

Рынок ценных бумаг состоит из первичного и вторичного рынков. На первичном рынке мобилизация финансовых ресурсов осуществляется за счёт выпуска ценных бумаг. В этом случае размещение ценных бумаг на рынке осуществляется двумя путями. В первом случае размещающий ценные бумаги обращается непосредственно к инвесторам и путём распределения ценных бумаг между ними мобилизует финансовые средства. Во втором же случае размещение ценных бумаг осуществляется через посредников. Ценные бумаги, размещённые на первичном рынке, покупаются и продаются на вторичном. В случае, когда первичный рынок является источником мобилизации средств для финансирования реального сектора, вторичный рынок, в основном, приводит к перераспределению богатства.

Методологические вопросы хеджирования государственных ценных бумаг

Рынок ценных бумаг на сегодняшний день в Азербайджане находится на стадии развития. Как известно, рынок ценных бумаг делится на два типа: корпоративный и государственный [1; 2]. В период становления финансовых рынков основное внимание уделяется динамике рынка государственных ценных бумаг. В отличие от корпоративных ценных бумаг государственные ценные бумаги менее рискованны, потому что выплаты по ним обеспечиваются государством.

Однако важно отметить, что менее рискованные не означает безрисковые. Риски государственных ценных бумаг оцениваются независимыми рейтинговыми агентствами и обычно приравниваются к рейтингу страны. Также на динамику риска государственных ценных бумаг влияют макроэкономические показатели. Основная задача любого инвестора – правильное оценивание рисков, а также использование финансовых инструментов для

хеджирования (уменьшение показателей риска) своих инвестиций. В данной статье мы представили финансовые инструменты, которые диверсифицируют риски инвестиций в государственные ценные бумаги, а также повышают их ликвидность.

Для регулирования рисков существуют финансовые инструменты, которые называются деривативами. Иными словами, деривативы – это контракты на финансовую операцию в определённый срок с оговорёнными активами. Рассмотрим несколько видов деривативов: опцион, форвард, своп и кредитный дефолтный своп (CDS). Для более глубокого описания проблемы дадим некоторые определения.

Опцион – это финансовый инструмент, который даёт право его держателю на покупку того или иного актива в определённый период времени, за оговорённую заранее цену.

Форвард – это финансовый инструмент, который даёт его держателю возможность купить-продать определённые активы, расчёты по которым проводятся спустя два дня, после заключения сделки (например, через год).

Своп – это финансовый инструмент, который проводит сделку одновременной купли-продажи одного актива (грубо говоря, обмен) в разное время, но за оговорённую плату оговоренной в контракте сделки.

Кредитный дефолтный своп (CDS) – финансовый инструмент, который даёт право его держателю на получение компенсации за средства, взятые заёмщиком.

Торговля деривативами на финансовых рынках – очень сложный процесс, поэтому на практике имеются стандарты и правила для участников данного рынка. На финансовых рынках США и Европы существует определённый регулятор, который является арбитром в случае невыполнения одной из сторон сделки по деривативам, – Международная ассоциация свопов и деривативов. Данная ассоциация регистрирует каждого участника рынка, возлагает на него определённые обязанности и выдаёт официальную аккредитацию. Данная аккредитация важна для контрагентов, так как без неё желающих заключить сделку по деривативам может не найтись. Требования Международной ассоциации свопов и деривативов обязательны для подписания генерального соглашения ISDA, в котором оговорены методы решения спорных вопросов.

В некоторых странах существует также регулятор, который выдаёт аккредитации участникам рынка деривативов. Эту функцию, например, в России выполняет Центральный

Банк. В некоторых странах кроме подписанного с ISDA соглашения требуется подписание и выполнение условий местного регулятора. Причиной столь большого внимания регулятора к использованию деривативов является обязательность выполнения условий сделки для того, чтобы уменьшить риск на финансовую операцию [3; 4].

В настоящее время в Азербайджане рынок деривативов находится на этапе начального развития. Вопросами законодательной базы в Азербайджане занимается Центральный Банк Азербайджанской Республики. На сегодняшний день рынок долговых ценных бумаг Азербайджана на 90% состоит из государственных ценных бумаг. Наибольшая доля долговых ценных бумаг на финансовом рынке принадлежит нотам Центрального Банка Азербайджанской Республики и государственным облигациям Министерства Финансов Азербайджана. В связи с преобладанием на финансовом рынке Азербайджана государственных ценных бумаг процентные ставки у нас не высокие, а показатели ликвидности высокие. В этой связи инвесторы сталкиваются с желанием сохранения ценных бумаг у себя в портфеле и получения денежных ресурсов на маленьком временном интервале. Поэтому становится актуальной проблема хеджирования сделок по ценным бумагам. Инвестор, купивший на определённую сумму государственных облигаций, спустя некоторое время сталкивается с проблемой оплаты, на которую у него может не хватить средств. В связи с этим он вынужден продать данные ценные бумаги, для того чтобы покрыть текущие обязательства. Инвестор сталкивается с риском не найти проданные им же незадолго до этого ценные бумаги на старых условиях.

Но нужно отметить важный факт: если бы инвестор провёл операцию своп, то ценные бумаги сохранилась бы в портфеле инвестора, и он бы не столкнулся с риском, описанным выше. Он получил бы своего рода кредит. Только этот кредит был бы выдан не банком, а контрагентом. В случае использования инструмента деривативов операция выглядела бы следующим образом: инвестор продаёт ценные бумаги своему контрагенту, заключая параллельно контракт на обратную покупку, но уже за другую цену. У инвестора образуется расход за операцию, но при этом у него остаются ценные бумаги, которые он получит через некоторое время. Данная операция снижает риск потери инвестиции на рынке государственных ценных бумаг.

Рассмотрим применение операции форвард для покупки инвестором государственных ценных бумаг. Операция форвард по государственным бумагам даёт возможность инвестору купить ценные бумаги раньше, чем их оплатить. Сделка происходит следующим образом: инвестор находит на рынке нужные ему ценные бумаги с государственной гарантией, но в случае нехватки средств на покупку он может запросить хеджирование сделки через форвардный контракт. В форвардном контракте будет написана дата покупки государственной ценной бумаги, а проплата за покупку возможна через некоторое время, за определённую комиссию. Преимущество данной сделки заключается в том, что инвестор не теряет ценные бумаги и сможет расплатиться за них позже. Такой инструмент обычно используется при покупке долгосрочных государственных ценных бумаг [5].

Рассмотрим дериватив – опцион, один из важных инструментов для хеджирования рисков. Опцион как инструмент имеет достаточно много вариаций, что помогает в подсчёте рисков и в правильном оценивании инвестиций на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочные периоды. Рассмотрим пример: инвестор покупает долгосрочные государственные ценные бумаги по определённой цене. Учитывая, что внешние факторы могут влиять на цену государственных ценных бумаг (падение цен на нефть, изменение валютного курса и др.), доходность ценных бумаг может быть волатильна.

Во избежание потерь при продаже данных ценных бумаг инвестор заключает опцион-контракт. Иными словами, инвестор покупает право продать ценные бумаги по условиям, оговорённым в контракте. По истечении этого периода у инвестора образуется выбор. Если рыночная доходность будет лучше доходности указанной в контракте опциона, инвестор не будет пользоваться своим правом продажи. Однако может быть и обратное: рыночная доходность купленных инвестором государственных ценных бумаг может быть меньше той доходности, по которой он совершил вышеуказанную инвестицию. В этом случае он пользуется своим правом продать за цену, оговорённую в контракте опциона.

Кредитный дефолтный своп для Азербайджанского рынка ценных бумаг не актуален, так как объём рынка по обороту не является достаточно большим для такого рода хеджирования. Кредитный дефолтный своп как дериватив, который является инструментом хеджирования сделки по ценным бумагам, больше всего используется на рынке ценных бумаг США и Европы. Привлечение большей части населения к деятельности финансовых рынков

облегчит нагрузку на бюджет, а также уменьшит уровень неравномерности доходов населения. Также на сегодняшний день это единственный реальный выход приблизить уровень дохода сельского населения к городскому.

Наименее рискованным финансовым инструментом являются государственные ценные бумаги. В качестве рекомендаций мы предлагаем:

- создать регулирующий орган в Азербайджане, который являлся бы арбитром для сделок по деривативам;
- утвердить всеми участниками рынка генерального соглашения под названием AZISDA, который был бы аналогичен международному генеральному соглашению ISDA, с некоторыми адаптациями.

Выводы

Развитие финансовых рынков в Азербайджане ставит перед нами огромную проблему выбора приоритетных направлений. Но основными проблемами развития финансовых рынков являются определение степени риска вложения в конкретные финансовые инструменты, а также вовлечение широких слоёв населения к деятельности финансовых рынков. Превращение сбережений в инвестиции считается классической задачей экономики страны. Но в условиях определённого недоверия населения к банкам хеджирование финансовых инструментов является важной проблемой для Азербайджана. Минимизация рисков, как для крупных инвесторов, так и для домашних хозяйств откроет новые горизонты для поступления инвестиций в экономику Азербайджана.

Список использованных источников

1. Отчёты ЦБ Азербайджанской Республики // Центральный банк Республики Азербайджан: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cbar.az, дата доступа: 2020.05.04.
2. Отчеты Бакинской Фондовой Биржи // Бакинская Фондовая Биржа: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bfb.az., дата доступа: 2020.02.05.
3. Тагиев М. Р., Ахундов Ф. Т., Тимошук Е. Н. Влияние внешних факторов на динамику стоимости ценных бумаг // Международный научно-практический журнал «Економіка та держава». – 2018. – 11. – С. 15–20.

---

4. Касымов А., Ахундов Ф. Влияние государственного долга на фондовые рынки мира // *Beynəlxalq hüquq və inteqrasiya problemləri, İqtisadiyyat bölməsi*. – 2014. – №3 (39), səh. 469–476.

5. Тагиев М. Р. Деньги, кредит банки // Баку: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.economics.com.az, дата доступа: 2020.05.04.

References

1. Otchety TsB Azerbaidzhanskoï Respubliki // Tsentral'nyi bank Respubliki Azerbaidzhan: [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: www.cbar.az, data dostupa: 2020.05.04.

2. Otchety Bakinskoi Fondovoi Birzhi // Bakinskaya Fondovaya Birzha: [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: www.bfb.az., data dostupa: 2020.02.05.

3. Tagiev M. R., Akhundov F. T., Timoshchuk E. N. Vliyanie vneshnikh faktorov na dinamiku stoimosti tsennykh bumag // *Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal «Ekonomika ta derzhava»*. – 2018. – 11. – S. 15–20.

4. Kasymov A., Akhundov F. Vliyanie gosudarstvennogo dolga na fondovye rynki mira // *Beynəlxalq hüquq və inteqrasiya problemləri, İqtisadiyyat bölməsi*. – 2014. – №3 (39), səh. 469–476.

5. Tagiev M. R. Den'gi, kredit banki // Baku: [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: www.economics.com.az, data dostupa: 2020.05.04.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 371.3

Olga Evseeva,
PhD, associate professor;
Republican Institute of Professional Education
(Belarus)

OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION IN BELARUS OF THE DIGITAL ECOSYSTEM OF KNOWLEDGE

The article examines the concept of *educational ecosystem*: its components and features, prerequisites that contribute to its transformation into a digital ecosystem of knowledge, as well as goals, objectives and opportunities for application in the digital economy are analyzed. Changes in the subjects of pedagogical interaction caused by the digitalization of the educational process are investigated. The prospects for the use of the digital ecosystem in basic, secondary, vocational and high schools are outlined.

Keywords: educational ecosystem; digital knowledge ecosystem; digital economy; human capital; metacompetency; professional and supra-professional competence.

奥尔加·埃夫塞娃

白俄罗斯实施数字知识生态系统的机会和前景

本文探讨了教育生态系统的概念，分析了其组成和特点，有助于其转型为数字知识生态系统的先决条件，以及在数字经济中应用的目标和机会；探讨了教育过程数字化所引起的教育互动主体的变化。展望了数字生态系统在基础教育、中等教育、职高和高中的应用前景。

关键词: 教育生态系统；数字知识生态系统；数字经济；人力资本；多元能力；专业和超专业能力

Ольга Евсева

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В БЕЛАРУСИ ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ЗНАНИЙ

В статье рассматривается понятие «образовательная экосистема»: анализируются её компоненты и особенности, предпосылки, способствующие её трансформации в цифровую

экосистему знаний, а также цели, задачи и возможности применения в цифровой экономике. Исследуются изменения в субъектах педагогического взаимодействия, обусловленные цифровизацией образовательного процесса. Очерчиваются перспективы использования цифровой экосистемы в базовой, средней, профессионально-технической и высшей школах.

Ключевые слова: образовательная экосистема; цифровая экосистема знаний; цифровая экономика; человеческий капитал; метакомпетенции; профессиональная и надпрофессиональная компетентности.

Введение

Глобальные тенденции социокультурного и экономического развития, происходящие в общественном сознании, позволяют определить особенность третьего тысячелетия: речь идёт о становлении нового подхода к образовательной парадигме, ориентированной не на усвоение готовых знаний в чистом их виде, а на умение их применять в нестандартных условиях. Общей тенденцией становится признание роли человеческого потенциала (капитала) в процессах инновационного социального и экономического развития. «Образование на протяжении всей жизни» превращается в ключевой посыл современности.

XXI век характеризуется ускорением темпов изменений во всех областях современной жизни: скорость технологических изменений, автоматизация и цифровизация, экологизация, сетцентричность общества – главные мировые тенденции, которые в ближайшее десятилетие будут менять общество, а соответственно трансформировать систему образования. Она изменяется в соответствии с пониманием сущностных характеристик цивилизации, отражающих особенности её состояния и тенденций развития, угроз, влияющих на жизнь и здоровье людей, возможностей цифровизации среды обитания человека. Эти перемены происходят в стремлении к достижению устойчивого развития общества и личности на основе увеличивающейся ответственности за жизнь [3].

Определяющей особенностью современного мира является возрастание рисков, связанных с всепоглощающей цифровизацией всех сфер жизнедеятельности человека. Необходимость предупреждения опасностей, приводящих к снижению качества жизни людей, обусловила поиск причин возникновения угроз и путей их преодоления. Данный факт

может являться предпосылкой ускорения или замедления трансформации системы образования в аспекте её цифровизации.

Однако на сегодняшний день в Республике Беларусь совокупность социальных, природных, внешних и внутренних, объективных и субъективных воздействий, влияющих на физическое, психическое, нравственное развитие человека, его поведение, воспитание и обучение, формирование личности, создает условия для ускоренного развития цифровой экосистемы знаний.

Основная часть

Решение задач устойчивого развития предполагает переход к новому уровню развития дидактики. Феномен образовательной среды получил широкое распространение в современной педагогической науке. Исследования в философии и социологии рассматривают образовательную среду как часть социокультурного пространства, взаимодействующего с различными образовательными процессами, учитывая их составляющие, где учащийся включается в культурные связи, приобретает опыт социокультурной, самостоятельной деятельности [5]. Таким образом, существует необходимость в изучении *алгоритмов обучающей деятельности* не только самим педагогом, но и учеником (субъектом образовательной деятельности). В зарубежной дидактике введено понятие «средоориентируемое обучение», которое рассматривается как совокупность ряда компонентов – информационного, социального, предметного и системного взаимодействия [4]. Образовательная среда всегда имеет психологический (личностный) компонент. Современный этап образования диктует появление новой образовательной среды – образовательной экосистемы, которая обладает параметрами *пластичности, вариативности, системности, интерактивности, модульности* и направлена на построение индивидуальной траектории обучения.

В настоящее время мы наблюдаем изменения в субъектах педагогического взаимодействия «учитель (педагог, преподаватель) – ученик (учащийся, студент, слушатель)».

Таблица 1. Матрица педагогических функций участников процесса обучения с учётом динамики познавательного процесса

Периодизация	Функции учителя (педагог, преподаватель)	Периодизация, уровни познавательной активности	Функции ученика (учащийся, студент, слушатель)
Учитель 1.0	Трансляция знаний	Ученик 1.0	Усвоение знаний
Учитель 2.0	Трансляция знаний, умения, навыки на равных условиях для субъектов обучения	Ученик 2.0	Усвоение знаний, формирование умений и навыков в зависимости от личностных возможностей
Учитель 3.0	Наставничество и тьюторство со стороны педагога, психологическая комфортность общения в процессе передачи и усвоения знаний обретает содержательный смысл	Ученик 3.0	Усвоение необходимых (достаточных) знаний, умений и навыков для применения их в нестандартных, но знакомых условиях
Учитель 4.0	Формирование компетенций с применением информационных технологий	Ученик 4.0	Самостоятельный поиск и усвоение знаний, формирование умений и навыков по изучаемым процессам и явлениям с использованием инструкционных систем под руководством более опытного участника образовательного процесса
Учитель 5.0	Формирование взаимосвязанных групп компетенций (универсальных, профессиональных, цифровых)	Ученик 5.0	Формирование универсальных и профессионально-значимых компетенций на основе образовательных сред
Учитель 6.0	Формирование метакомпетенций и навыков работы в условиях многозадачности	Ученик 6.0	Развитие универсальных и профессионально-значимых компетенций переходящих в человеческий капитал
Учитель 7.0	Формирование кроссотраслевых и надпрофессиональных компетенций	Ученик 7.0	Усвоение (в том числе и самостоятельно) и применений кроссотраслевых и надпрофессиональных

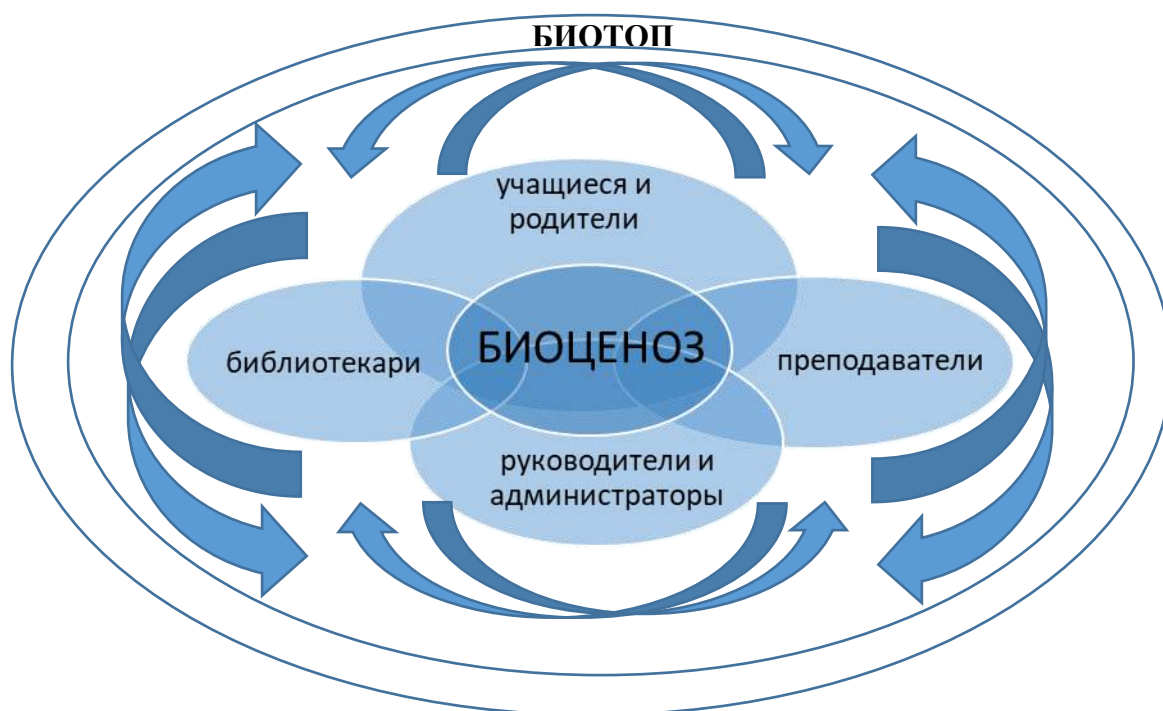
			компетенций в профессиональной деятельности
Учитель 8.0	Гибридная система получения, накопления, систематизации и вывода/ввода информационных данных	Ученик 8.0	Формирование «навыков будущего» и применение их в условиях частичной неопределённости
Учитель 9.0	Синтетическая форма интеллектуального взаимодействия «человек – искусственный интеллект»	Ученик 9.0	Формирование «навыков будущего» и применение их в условиях неопределённости
Учитель 10.0	Искусственный интеллект, самопополняемая цифровая экосистема знаний	Ученик 10.0	Взаимодействие с искусственным интеллектом, анализ и синтез само пополняемой цифровой экосистемы знаний

К. Лукша, Д. Песков, Д. Варламова, Д. Судаков, Д. Коричин в «Атласе новых профессий» определяют метакомпетенции (универсальные навыки), которые отмечены работодателями как важные для работников XXI века (графа «Учитель 6.0» в таблице 1). К ним относятся межотраслевая коммуникация, бережливое производство, программирование, робототехника, искусственный интеллект, системное и экологическое мышление, клиентоориентированность, навыки художественного творчества, управление проектами и другие [2]. В случае выхода на систему формирования у ученика определённых групп востребованных здесь и сейчас компетенций (универсальных, профессиональных, цифровых), кроссотраслевых и надпрофессиональных компетенций и навыков работы в условиях многозадачности необходимо переходить в такого вида, образовательную систему, в которой её компоненты создают особые «живые» связи, способные гибко реагировать на изменяющиеся внутренние и внешние факторы и условия (позиция «Учитель 7.0» в таблице 1). В ближайшие десятилетие потребуется синтетическая форма интеллектуального взаимодействия «человек – искусственный интеллект», а в будущем искусственный интеллект, самопополняемая цифровая экосистема знаний («Учитель 8.0»). Такие условия уже на данном этапе развития гибридной системы получения, накопления, систематизации и

вывода/ввода информационных данных образовательной среды способна создать цифровая система – образовательная цифровая экосистема знаний («Учитель 9.0»).

Понятие образовательной экосистемы в отличие от понятия образовательной среды пока не получил широкого распространения в современной педагогической науке. Понятие экосистема пришло в педагогику из экологии, там она понимается как единый природный комплекс. Экосистема (Tansley, 1935) располагается на определенной территории, является устойчивой системой живых (биота) и неживых (биотоп) компонентов, имеются поток энергии, круговороты веществ, обладающие способностью регулировать все эти процессы [1].

Рисунок 1. Компоненты экосистемы обучения (биоценоз и биотоп)

Ю. Одум определяет экосистему как биологическую систему, состоящую из сообществ, включая живые организмы (биоценоз), среды их обитания (биотоп), системы связей, осуществляющей обмен веществом и энергией между ними. Взаимодействие в экосистеме живых организмов выстраивается друг с другом и с окружающей средой. Проведём аналогию с системой образования, где все объекты интегрированы: *учащиеся и родители, преподаватели и администраторы, библиотекари* (биоценоз) — взаимодействуют друг с

другом и с *элементами экосистемы обучения* (биотоп). Вокруг участников образовательного процесса множество методик, инноваций и технологий. Происходит обмен информацией, по аналогии с обменом энергией между компонентами природной экосистемы [6] (рис. 1).

Б. В. Олейников утверждает, что концепция обучения Learning Ecosystem («экосистема обучения») пришла в российское образование из США, где приобрела большую популярность. В педагогической среде с 2000-х гг. широко используется термин «экосистема обучения» [6], а на современном этапе – «образовательная экосистема», развивающая умение учиться и переучиваться, менять формат обучения.

Основными компонентами образовательной экосистемы являются:

постоянно развивающиеся *глобальные online платформы*, дающие человеку представление о картине Мира (общие и базовые ценности, профессиональные знания);

– *сообщества практики*, где человек развивается профессионально совместно с другими коллегами, учащиеся учатся у мастеров своего дела, реализуют проекты, работают в командах, занимаются любимым хобби (кружки, группы, форумы, конференции, профессиональные объединения);

– *технические решения* для персонального обучения, например, игры и симуляции, поддерживающие персональное самообучение как внутри, так и вне учебных учреждений;

– *традиционные образовательные учреждения* (формальные – школы, техникумы, университеты, и неформальные, ориентируемые на взрослых, например, родительские объединения и клубы) [7]. В зарубежной дидактике понятие «средоориентированное обучение» рассматривается как совокупность компонентов информационного, социального, предметного и системного взаимодействия [4].

По нашему мнению, «образовательная среда» как понятие становится тождественным понятию «образовательная экосистема». Именно образовательная экосистема будущего нацелена на развитие у учащихся компетенции и метакомпетенции, востребованных в новой постиндустриальной экономике [7], а в условиях цифровой экономики образовательная экосистема трансформируется в цифровую экосистему знаний.

Таким образом, мы понимаем под образовательной средой образовательную экосистему социального, культурного и пространственно-предметного, архитектурного и природного окружения, которая создает условия формирования необходимых узкопрофессиональных

(контекстных), профессиональных (кроссконтекстных), мета- и экзистенциальных компетенций [7]. Одним из видов цифровой образовательной экосистемы может являться online-система, которая оказывает консультационные услуги по отдельным учебным предметам и дисциплинам, образовательным областям и темам для построения и реализации индивидуального образовательного маршрута учащихся (студентов, слушателей). в удобном цифровом формате. Потребителями цифровой экосистемы знаний являются ученики (учащиеся, студенты, слушатели), учителя (преподаватели), социум.

Ядром цифровой экосистемы знаний является многосторонняя цифровая платформа, которая отвечает следующим основным критериям: наличие информационно-технологической инфраструктуры, открытость для партнёров и взаимовыгодное использование для всех участников образовательного процесса.

Ключевые характеристики цифровой платформы для развития экосистемы знаний:

- информационно-технологическая инфраструктура и единая информационная среда для взаимодействия участников;
- открытость и возможность подключиться новым участникам;
- алгоритмизация взаимодействия участников;
- взаимовыгодность отношений участников (принцип win-win);
- значимость количества участников деятельности (масштаб);
- снижение издержек участников экосистемы знаний;

Действия участников цифровой экосистемы знаний взаимовыгодны и ориентированы на взаимную поддержку, что создает возможности, не реализуемые за пределами данной экосистемы. Недостатками цифровых платформ для экосистемы знаний может стать отсутствие гарантии безопасности персональных данных, контроля качества предоставления услуг, нестабильность работы, отсутствие оперативной обратной связи, реклама, а также дополнительные издержки.

Перечисленное выше дает возможность выдвинуть требования к цифровой платформе для развития экосистемы знаний:

- удобство и простота работы с платформой, позволяющие быстро решать задачи;
- гарантия качества предоставляемых услуг и товаров;
- безопасность и конфиденциальность персональной информации;

- наличие и оперативность работы техподдержки;
- качественная служба обратной связи.

Перечисленные гипотетические недостатки корректируются в процессе работ и в условиях достаточной конкуренции могут быть самоликвидированы. В свою очередь, объединение разрозненной образовательной информации в цифровую образовательную экосистему позволит не только решить точечные задачи всех затронутых участников рынка образовательных услуг на уровне среднего, профессионального, высшего образования, но и сформировать целостное представление об актуальном ландшафте цифровых экосистем знаний.

Заключение

Цели и задачи, возможности применения в образовании цифровой экосистемы знаний во многом определяются уровнем цифровой экономики страны (региона) и степенью востребованности соответствующих компетенций участников производственных отношений. Цифровая экономика Республика Беларусь готова к планомерному внедрению цифровой экосистемы знаний на всех уровнях образования, через систему переподготовки и повышение квалификации педагогических работников, вовлечение в этот процесс не только самих обучающихся, но и всех заинтересованных в результате (заказчиков образовательных услуг).

Первоначальной целью внедрения экосистемы знаний может стать процесс формирования, поддержки и развития навыков в соответствии с индивидуальной траекторией обучения.

Первоочередные задачи:

1) Закрепление усвоенного в процессе дистанционных занятий материала. Осознанное самостоятельное выполнение домашних заданий. Работа над переводом изученного на занятии из кратковременной оперативной памяти в долговременную, с опорой на специфику так называемой «кривой забывания», согласно которой больше всего изученного исчезает из памяти в первые часы и сутки после восприятия.

2) Ликвидация пробелов в знаниях, умениях, навыках. Считается, что при работе дома возможно выявить более ясно, что понимает, знает, умеет ученик (учащийся, студент) и в процессе самоподготовки принять меры по устранению встречающихся затруднений. Именно самостоятельная домашняя работа позволяет обеспечить индивидуально

ориентированный вариант учебной деятельности, учитывая затруднения конкретного ученика, его собственные интеллектуальные и психологические особенности.

3) Самостоятельное освоение учебного материала, не представляющего существенной познавательной сложности. Эта функция домашней работы особенно чётко видна при реализации современных технологий обучения, в частности, набирающей всё большую популярность технологии «Перевернутый урок», которая предусматривает предварительное ознакомление с предлагаемым материалом и последующее более глубокое рассмотрение непосредственно на занятии в онлайн формате. Такой способ обучения доказал свою эффективность не только с точки зрения непосредственно результатов обучения, но и в преодолении фиксируемой психологами «школьной» тревожности обучающихся, их боязни что-то не понять, не суметь, потерпеть неудачу.

Реализация цели и задач по внедрению цифровой экосистемы знаний на первых этапах обеспечит оказание следующих услуг:

- обучение с учителем (преподавателем) индивидуально либо в малых группах;
- обучение по отдельным учебным предметам и дисциплинам, образовательным областям и темам, в том числе и профессиональным;
- дистанционные консультации, семинары, вебинары и т. д.;
- совместно с учителем (преподавателем) изучение (повторение) материала, помощь в подготовке домашних заданий, подготовка к контрольным работам, зачётам, семинарам, коллоквиумам, централизованному тестированию, сдаче других экзаменов;
- консультационные услуги (репетиторство);
- услуги учащимся, не сдавшим экзамены, зачёты, не прошедших иные формы контроля результатов учебной деятельности, предусмотренные в основных учебных планах и программах в учреждениях общего среднего образования;
- услуги по контролю качества усвоения программного материала, диагностирования и корректирования знаний и умений обучающегося (ученика, студента); при индивидуальной форме контроля учащийся получает свое задание в соответствии с уровнем усвоения материала, которое он выполняет без посторонней помощи;
- обеспечение контроля степени усвоения материала с помощью выделения в каждой теме ключевых понятий и терминов, которые могут быть положены в основу кроссвордов,

головоломки, ребусов, викторин, что в свою очередь способствует познавательной активности и способности нестандартно подходить к решению поставленных задач.

Таким образом, можно сделать вывод о реальной перспективе внедрения в Беларуси цифровой экосистемы знаний на уровнях базовой, средней, профессионально-технической и высшей школ. Это обеспечит:

- формирование умений и навыков, необходимых не только для обучения, а и для жизни в условиях быстроизменяющейся внешней и внутренней ситуации в мире;
- индивидуализированность выстраивания траектории развития человеческого капитала;
- доступ к ресурсам и контенту в удобное время из удобного места;
- экономию времени и средств;
- получение образовательных услуг прямо из дома;
- многофункциональность;
- мультипрофильность;
- возможность монетизировать образовательные услуги.

Список использованных источников

1. Быков, Б. А. Экологический словарь. / Б. А. Быков. – Алма-Ата: Наука, 1983. – 216 с.
2. Варламова, Д. Атлас новых профессий 2.0. / Д. Варламова, Д. Коричин, Д. Песков, К. Лукша. – 2-е изд., исп., и доп. – М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 288 с.
3. Дудина, М. Н. Тенденции развития образовательного пространства и обучения в Российском вузе / М. Н. Дудина // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 11 – С. 35–38.
4. Дьюи, Дж. Э. В. Школы будущего. / Э. В. Дж. Дьюи. – Берлин, 1922. – 179 с.
5. Крылова, Н. Б. Культурология образования / Н. Б. Крылова. – М.: Народное образование, 2000. – 272 с.
6. Олейников, Б. В. О концепции «экосистема обучения» и направлениях развития информатизации образования / Б. В. Олейников, С. А. Подлесный // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 4 – С. 84–91.

---

7. Федоров, И. М. Переход от образовательной среды к образовательной экосистеме / И.М. Федоров. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 28 (266). – С. 246–250. – URL: <https://moluch.ru/archive/266/61494/> (дата обращения: 08.08.2020).

References

1. Быков, В. А. Экологический словарь. / В. А. Быков. – Alma-Ata: Nauka, 1983. – 216 с.
2. Varlamova, D. Atlas novykh professii 2.0. / D. Varlamova, D. Korichin, D. Peskov, K. Luksha. – 2-e izd., isp., i dop. – M.: Olimp-Biznes, 2016. – 288 с.
3. Dudina, M. N. Tendentsii razvitiya obrazovatel'nogo prostranstva i obucheniya v Rossiiskom vuze / M. N. Dudina // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. – 2007. – № 11 – С. 35–38.
4. D'yui, Dzh. E. V. Shkoly budushchego. / E. V. Dzh. D'yui. – Berlin, 1922. – 179 с.
5. Krylova, N. B. Kul'turologiya obrazovaniya / N. B. Krylova. – M.: Narodnoe obrazovanie, 2000. – 272 с.
6. Oleinikov, B. V. O kontseptsii «ekosistema obucheniya» i napravleniyakh razvitiya informatizatsii obrazovaniya / B. V. Oleinikov, S. A. Podlesnyi // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2013. – № 4 – С. 84–91.
7. Fedorov, I. M. Perekhod ot obrazovatel'noi sredy k obrazovatel'noi ekosisteme / I. M. Fedorov. – Текст : непосредственный // Molodoi uchenyi. – 2019. – № 28 (266). – С. 246–250. – URL: <https://moluch.ru/archive/266/61494/> (дата обращения: 08.08.2020).

УДК 371.2

*Lidiia Pyrozhenko,
Doctor of Sciences (Dr.hab) in Pedagogy, Professor;
Multicultural Research Center,
Huzhou University
(People's Republic of China)*

DIFFERENTIATION OF THE LEARNING PROCESS IN MODERN UKRAINIAN SCHOOLS

The article substantiates the urgency of the problem of differentiation of instruction in the context of educational reform in Ukraine; analyzed the definitions «differentiation» and «individualization»; the main directions of implementation of differentiated instruction in the educational process of Ukrainian schools; describes the problems of differentiated education in mass secondary school.

Keywords: differentiation; individualization of training; specialized training; forms of differentiation.

莉迪娅 彼洛仁科

现代乌克兰学校学习过程的差异化

本文在乌克兰教育改革的背景下，论证了教学差异性问题的紧迫性；分析了“差异”和“个性化”的定义，以及乌克兰学校教育过程中实施差异化教学的主要方向；阐述了在整个中学差别教育的问题。

关键词: 差异化；个性化培训；专业培训；形式的差异化

Лидия Пироженко

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ШКОЛЕ

В статье обосновывается актуальность проблемы дифференциации обучения в контексте реформирования образования в Украине; проанализированы определения понятия «дифференциация» и «индивидуализация»; выявлены основные направления внедрения дифференцированного обучения в учебный процесс украинской школы; раскрыты проблемы дифференцированного обучения в массовой общеобразовательной школе.

Ключевые слова: дифференциация; индивидуализация обучения; профильное обучение; формы дифференциации.

Социальный и научно-технический прогресс, политические, экономические и социальные изменения в Украине актуализировали модернизацию содержания образования, внедрение новых форм и методов обучения, стали причиной возникновения новых типов образовательных учреждений. В Концепции реализации государственной политики в сфере реформирования общего среднего образования «Новая украинская школа» на период до 2029 г. предусмотрено создание различных типов учебных заведений и обеспечение всестороннего развития ребёнка как целостной личности, её способностей и дарований, обогащение на этой основе интеллектуального потенциала народа, его духовности и культуры [11].

По мнению авторов Концепции, запросам времени отвечает школа, которая отличается:

- направленностью на развитие самосознания личности как инструмента преобразования действительности, владение приёмами самообразования и самосовершенствования;
- переходом с режима функционирования на режим развития;
- глубокой дифференциацией содержания обучения [11].

Очевидно, что эти задачи не могут быть реализованы в отдельной школе любого типа без реформирования всей системы образования. Ещё в 2003 г. была утверждена Концепция профильного обучения в старшей школе [10]. Как следствие, за последние полтора десятилетия в образовательном пространстве системы общего среднего образования активно начали функционировать лицеи, гимназии, колледжи, где профильность старшей школы воплощается на практике. Новые ориентации современного образования обусловили потребность в широком применении инновационных технологий обучения, индивидуализации и дифференциации учебного процесса и содержания обучения.

Проблему дифференциации обучения актуализирует интеграция Украины в мировое сообщество, где эта модель распространена. Однако механический перенос западных вариантов дифференциации в другую действительность не является продуктивным. Поэтому украинские педагоги ищут свои, собственные пути и средства дифференциации обучения.

Идея дифференцированного подхода к ученикам в процессе обучения появилась в отечественном образовательном пространстве еще в XIX в. Однако до конца XX в. в психологии и дидактике дифференциация обучения рассматривалась прежде всего, как средство предупреждения неуспеваемости учащихся и второгодничества [2, с.16]. Особое внимание принципам индивидуализации и дифференциации процесса школьного обучения уделял Василий Сухомлинский, который рассматривал такое обучение не только как помощь отстающим учащимся, но и как создание условий для успешного овладения знаниями способными детьми. В книге «Павлышская средняя школа», педагог, рассуждая над этой актуальной психолого-педагогической проблемой, отмечает: «Мы не допускаем, чтобы талантливые, одарённые дети работали ниже своих возможностей» [14, с. 240].

С начала 90-х гг. XX в. в Украине продолжилось накопление теоретической и методической базы дифференциации обучения наряду с расширением практического применения её основных принципов. Отличительной особенностью этого периода является переход украинской школы от унитарности к вариативности, разнообразие учебных планов и программ, целевая ориентация на содействие личностному и профессиональному самоопределению учащихся. В психолого-педагогических исследованиях появилось немало интересных идей и концепций, направленных на всестороннее развитие личности каждого ученика, его познавательных способностей.

Для раскрытия сущности дифференцированного обучения рассмотрим толкования понятийного аппарата, который связан с дифференциацией. Дифференциация (лат. *differentia* – разница) означает разделение, различие, расчленение, расслоение целого на различные части, формы, ступени. Сущность понятий: «дифференциация обучения» – это условие функционирования образовательных систем; «дифференцированное обучение» – это характерная особенность учебного процесса; «дифференцированный подход» – это подход к организации обучения [2, с.15]. Крейг Кэмпбелл (Craig Campbell), доктор философии Университета Сиднея отмечает, что современная дифференциация предполагает полный учёт потребностей и особенностей детей, а также обеспечение молодых людей социально эффективным образованием. Учёный замечает, что природный ум, склонности и способности должны быть признаны при обеспечении дифференцированного образования [1].

В понимании дифференциации выделяют три основных аспекта:

- учёт индивидуальных особенностей учащихся;
- группирование учащихся на основе этих особенностей;
- вариативность учебного процесса в группах [2, с. 16].

Первый аспект – учёт индивидуальных особенностей учащихся – характерен и для дифференциации, и для индивидуализации. Однако индивидуализация и дифференциация далеко не одно и то же. Дифференциация – это реализация принципа дифференцированного подхода, который предусматривает учёт различий между группами учащихся по их интересам, уровню знаний, научности и тому подобное. Под дифференциацией понимают способ организации учебного процесса, при котором учитываются индивидуально-типологические особенности личности (способности, интересы, склонности, особенности интеллектуальной деятельности и др.). Дифференциация характеризуется созданием групп учащихся, в которых элементы дидактической системы (цели, содержание, методы, формы, результаты) различаются [2, с. 17]

Дифференциация обучения имеет содержание и форму. Содержание дифференциации обучения – это специально организованный учебный процесс для определённой группы учащихся. Специальная организация учебного процесса может проявляться в различных формах. Дифференцированное обучение требует от учителя не только умения правильно дифференцировать класс, разрабатывать задания и знать индивидуальные особенности учащихся, но и уметь организовать учебный процесс, то есть организовать работу на уроке. Для этого ему нужно использовать все возможные виды работы на уроке. Главными видами работы на уроке являются фронтальная, индивидуальная и групповая.

Индивидуализация – это предельный вариант дифференциации, когда учебный процесс строится с учётом особенностей не групп, а каждого отдельно взятого ученика. Индивидуализация – это осуществление принципа индивидуального подхода к учащимся, который предполагает учёт индивидуальности каждого ребенка как выявления особенностей психо-физиологической организации в её неповторимости, своеобразии, уникальности.

Для обеспечения высокого уровня образованности школьника необходимо применять такие методы обучения и воспитания, которые бы развивали индивидуальность ребенка, его интересы, обеспечивали бы ему необходимые условия гармоничного развития личности.

Учет индивидуальных особенностей учащихся – это приспособление приемов, методов и форм педагогического воздействия к индивидуальной личности, с целью обеспечения запрограммированного уровня ее развития [8, с. 22]. Индивидуальный подход создает благоприятные условия для роста познавательных сил, активности, склонности и одаренности ученика. Такого подхода требуют не только трудные воспитанники, школьники не способные овладеть общеобразовательной школьной программой, но и одаренные дети, дети среднего уровня развития.

Содержание принципа индивидуального подхода состоит в такой организации учебного процесса, при которой выбор методов, приемов и темпа обучения учитывает индивидуальные различия учащихся, уровень их способностей к обучению. Движущими силами индивидуализации являются противоречия между фронтально построенным процессом подачи нового материала и индивидуальным характером его усвоения. Этот принцип имеет давнюю историю. Еще Константин Ушинский говорил, что делить класс на две группы, одна из которых сильнее второй, не только нужно, но даже полезно, если наставник умеет, занимаясь с одной группой сам, второй даст самостоятельное упражнение [8, с. 27].

В рамках развивающего индивидуального подхода происходит глубокое изучение индивидуальных психологических особенностей учащихся, перераспределение внимания от слабых учеников к разным группам школьников; делается попытка построить учебный процесс с учетом индивидуально-психологических особенностей восприятия и мышления учащихся на основе теории деятельности.

Использование дифференциации обучения вносит значительные изменения в учебный процесс. Эти изменения проявляются не столько в методических приемах, которые применяет учитель, сколько в его стиле взаимодействия с учениками. В условиях дифференциации обучения ученик – это, прежде всего, партнер, имеющий право на принятие решений (на выбор содержания своего образования, уровня его усвоения и т.п.). Главная же задача и обязанность учителя – помочь ребёнку принять и выполнить принятое им решение; помочь сделать правильный выбор, подобрать нужную литературу. Если учитель будет учитывать все особенности индивидуального подхода и обеспечивать его на уроках, то эффективность усвоения знаний и производительность труда будут значительно выше.

Дифференциация общего образования в Украине представляет собой систему, в которой различают уровневую (внутриклассную) и профильную дифференциации. Профильная дифференциация связана с различным содержанием образования и направлена на специализированную подготовку учащихся, которые объединяются в гомогенные группы по интересам, наклонностям, способностям и профессиональной направленности. На межшкольном уровне (макроуровне) профильная дифференциация реализуется через различные типы школ (гимназии, лицеи, математические, лингвистические школы и др.); на внутришкольном уровне (мезоуровне) – через профильные классы (группы), факультативы, элективные курсы и кружки по выбору.

В соответствии с Концепцией профильного обучения дифференциация содержания обучения в старших классах осуществляется на основе различных соотношений курсов трех видов: базовых, профильных, элективных. Каждый из курсов вносит свой вклад в решение профильного обучения. Важное место в профильных классах старшей школы занимают курсы по выбору (элективные курсы), имеющие функцию углубления и расширения границы профильных курсов [10]. Базовые общеобразовательные предметы отражают обязательную для всех учащихся инвариантную часть образования и направлены на завершение общеобразовательной подготовки учащихся.

Профильные курсы обеспечивают углублённое изучение отдельных предметов и ориентированы на подготовку учащихся к будущему профессиональному образованию. Элективные курсы связаны, прежде всего, с удовлетворением индивидуальных образовательных интересов, потребностей и склонностей каждого ученика. Именно они являются важным средством построения индивидуальных образовательных программ, так как в наибольшей степени связаны с выбором каждым школьником содержания образования в зависимости от его интересов, способностей, жизненных планов.

Элективность – принцип выбора предметов для изучения самими учениками, она заключается в том, что с определённого года обучения лишь часть предметов являются обязательными, а остальные могут выбираться учениками (с разрешения педагогов) из числа рекомендованных для данного года обучения или для того или иного профиля. Элективный принцип применяется в старших классах средних общеобразовательных школ Украины с 1991 г. [4].

По назначению можно выделить следующие виды элективных курсов.

Предметные курсы – направлены на углубление и расширение знаний по предметам, которые входят в базовый учебный план школы. Предметные элективные курсы делятся на несколько групп:

1) элективные курсы повышенного уровня, направленные на углубление того или иного учебного предмета, имеющие как тематическое, так и временное согласование с этим учебным предметом;

2) элективные курсы, в которых углублённо изучаются отдельные разделы основного курса, входящие в обязательную программу предмета;

3) элективные курсы, в которых углублённо изучаются отдельные разделы основного курса, не входящие в обязательную программу предмета;

4) прикладные элективные курсы, заключающиеся в знакомстве учащихся с самыми важными путями и методами применения знаний на практике, а также развитие интереса учащихся к современной технике и производству;

5) элективные курсы, посвящённые изучению методов познания природы;

6) элективные курсы, посвящённые истории предмета, который как входит в учебный план школы (история математики, физики, биологии, химии), так и не входит в него (история астрономии, техники, религии и др.);

7) элективные курсы, посвящённые изучению методов решения задач (математических, физических, химических, биологических и т. д.), составление и решение задач на основе физического, химического, биологического эксперимента.

Уровневая (внутриклассная) дифференциация является наиболее массовой в украинской школе в условиях господства классно-урочной системы. Ведь обычные школы состоят в большинстве из гетерогенных классов, дифференцированное обучение в таком классе не требует отклонения от учебных планов, программ, не требует дополнительных средств и условий для применения. Поскольку дифференцировать обучение каждого ученика практически невозможно, то, естественно, есть смысл разделить учеников на небольшие группы. Для этого нужны критерии и программы изучения детей.

Дифференцированное обучение предполагает целостность его реализации на всех этапах учебного процесса. На современном этапе развития общеобразовательной школы

необходимы поиски новых его форм, направленных на выработку такой модели построения учебного процесса, которая обеспечивала бы всем ученикам достижения основных целей обучения, подводила их к единому, чётко заданному, предусмотренному программами, уровню владения знаниями и навыками [5]. Цель дифференциации процесса обучения – обеспечить каждому ученику условия для максимального развития его способностей, склонностей, удовлетворения познавательных потребностей и интересов в процессе усвоения им содержания общего образования.

Учебный процесс должен не просто приспособливаться, подстраиваться под уровень знаний и умений учащихся, изменяя содержание и методы, а и ориентироваться на достижение максимально важных результатов каждым учеником и, что не менее важно, на развитие мышления, познавательных возможностей, интересов. Изменение характера умственной деятельности происходит в таких направлениях: ускоряются ассоциативные процессы и увеличивается их ценность; расширяются интересы участников групповой работы; обобщается и систематизируется представление; стимулируется аналитическая и синтетическая деятельность мышления.

Внутришкольная дифференциация в украинской школе чаще всего осуществляется во время закрепления и повторения ранее изученного материала, поскольку есть возможность организовать самостоятельную работу учащихся. Основными способами дифференциации, которые используются на этапе закрепления изученного материала, являются:

- 1) дифференциация содержания школьных учебных заданий (по уровню творчества, проблемности, объёма);
- 2) использование разных способов организации деятельности детей (по уровню самостоятельности и характеру помощи учащимся, по характеру учебных задач) [12].

Дифференцированный подход к обучению в украинской школе реализуется и с помощью учебника, создания различных учебных комплексов под разные программы. Все элементы учебника, направляемые на познавательную деятельность учащихся, могут выступать средствами дифференциации обучения, поскольку именно познавательная деятельность, её объём и характер должны соответствовать возможностям учащихся и потребностям усвоения ими необходимого содержания.

В современном украинском школьном учебнике учебный материал варьируется по сложности, уровню проблемности, по возможностям содержательной трансформации. Кроме того, варьируются авторский текст, методические советы, задания, вопросы и другие составляющие учебника; тексты – по способу и полноте изложения, задачи – по количеству, объёму и характеру действий учащихся в этих условиях. Основной учебный материал обязательно выделяется автором либо как отдельная составляющая, рядом с другими элементами, либо как самостоятельная часть учебника на фоне её других составляющих. Задачи выстраиваются блоками и предлагаются как разноуровневые: от простых – к сложным [6].

Несмотря на очевидные успехи по внедрению дифференцированного обучения в практику украинской школы, исследователи [7; 9] отмечают ряд нерешённых проблем. Так, дифференциация работы по уровню самостоятельности проявляется преимущественно на организационном уровне, а не на содержательном, то есть не предполагается различий в учебных заданиях для разных групп учащихся. Все школьники выполняют одинаковые упражнения, однако некоторые выполняют их под руководством учителя, а другие – самостоятельно.

Несмотря на то, что проблеме индивидуализации обучения в психолого-педагогической науке уделяется большое внимание, в школьной практике в процессе обучения остается почти непреодолимая тенденция к усреднению, потому что в условиях классно-урочной системы обучения ориентироваться на индивидуально-психологические особенности каждого ученика чрезвычайно сложно.

Педагогическая практика свидетельствует: усреднение приводит к тому, что даже облегчённые задания часто оказываются непосильными для учащихся с низким уровнем обучаемости, развитие интеллектуально одарённых детей тормозится, усреднение не позволяет им реализовать свои потенциальные возможности. А это в свою очередь может привести к непоправимым последствиям, ибо культура общества, которая стала на путь унификации (усреднение), усечение своих «способностей», обречена на эволюционный регресс.

На данный момент многие школы, лицеи, гимназии, коллегиумы в Украине ориентируются на среднего ученика. Но педагогическая практика свидетельствует, что

усреднение приводит к тому, что даже облегченные задания оказываются непосильными для детей с низким уровнем обученности и развитие детей тормозится. Индивидуальный подход используется в таких случаях очень редко. Особенно критична ситуация с этим в сельских школах, где материальная база и наполняемость педагогического коллектива не позволяет осуществлять дифференциацию на должном уровне. Существенные трудности в работе сельских учителей вызывают нестандартные условия функционирования малокомплектных школ, различия их структуры, режимов обучения. Классно-урочная система организации обучения при условии низкой наполняемости классов является малоэффективной.

Все дети в классе обучаются по одинаковым программам, учебникам, методикам, исходя из одних и тех же ориентиров обучения и воспитания и опираясь на одни и те же критерии оценки. Государственные стандарты, программы регламентируют весь учебный процесс полностью, практически не оставляя выбора для индивидуального и дифференцированного обучения.

При этом происходит нескрываемое нивелирование личностей:

- а) все ученики трактуются одинаково;
- б) всем ученикам подается та же информация;
- в) перед всеми учениками ставятся одинаковые требования;
- г) от всех учеников требуются одинаковые требования;
- д) ко всем ученикам относятся одинаковые стимулы [7].

Таким образом, новая образовательная парадигма определила приоритетные задачи в области образования Украины: переход к личностно-ориентированной модели образования и технологиям развивающего обучения. Широкое внедрение дифференцированного обучения позволяет организовать учебный процесс на основе учёта индивидуальных особенностей личности, обеспечить усвоение всеми учениками содержания образования, которое может быть отличным для разных учащихся, но является обязательным для всех выделением инвариантной части.

Список использованных источников

1. Campbell C. Differentiated schooling [Electronic resource] / C. Campbell // Dictionary of Educational History in Australia and New Zealand (DEHANZ), 21 February 2014. Available [Электронный ресурс]. – Access mode: <http://dehanz.net.au> (access date 14.03.2020).

2. Васьківська Г. О. Теоретико-методичні засади диференціації навчання в сучасній школі / Г. О. Васьківська, В. І. Кизенко // Рідна школа. – 2011. – № 6. – С. 15–20.

3. Наказ № 1243 від 31 жовтня 2011 року. Про Основні орієнтири виховання учнів 1–11 класів загальноосвітніх навчальних закладів України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://osvita.ua/legislation/Ser_osv/24565/ (дата звернення 14.03.2020).

4. НМЦ Профільного навчання Науково–методичного центру профільного навчання Інституту післядипломної педагогічної освіти Київського університету імені Бориса Грінченка [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://sites.google.com/site/smcprofil/materials/for_organizers/material_1 (дата звернення 14.03.2020).

5. Нова українська школа: концептуальні засади реформування середньої школи. – 2016 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://mon.gov.ua/activity/> (дата звернення 14.03.2020).

6. Нова українська школа: poradnik dla vchytela / Під заг. ред. Бібік Н. М. – К.: ТОВ «Видавничий дім «Плеяди», 2017. – 206 с.

7. Новая украинская школа: достижения и провалы образовательной реформы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://znaj.ua/ru/society/187825-nova-ukrajinska-shkola-dosyagnennya-i-provali-osvitnoji-reformi> (дата обращения 14.03.2020).

8. Осмоловская И. М. Организация дифференцированного обучения в современной общеобразовательной школе / И. М. Осмоловская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2005. – 216 с.

9. Поліщук В. С. Шляхи реформування і розбудови вітчизняної школи у контексті Закону України «Про освіту» і «Національної доктрини розвитку освіти в Україні у XXI столітті» // Педагогічна освіта: теорія і практика. – Кам'янець-Подільський. – 2016. – Вип. 20. – С. 149.

10. Про затвердження Концепції профільного навчання у старшій школі [Електронний ресурс]: наказ МОН № 1456 від 21.10.13 року. – Режим доступу: http://osvita.ua/legislation/Ser_osv/37784/ (дата звернення 14.03.2020).

11. Про схвалення Концепції реалізації державної політики у сфері реформування загальної середньої освіти «Нова українська школа» на період до 2029 року: Постанова Каб. Міністрів України від 14.12.2016 р. № 988-р. URL. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://osvita.ua/legislation/Ser_osv/54258/ (дата звернення 14.03.2020).

12. Сікорський П. І. Теорія і методика диференційованого навчання / П. І. Сікорський. Львів: Сполом, 2000. – 421 с.

13. Смирнова Е. О. Детская психология: учебник для вузов / Е. О. Смирнова. – СПб.: Питер, 2010. – 299 с.

14. Сухомлинский В. А. Павлышская средняя школа / В. А. Сухомлинский. Издательство: Просвещение. – М., 1979. – 393 с.

References

1. Campbell C. Differentiated schooling [Electronic resource] / C. Campbell // Dictionary of Educational History in Australia and New Zealand (DEHANZ), 21 February 2014. Available [Электронный ресурс]. – Access mode: <http://dehanz.net.au> (access date 14.03.2020).

2. Vas'kivs'ka G. O. Teoretyko-metodychni zasady dyferenciacii navchannja v suchasnij shkoli / G. O. Vas'kivs'ka, V. I. Kyzenko // Ridna shkola. – 2011. – № 6. – S. 15–20.

3. Nakaz № 1243 vid 31 zhovtnja 2011 roku. Pro Osnovni orijentyry vyhovannja uchniv 1–11 klasiv zagal'noosvitnih navchal'nyh zakladiv Ukrai'ny [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: http://osvita.ua/legislation/Ser_osv/24565/ (data zvernennja 14.03.2020).

4. NMC Profil'nogo navchannja Naukovo-metodychnogo centru profil'nogo navchannja Instytutu pisljadyplomoi' pedagogichnoi' osvity Kyi'vs'kogo universytetu imeni Borysa Grinchenka [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: https://sites.google.com/site/smcprofil/materials/for_organizers/material_1 (data zvernennja 14.03.2020).

5. Nova ukrai'ns'ka shkola: konceptual'ni zasady reformuvannja seredn'oi' shkoly. – 2016 [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://mon.gov.ua/activity/> (data zvernennja 14.03.2020).

6. Nova ukrai'ns'ka shkola: poradnyk dlja vchytelja / Pid zag. red. Bibik N. M. – K.: TOV «Vydavnychyj dim «Plejady», 2017. – 206 s.

7. Novaya ukrainskaya shkola: dostizheniya i provaly obrazovatel'noi reformy [Elektronnyi resurs]. — Rezhim dostupa: <https://znaj.ua/ru/society/187825-nova-ukrajinska-shkola-dosyagnennya-i-provali-osvitnoji-reformi> (data obrashcheniya 14.03.2020).

8. Osmolovskaya I. M. Organizatsiya differentsirovannogo obucheniya v sovremennoi obshcheobrazovatel'noi shkole / I. M. Osmolovskaya. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva, 2005. – 216 s.

9. Polishhuk V. S. Shljahy reformuvannja i rozbudovy vitchyznjanoi' shkoly u konteksti Zakonu Ukrai'ny «Pro osvitu» i «Nacional'noi' doktryny rozvytku osvity v Ukrai'ni u HHI stolitti» // Pedagogichna osvita: teorija i praktyka. – Kam'janec'-Podil's'kyj. – 2016. – Vyp. 20. – S. 149.

10. Pro zatverdzhennja Koncepcii' profil'nogo navchannja u starshij shkoli [Elektronnyj resurs]: nakaz MON № 1456 vid 21.10.13 roku. – Rezhym dostupu: http://osvita.ua/legislation/Ser_osv/37784/ (data zvernennja 14.03.2020).

11. Pro shvalennja Koncepcii' realizacii' derzhavnoi' polityky u sferi reformuvannja zagal'noi' seredn'oi' osvity «Nova ukrai'ns'ka shkola» na period do 2029 roku: Postanova Kab. Ministriv Ukrai'ny vid 14.12.2016 r. № 988-r. URL. [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: https://osvita.ua/legislation/Ser_osv/54258/ (data zvernennja 14.03.2020).

12. Sikors'kyj P. I. Teorija i metodyka dyferencijovanogo navchannja / P. I. Sikors'kyj. L'viv: Spolom, 2000. – 421 s.

13. Smirnova E. O. Detskaya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov / E. O. Smirnova. – SPb.: Piter, 2010. – 299 s.

14. Sukhomlinskii V. A. Pavlyshskaya srednyaya shkola / V. A. Sukhomlinskii. Izdatel'stvo: Prosveshchenie. – M., 1979. – 393 s.

Iryna Shauliakova-Barzenka,
PhD, associate professor;
Multicultural Research Center,
Huzhou University
(People's Republic of China)

**THE SYSTEM FOR ASSESING THE QUALITY OF EDUCATION IN SCHOOLS:
FUNCTIONAL, CONTENT-ACTIVITY AND PROCEDURAL ASPECTS**

The article is devoted to the specifics of functioning at the level of an educational institution of the system for assessing the quality of general secondary education. Its effectiveness is analyzed in a coordinate system set by the parameters of purposefulness, predictability, multidimensionality, functional complexity, sustainability of development, completeness of the cycle, combination of manufacturability (reproducibility) and adaptability, quantitative measurements with introspection and self-assessment of an expert type, balance of formal, informal and informal components and etc.

Keywords: institution of general secondary education; education quality assessment system (EQAS); stable functioning; functional complexity of the education quality assessment system (EQAS); completeness of the cycle; content-activity, functional and procedural aspects of the education quality assessment system (EQAS).

伊丽娜 沙利娅科娃-巴赞卡

评估学校教育质量的系统：功能、内容-活动和程序方面

本文旨在探讨普通中等教育质量评估体系在教育机构层面的具体运作。通过测定坐标系统参数设定的目的性、可预测性、多维性、功能复杂性、发展的可持续性、循环的完整性、可制造性的组合(再现性)和适应性、定量测量专家类型的自省和自我评估以及平衡正式、非正式和非正式的组成部分等等，对其有效性进行了分析。

关键词：普通中等教育机构；教育质量评估系统 (EQAS)；稳定功能；教育质量评估系统 (EQAS) 的功能复杂性；循环完备性；教育质量评估系统 (EQAS) 的内容活动、功能和程序方面

Ирина Шевлякова-Борзенко

СИСТЕМА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ, СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается специфика функционирования на уровне учреждения образования системы оценки качества общего среднего образования. Ее эффективность анализируется в системе координат, задаваемых параметрами целенаправленности и целерациональности, прогностичности, многоаспектности, функциональной комплексности, устойчивости развития, полноты цикла, сочетания технологичности (воспроизводимости) и адаптивности, количественных измерений с самоанализом и самооценкой экспертного типа, баланса формальных, неформальных и информальных компонентов и др.

Ключевые слова: учреждение общего среднего образования; система оценки качества образования (СОКО); устойчивое функционирование; функциональная комплексность системы оценки качества образования (СОКО); полнота цикла; содержательно-деятельностный, функциональный и процессуальный аспекты системы оценки качества образования (СОКО).

Функционирование системы оценки качества образования (СОКО) на уровне учреждения общего среднего образования в современных социокультурных условиях, определяемых параметрами информационного общества и, соответственно, становлением принципиально новой (в глобальных масштабах) образовательной парадигмы, предполагает одновременную «развернутость» этой системы сразу в два содержательно-методологических «хронотопа» – актуальный (утверждающийся практически у нас на глазах) и перспективный (прогнозируемый, предполагаемый).

К числу структурообразующих свойств образования как социокультурного феномена исследователи относят *целенаправленность* (основными целевыми компонентами образования в наиболее общем виде являются усвоение и использование социокультурного опыта, а также формирование установки личности на созидание и позитивное саморазвитие) и *функциональность*. Второе свойство предполагает решение образованием как социокультурным институтом комплекса задач, в числе которых «генерирование,

распространение и хранение культуры общества; социализация личности и ее интеграция в общество; определение статуса личности; социальная дифференциация членов общества, благодаря которой обеспечиваются как воспроизводство и изменение социальной структуры общества, так и индивидуальная мобильность; обеспечение профессиональной ориентации и профессионального отбора молодежи; создание базы знаний для последующего непрерывного образования; создание социокультурных инноваций, разработка новых идей и теорий, открытий и изобретений; осуществление социального контроля» [1, с. 165–166].

Специфика функционирования современной СОКО, с одной стороны, обуславливается необходимостью обеспечить ее *устойчивое* функционирование в контексте деятельности каждого конкретного учреждения образования, что осложняется неравновесностью самой нынешней реальности и становящимся характером существования образовательной парадигмы, одним из ключевых параметров которой является стохастичность. С другой же стороны, эффективность функционирования любой системы изначально задается ее *эволюционным потенциалом* – способностью к (само)развитию как адекватной реакции на внешние воздействия и изменения при максимально рациональном (достаточном и необходимом) использовании ресурсов. Очевидно, что все упомянутые «хронотопы» находятся в сложной взаимосвязи, сближаются по ряду аспектов и параметров – и вместе с тем имеют различия в аспекте целеполагания и содержания задач, решение которых необходимо для достижения соответствующих целей. Поэтому для сбалансированного и вместе с тем перспективно-ориентированного функционирования СОКО в учреждении общего среднего образования уже на начальных этапах её проектирования и реализации необходимо максимально полно учитывать корреляцию тактических шагов и стратегических ориентиров этой системы, понимаемой в широком смысле как комплексная оценка качества предоставляемых учреждением образования образовательных услуг.

Функциональная комплексность СОКО на уровне учреждения образования – как один из ключевых параметров комплексности указанной системы в целом – с методологической точки зрения обеспечивается корреляцией взаимосвязанных функций и компонентов, в частности, соответствием содержания последних их процессуальной роли (таблица 1¹).

---

¹ При составлении данной таблицы были использованы некоторые идеи относительно классификации функций субъекта педагогической деятельности, а также компонентная структура

Таблица 1 – Процессуальный аспект системы оценки качества образования (СОКО) на уровне учреждения образования

Функции СОКО	Содержательно-деятельностный компонент СОКО
<i>Диагностическая</i>	Определение стартового (по отношению к данному этапу оценочных мероприятий и процедур) состояния качества образовательной системы (или ее сегмента, компонентов) учреждения образования
<i>Ориентационная</i>	Определение общих целей оценочной деятельности и их конкретизация (детализация) в ближнесрочной перспективе
<i>Конструктивно-проектировочная</i>	Планирование и проектирование (разработка адресных алгоритмов, структурно-логических схем, матриц, рекомендаций)
<i>Организаторская</i>	Организация деятельности субъектов оценивания, взаимосвязанная с разновекторной профессиональной и личностной коммуникацией, мотивированием и стимулированием деятельности, связанной с качественным выполнением задач
<i>Коммуникативно-стимулирующая</i>	
<i>Аналитико-оценочная</i>	Контрольно-оценочная деятельность; педагогические измерения; диагностика; обработка и систематизация полученных данных; многовекторный анализ данных; экспертная оценка результатов
<i>Исследовательская</i>	
<i>Коррекционная</i>	Разработка рекомендаций по коррекции (педагогической, психологической, методической, организационно-управленческой) и совершенствованию образовательных услуг (их содержания условий и процесса предоставления) с учетом полученных результатов
<i>Информационная</i>	Подготовка и представление результатов оценивания для разных субъектов образовательного процесса; адресное информирование всех заинтересованных

образования как процесса, систематизированные Л. П. Крившенко и М. Ф. Вайндорф-Сысоевой [2, с. 34–37].

<i>Прогностическая</i>	Стратегическое планирование деятельности, связанной с развитием образовательной системы, функционирующей в учреждении образования, и СОКО как одного из ее ключевых компонентов
------------------------	---

В методологическом аспекте эффективность функционирования СОКО в учреждении образования определяется триадой «экономия – эффективность – результативность» (в то время как классическая триада «процесс – условия – результат» в рамках нашего исследования принята за объектную (предметную) основу). Экономия как характеристика результата деятельности учреждения образования предполагает использование «человеческих и материальных ресурсов надлежащего качества и в надлежащем количестве с наименьшими издержками»; эффективность позволяет достичь поставленной цели «при заданном наборе ресурсов или использование минимальных ресурсов для получения необходимого количества и качества предоставляемых услуг» [3, с. 98]); наконец, результативность как итог решения поставленных в ходе осуществления соответствующей деятельности позволяет определить, были ли достигнуты в ходе самоанализа и самооценки искомые цели, характеризующиеся в случае с объектом нашего исследования комплексностью.

Целенаправленность, как уже упоминалось выше, является одним из базовых, структурообразующих требований к любой деятельности в сфере образования, тем более в оценочной. Специфика функционирования современной СОКО учреждения образования предполагает чёткую увязанность и непротиворечивость таксономии (системы целей) оценочной деятельности с целесообразностью затрачиваемых на неё ресурсов (временных, кадровых, материальных и т. д.). Прежде мы уже обращали внимание на то, что специфика функционирования современной СОКО учреждения образования в значительной степени определяется так называемым целерациональным характером мониторинговых инноваций. То есть сама ориентированность на обеспечение устойчивого функционирования и последовательного, поступательного развития СОКО предполагает, что учреждение образования использует инновационные компоненты в пределах достаточности и необходимости не только для формирования «информационной основы принятия управленческих решений» [4, с. 103], ведущих к новому качеству предоставляемых

образовательных услуг, но для создания такой системы самоанализа и самооценки собственной деятельности, которая обладала бы определенными качествами (структурными параметрами) саморегулярции. Последнее возможно при условии, что на этапе проектирования (либо модернизации в контексте функционирования) СОКО учреждения образования будут выполнены три ключевых для целевого блока системы требования:

1) учтён многоцелевой характер мониторинговой деятельности, который детерминирует её сложную структуру и взаимосвязанность различных уровней и компонентов;

2) последовательно реализован каузальный тип целеполагания (речь идет об имманентной нацеленности СОКО на выяснение причин и факторов изменения качества образовательных услуг, которые предоставляет учреждение образования);

3) осознана и принята всеми «агентами» СОКО учреждения образования (субъектами образовательного процесса, имеющими к ней непосредственное или косвенное отношение) опережающая таксономия самоанализа и самооценки: имеется в виду ориентированность СОКО в целом и всех её компонентов на достижение учреждением образования более высоких результатов, поскольку «система с высокими показателями качества образования будет предъявлять более высокие требования как к самой себе, так и к своим структурным элементам» [5, с. 39]).

Своего рода целевая прозрачность (равно как и эффективность мониторинговых процедур в целом) зависит от продуманности каждого конкретного мероприятия мониторингового типа, совокупность которых должна образовывать даже в ближнесрочной перспективе полный цикл, включающий следующие компоненты (этапы): *проектирование – планирование – организация – реализация – обработка данных – анализ и интерпретация результатов – принятие решений, информирование заинтересованных – педагогическая коррекция – определение новых целей оценочной деятельности – проектирование нового исследования качества предоставляемых услуг.*

Обеспечение устойчивости развития современных образовательных систем, сегодня по-прежнему имеющее статус нерешенной методологической проблемы, отечественными исследователями увязывается с растущим влиянием пограничных (краевых) условий образовательного процесса, актуализирующих разработку в педагогике так называемой теории краевых задач. В данном исследовательском дискурсе краевые условия наделяются

своеобразной приоритетностью, которая подразумевает, что «наиболее оптимальной технологией обучения будет та, которая строится каждый раз заново, причем ее построение начинается с подготовительной работы и привязки к конкретным условиям учебного процесса» [6, с. 5]. По отношению к специфике функционирования современной СОКО на уровне учреждения образования это означает своеобразное – в духе парадоксализма – сочетание общей технологичности (воспроизводимости) системы и её «создаваемость с нуля» на этапе планирования конкретного этапа миниторинговых исследований с учетом условий реализации в данной конкретной точке образовательного «хронотопа», который «складывается в каждом конкретном случае на условной границе между управляемыми (внутренними) и неуправляемыми (внешними) факторами учебного процесса» [6, с. 5].

При этом если в смысле «диахроническом» логика самоанализа должна разворачиваться как *движение от оценки эффективности одной инновационной идеи к формулированию другой идеи в виде проблемы* (требующей решения и вместе с тем обеспечивающей устойчивое развитие СОКО), в разрезе «синхроническом» речь идёт о движении от *оценки индивидуальных достижений* (образовательных – в случае с обучающимися, профессионально-педагогических и управленческих – по отношению к педагогам и администрации, эффектов социокультурного спектра – касательно участников сетевого социокультурного взаимодействия) к *оценке достижений образовательного сообщества*. В последнем случае имеется в виду не только оценивание достижений коллектива обучающихся (внутриклассное оценивание) и учреждения образования в целом как о некоем непрерывном процессе (см., например: [7, с. 115]), но и о постоянном «приращении» качества культурно-образовательной среды (от условий и ресурсного обеспечения – до расширения спектра партнерских связей и культурно-образовательного сотрудничества разных участников образовательного процесса).

Современные исследования качества образования эффективность практически любого мониторингового исследования связывают с его реализацией как многоуровневой системы повторяющихся диагностических процедур [8, с. 21]. Соответственно, устойчивость функционирования СОКО учреждения образования обеспечивается соблюдением, с одной стороны, требований непрерывности, длительности, своевременности, периодичности изучения объектов (в широком смысле) образовательного процесса, а с другой стороны –

системности и последовательности мероприятий и процедур, которые, собственно, и составляют процессуальное содержание самоанализа деятельности учреждения образования.

По своей сути оценка качества образовательных услуг на уровне учреждения образования, как уже отмечалось, строится на алгоритмах самоанализа и процедурах самооценки. При этом заложенная в качестве концептуальной основы идея комплексности (многовекторности, многоаспектности, многоадресности) соответствующей деятельности с очевидностью предполагает своего рода *смену оценочной парадигмы*. То есть речь идёт о переходе от формальных (количественных) измерений констатативного плана к качественному самоанализу и самооценке экспертного типа. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что речь вовсе не идет об отказе от сбора объективированных количественных данных: в условиях стремительной информатизации всех сфер общественной жизни и системы образования в частности соответствующие процедуры и мероприятия должны быть максимально оптимизированы – например, посредством использования доступных для использования в каждом учреждении образования автоматизированных информационных систем (АИС), обеспечивающих удобство сбора, обработки, хранения массивов данных, а в итоге – валидность, объективность, в целом измеримость результатов мониторинговых исследований. Особый интерес в аспекте обеспечения оптимизации затрачиваемых на функционирование СОКО ресурсов в условиях информационного общества представляет расширение диапазона возможностей дистанционной (онлайн и офлайн) оценки качества образовательных услуг (по разным аспектам и направлениям), предоставляемых в учреждении образования – в том числе, с помощью различных ИКТ-инструментов и сервисов, находящихся в свободном доступе и хорошо известных исследовательскому сообществу и педагогам-практикам.

Наиболее целесообразным представляется *сочетание усилий* так называемых *внутренних и внешних экспертов*: к первым относятся педагоги и специалисты самого учреждения образования; круг вторых мог бы включать представителей исследовательского сообщества, специалистов органов управления образованием, а также высококвалифицированных педагогов-практиков из других учреждений образования. Кроме того, одним из условий соответствия СОКО учреждения образования актуальному социокультурному контексту, на наш взгляд, является расширение вовлеченности, функций и форм участия законных

представителей учащихся в мониторинговые исследования: это означает что данная категория участников образовательного процесса должна не просто быть «объектом» исследования (в рамках изучения мнения родительской общественности о различных аспектах школьной жизни), но активным субъектом оценивания, в том числе, в роли приглашённых экспертов.

Это напрямую связано с одним из ключевых требований к современной СОКО учреждения образования – ее изначальной многоадресностью и полисубъектностью, которые понимаются нами как ориентированность системы на максимально возможный круг участников (непосредственных и потенциальных) образовательного процесса. Мы уже обращали внимание на то, что в ситуации противоречия между стратегической нацеленностью национальной системы образования на инновационный путь развития для формирования так называемых навыков XXI в. и консервативным характером доминирующих педагогических практик обеспечить функционирование и развитие современной СОКО в учреждении образования возможно только при условии осознания «антиинновационных барьеров» и последовательного их преодоления. Так вот вовлечение в самоанализ и самооценку деятельности школы внешних экспертов по-прежнему представляется затруднительным в силу причин не только объективного характера (неподготовленность нормативного правового обеспечения, недостаточность финансовых ресурсов и т.п.), но и субъективного толка. Вместе с тем в существующих условиях только привлечение к оценочной деятельности в контексте самоанализа функционирования учреждения образования специалистов извне позволит усилить экспертную составляющую СОКО – при сохранении некоего разумного баланса (экономической и эргономической целесообразности) в использовании ресурсов, прежде всего – кадровых и финансовых.

Очевидно, что эффективность СОКО на уровне учреждения образования в значительной степени будет зависеть от имеющихся кадров и постоянного внимания к развитию их потенциала – с учетом динамичности развития педагогических практик и их осмысления в современном научно-исследовательском дискурсе. Качество кадровых ресурсов (в частности, профессиональная и личностная готовность субъектов оценки к проведению современных мониторинговых исследований, сочетающих объективированные количественные измерения и их экспертную оценку) обеспечивает эффективное использование инструментов оценки.

Изменения структурообразующего вектора самоанализа мониторинга (уже упоминавшаяся смена оценочной парадигмы) влечет за собой обращение к принципиально новой критериальной базе, эффективность которой обеспечивается сбалансированным сочетанием:

- адекватности (соответствие полученной информации реальному состоянию процесса предоставления образовательных услуг), достаточности и актуальности индикаторов;
- предметных, метапредметных и личностных блоков, позволяющих наряду с собственно образовательными оценивать социокультурные результаты обучения;
- компонентов, позволяющих заказчикам и потребителям образовательных услуг оценить реальную практикоориентированность образовательного процесса и самих предоставляемых услуг, нацеленных на широкую социализацию учащихся и формирование адаптивности к ситуации быстрых трансформаций социокультурного пространства.

По сути, эти же требования предъявляются и к инструментарию, который должен отвечать фундаментальным требованиям валидности, надежности, удобства использования и одновременно выполнять комплексную задачу многомерности измерений, что предполагает переход от оценки отдельных учебных результатов к анализу образовательных достижений интегрированного, междисциплинарного характера.

В 2020 г. резко актуализировался аспект СОКО, связанный с оценкой параметров мобильности и трансформируемости не только собственно образовательного процесса, но и всех компонентов образовательной системы учреждения образования. Так, к наиболее распространенным трудностям, с которыми столкнулись белорусские педагоги в ситуации вынужденного перехода к массовому обучению школьников дистанционно во второй половине 2019/2020 учебного года, специалисты в сфере организации удаленного взаимодействия педагогов и обучающихся относят:

- «отсутствие необходимого инструментария или дистанционных сред. Имеющийся инструментарий (системы дистанционного обучения, видеоконференцсвязи) вследствие массового перехода педагогов в онлайн-среду показал свою несостоятельность и сразу “рухнул”, не выдержав количества обращений пользователей;
- ограниченные технические возможности учебного заведения;
- недостаточную готовность педагогов осуществлять взаимодействие с учащимися в незнакомых ранее условиях» [10, с. 12]

Речь, очевидно, идёт не просто о самой возможности оперативного перехода от традиционного обучения непосредственно в самом учреждении образования к дистанционному обучению, но о сохранении качества образования во внезапно меняющихся условиях предоставления образовательных услуг при взвешенном подходе к использованию имеющихся ресурсов (кадровых, материально-технических, финансовых). В условиях пандемии, затрагивающей все уровни функционирования глобального социума, особым образом актуализировалась проблема проектирования и эффективной реализации модели смешанного обучения, охватывающего не только различные форы обучения (очные, дистанционные, очно-дистанционные и т. д.), но и расширяющиеся палитры способов и алгоритмов взаимодействия разных субъектов образовательного процесса. В рамках функционирования и устойчивого развития СОКО учреждения общего среднего образования речь идет, собственно, об отдельном сегменте системы, измеряющем качество образования в условиях «внезапных трансформаций» образовательной среды (пространства). Главной особенностью этих измерений должна стать их *«компаративная» (сравнительная) направленность* вкупе с *многоаспектностью*, когда соотносятся, например, по параметрам прочности, уровня сформированности умений и навыков, полученных в ходе традиционного (очного) образовательного процесса с такими же компонентами предметных и метапредметных компетенций, формируемых в условиях дистанционного (полностью или частично) обучения.

С учётом изменений функций педагогов в рамках современной СОКО образования, которые наделяются, в числе прочего, экспертной функцией, пристального внимания заслуживает сегмент критериальной базы, связанной с оценкой кадрового потенциала и его развитием в учреждениях образования. При проектировании данного блока необходимо заложить сбалансированность инвариантного и вариативного компонентов (показателей и индикаторов), перечень которых мог бы уточняться в соответствии с актуальным состоянием образовательной системы и локальной спецификой.

Особое значение в ситуации парадигмального перехода (в том числе на уровне учреждения образования) к новому пониманию качества образования и подходов к его оцениванию приобретает потенциал неформальных (опосредованно, косвенно относящихся к нерегламентированной деятельности учреждения образования) и информальных (имеющих

отношение к широкому социокультурному контексту функционирования учреждения образования) составляющих СОКО: они не должны «вытеснять» компоненты, связанные с выполнением требований государственных стандартов образования, речь идёт о сочетании по принципу взаимодополняемости разных сторон оценивания, стратегически ориентированного на выявление и интерпретацию динамики изменений качества образовательных услуг учреждения образования.

В последние годы заметно усиливается интерес не только исследовательского педагогического сообщества, но и специалистов органов государственного управления образованием к рассмотрению актуальных для отечественного социокультурного контекста проблем качества образования в широком международном контексте. Не случайно различные уровни и сегменты национальной системы образования (общее среднее и высшее, основное и дополнительное, художественно-эстетическое и литературное и др.) с начала 2000-х гг. неоднократно оказывались включенными в разномасштабные программы и проекты сравнительных исследований².

Общая тенденция позволяет говорить о том, что в рамках СОКО отдельного учреждения образования наличие так называемого внешнего сегмента может быть весьма полезным. С учётом белорусских реалий речь, по сути, идет о двух типах возможностей:

- включение учреждения образования по распоряжению органов управления образованием в страновые мероприятия, реализуемые в рамках международных сравнительных исследований;
- инициативное участие учреждения образования в проектах, нацеленных на выявление сходств и различий тех или иных аспектов образовательного процесса.

Справедливости ради стоит признать, что возможности обоих типов не реализуются сколько-нибудь массово, редкостью является проявление инициативы со стороны

---

² Наиболее значимым к настоящему моменту стоит признать участие Беларуси (236 учреждений образования) весной 2018 г. в мониторинговом исследовании PISA (Programme for International Student Assessment), которое организуется Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD) для оценки уровня функциональной грамотности пятнадцатилетних обучающихся [9]. В данном исследовании приняли участие 79 стран, белорусские школьники оказались в середине списка, заняв 36-е место по результатам оценки читательской грамотности, 37-ю позицию по итогам выполнения заданий для изучения естественнонаучной и 38-ю в ходе измерения грамотности математической.

учреждения образования даже по поиску соответствующих программ: инициаторами чаще выступают исследователи, специалисты системы развития образования, отдельные педагоги-практики. Вместе с тем, опыт других стран свидетельствует о том, что участие в любых инициативах и проектах независимой оценки качества образования на сравнительной основе позволяет увидеть «локальные» проблемы с принципиально иной – как бы стереоскопической – точки обзора. Включение (с последующим расширением) в рамках СОКО учреждения образования «внешнего» компонента будет способствовать расширению функциональности системы и, в конечном итоге, эффективности использования соответствующих результатов для реального управления качеством образования.

Специфику функционирования и развития СОКО на уровне учреждения образования в значительной степени определяет и характер использования результатов мониторингового исследования. Очевидно, что основные направления этого использования должны в самом общем виде коррелировать с системой целей – традиционных и инновационных, непосредственных и отложенных, ближнесрочных и среднесрочных и др. Иначе говоря, одним из ключевых подходов к использованию результатов и в рамках современной СОКО на уровне учреждения образования должна быть *многоаспектность*, которая обуславливает эффективность системных мониторинговых исследований и на национальном уровне.

Содержательная матрица (рамка) использования результатов мониторингового исследования самых разных компонентов образовательных систем задается координатами «*диагностика – контроль – оценка*». Соответственно, диагностическая нацеленность самоанализа учреждения образования результатом должна иметь объективные, достоверные и непротиворечивые данные о реальном состоянии «*образовательной экосистемы*» этого учреждения. Контролирующие функции нацелены на формирование четкого представления о соответствии качества предоставляемых услуг кодифицированным (зафиксированным в документах различного типа) требованиям, предъявляемым социумом к качеству школьного образования. В свою очередь, оценочная направленность позволяет делать многоаспектные выводы об эффективности функционирования учреждения образования и перспективах развития его «образовательной экосистемы», включая целесообразность использования ресурсов (кадровых, финансовых, материально-технических) для решения актуальных задач, конкурентность учреждения образования в предоставлении образовательных услуг,

направления совершенствования разных компонентов образовательной системы, включая и собственно СОКО и др.

С учётом многоадресности современной СОКО полученные результаты могут использоваться для:

- принятия широкого спектра решений: управленческих, организационных, педагогических (методических, психолого-коррекционных) – непосредственно в учреждении образования;
- информирования родительской общественности, законных представителей учащихся, партнеров по социокультурному взаимодействию о качестве образовательных услуг, предоставляемых учреждением образования;
- совершенствования самой СОКО в учреждении образования.

Современная СОКО на уровне учреждения образования, включая в качестве базовых перечисленные компоненты, должна охватывать и инновационные аспекты использования результатов – например, связанные с целями репутационно-имиджевыми. В настоящее время репутация того или иного учреждения образования как поставщика качественных образовательных услуг не входит в число факторов первого порядка, определяющих выбор учащимся и его законными представителями места обучения; это связано с рядом причин объективного плана, включая сформировавшую систему всеобуча, специфику нормативного правового регулирования распределения учащихся по учреждениям образования и др. Вместе с тем в последние годы процессы, связанные с качественными изменениями всех подсистем и уровней системы образования (например, разработка, апробация и постепенное внедрение модели финансирования системы общего среднего образования по нормативу, одним из принципов реализации которого становится принцип «деньги следуют за обучающимся»), обуславливают ряд тенденций, указывающих на рост внимания участников образовательного процесса к образовательной репутации учреждений общего среднего образования, в том числе, выраженных в объективированных показателях и индикаторах, позволяющих формировать по итогам мониторинговых исследований соответствующие рейтинги. Иначе говоря, результаты мониторинговых исследований, проводимых на уровне учреждения образования, могут использоваться не только для составления различных рейтингов, но и в ходе осуществления более масштабных проектов

социально-навигационного типа, нацеленных на долгосрочное формирование и развитие имиджа конкретного учреждения образования как конкурентоспособного поставщика качественных образовательных услуг.

Таким образом, специфика функционирования современной СОКО на уровне учреждения образования определяется такими ключевыми параметрами, как:

- направленность на решение *актуальных* (текущих) задач, прежде всего, самого учреждения образования – и нацеленность на *опережающее развитие* «образовательной экосистемы» учреждения образования через обеспечение качества предоставляемых образовательных услуг, адекватного запросам заказчиков и потребителей этих услуг;

- *устойчивость функционирования* СОКО в контексте деятельности конкретного учреждения образования при постоянном внимании к развитию ее эволюционного потенциала (способности к «калибровке», (само)развитию с учётом изменений социокультурного контекста и образовательных реалий);

- *целерациональный характер* мониторинговых инноваций: чёткость, прозрачность, понятность и непротиворечивость таксономии (системы целей) оценочной деятельности в соотношении с целесообразностью затрачиваемых на эту деятельность ресурсов (временных, кадровых, материальных и др.);

- *полнота цикла* мониторинговых исследований (каждого из этапов и комплексного самоанализа в целом), включающего этапы / компоненты проектирования, планирования, организации, реализации, обработки данных, анализа и интерпретации результатов, принятия решений, информирования адресных аудиторий, педагогической коррекции, определения новых целей оценочной деятельности и проектирования нового исследования качества предоставляемых услуг;

- *сочетание технологичности* (воспроизводимости) СОКО и её *максимальной адаптивности* к состоянию образовательной системы, к условиям, в которых проводится самоанализ (самооценка) деятельности; движение от оценки эффективности одной инновационной идеи к формулированию другой идеи как проблемы;

- движение от оценки индивидуальных (образовательных, профессионально-педагогических, менеджерских) достижений к оценке достижений образовательного сообщества;

- *сочетание количественных измерений с самоанализом и самооценкой экспертного типа, осуществляемых совместными усилиями внутренних и внешних экспертов;*
- *использование критериальной базы, системы индикаторов и инструментария, которые отвечали бы комплексу требований, где на первый план выходят требования актуальности, адекватности, многоуровневости (оценка, наряду с предметными, социокультурных результатов обучения), практикоориентированности образовательного процесса и самих предоставляемых услуг;*
- *баланс в структуре СОКО учреждения образования формальных, неформальных и информальных компонентов;*
- *включение учреждения образования в программы и инициативы независимой оценки качества образования;*
- *корреляция целей и результатов исследования, многоаспектность использования полученных данных и выводов.*

Список использованных источников

1. Волков, Ю. Г. Социология: учебник для вузов / Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая / Под ред. проф. В. И. Добренькова. – М. : Гардарики, 2001. – 432 с.
2. Педагогика: учебник для бакалавров / Л. П. Крившенко [и др.]; под ред. Л. П. Крившенко. – 2-е изд., переаб. и доп. – М. : Проспект, 2013. – 488 с.
3. Никитина, Е. Н. Показатели и целевые индикаторы эффективности и результативности предоставления услуг в системе общего образования (на примере специального образования) / Е. Н. Никитина // Вопросы образования. – 2008. – № 4. – С. 96–110.
4. Малышев, Ю. П. Новые элементы Санкт-Петербургской региональной системы оценки качества образования / Ю. П. Малышев, С. Ю. Трофимова, В. Е. Фрадкин // Качество образования в Евразии. – 2016. – № 4. – С. 101–112.
5. Милосердова, О. Ю. Образование и качество образования в контексте социокультурного подхода / О. Ю. Милосердова // Вестник Тамбовского университета. Серия «Общественные науки». – 2017. – Т. 3. – Вып. 4 (12). – С. 36–41.

6. Ермаков, В. Г. Методологические и социально-культурные аспекты обеспечения устойчивости образовательных процессов / В. Г. Ермаков // Педагогическая наука и образование. – 2017. – № 4. – С. 3–11.

7. Фомина, Н. Б. Непрерывная система оценки качества образования: от детского сада до ЕГЭ / Н. Б. Фомина, И. Л. Чайко // Человек и образование. – 2019. – № 1. – С. 112–118.

8. Иванов, С. А. Мониторинг и статистика в образовании: Учебно-методический комплект материалов для подготовки тьюторов / С. А. Иванов, С. А. Писарева, Е. В. Пискунова, О. Э. Крутова. – М. : АПК и ППРО, 2007. – 128 с.

9. PISA 2018 results // [Электронный ресурс]: OECD. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/pisa/publications/pisa-2018-results.htm>. – Дата доступа: 11.09.2020.

10. Науменко, Ж. Н. Организация удаленного взаимодействия педагогов и обучающихся в режиме реального времени / Ж. Н. Науменко // Веснік адукацыі. – 2020. – № 7. – С. 12–15.

References

1. Volkov, Ju. G. Sociologija: uchebnik dlja vuzov / Ju. G. Volkov, I. V. Mostovaja / Pod red. prof. V. I. Dobren'kova. – М. : Gardariki, 2001. – 432 s.

2. Pedagogika: uchebnik dlja bakalavrov / L. P. Krivshenko [i dr.]; pod red. L. P. Krivshenko. – 2-e izd., pereab. i dop. – М. : Prospekt, 2013. – 488 s.

3. Nikitina, E. N. Pokazateli i celevye indikatory jeffektivnosti i rezul'tativnosti predostavlenija uslug v sisteme obshhego obrazovanija (na primere special'nogo obrazovanija) / E. N. Nikitina // Voprosy obrazovanija. – 2008. – № 4. – S. 96–110.

4. Malyshev, Ju. P. Novye jelementy sankt-peterburgskoj regional'noj sistemy ocenki kachestva obrazovanija / Ju. P. Malyshev, S. Ju. Trofimova, V. E. Fradkin // Kachestvo obrazovanija v Evrazii. – 2016. – № 4. – S. 101–112.

5. Miloserdova, O. Ju. Obrazovanie i kachestvo obrazovanija v kontekste sociokul'turnogo podhoda / O. Ju. Miloserdova // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija «Obshhestvennye nauki». – 2017. – Т. 3. – Выр. 4 (12). – S. 36–41.

6. Ermakov, V. G. Metodologicheskie i social'no-kul'turnye aspekty obespechenija ustojchivosti obrazovatel'nyh processov / V. G. Ermakov // Pedagogicheskaja nauka i obrazovanie. – 2017. – № 4. – S. 3–11.

7. Fomina, N. B. Nepreryvnaja sistema ocenki kachestva obrazovanija: ot detskogo sada do EGJe / N. B. Fomina, I. L. Chajko // Chelovek i obrazovanie. – 2019. – № 1. – S. 112–118.

8. Ivanov, S. A. Monitoring i statistika v obrazovanii: Uchebno-metodicheskiy komplekt materialov dlja podgotovki t'jutorov / S. A. Ivanov, S. A. Pisareva, E. V. Piskunova, O. Je. Krutova. – M. : APK i PPRO, 2007. – 128 s.

9. PISA 2018 results // [Jelektronnyj resurs]: OECD. – Rezhim dostupa: <https://www.oecd.org/pisa/publications/pisa-2018-results.htm>. – Data dostupa: 11.09.2020.

10. Naumenko, Zh. N. Organizacija udalennogo vzaimodejstvija pedagogov i obuchajushhihsja v rezhime real'nogo vremeni / Zh. N. Naumenko // Vesnik adukacyi. – 2020. – № 7. – S. 12–15.

УДК 371.8

Anatoly Glinsky,
PhD, associate professor;
National Institute of Education
(Belarus)

INTERACTIVE FORMS AND METHODS OF EXTRA-LEARNING ACTIVITIES FOR UPBRINGING STUDENTS IN A MODERN SCHOOL

The article deals with interactive forms and methods of work as one of the efficient means of educational process in forming and developing the personality of a learner. We characterize certain forms and methods of out-of-class activities the use of which will enable teachers to achieve a qualitative result in teaching practice.

Keywords: personality; student; educational process; extracurricular activities; interactive forms and methods of work; modern school.

阿纳托利·格林斯基

现代学校培养学生的课外学习活动的互动形式与方法

本文论述了互动的形式和工作方法是教育过程中形成和发展学习者个性的有效手段之一。我们对课外活动的某些形式和方法进行了描述，使教师能够在教学实践中获得定性的结果。

关键词:人；个性；学生；教育过程；课外活动；互动的工作形式和方法；现代学校

Анатолий Глинский

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОСПИТАНИЮ УЧАЩИХСЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются интерактивные формы и методы работы как одно из эффективных средств воспитательного процесса по формированию и развитию личности учащегося. Дается характеристика отдельных форм и методов внеучебной деятельности, использование которых позволит педагогическим работникам достигать качественного результата в образовательной практике.

Ключевые слова: личность; учащийся; воспитательный процесс; внеучебная деятельность; интерактивные формы и методы работы; современная школа.

Воспитание учащихся в учреждении общего среднего образования осуществляется в контексте гражданской и общечеловеческой культуры, охватывает весь образовательный процесс, основывается на свободе выбора цели жизнедеятельности и объединяет интересы личности, общества и государства.

Главной целью воспитания подрастающего поколения в Республике Беларусь является приобретение им социального опыта, наследование духовных ценностей народа, достижение высокой культуры межнациональных отношений, формирование гражданских качеств, развитие духовности, морали, художественно-эстетической, правовой, трудовой, здоровьесберегающей, экологической культуры. Интерес к проблеме ценностей, ценностных ориентаций и их осмысление приобретает особую остроту в переломные моменты истории. Современная ситуация требует принятия каждым членом общества ответственности за свою судьбу, за выбор той или иной системы ценностей и ценностных ориентаций. Обращение к ценностям – главная отличительная черта нашего времени, важнейший принцип государственной политики в области образования.

Процесс формирования личностных качеств, общечеловеческих нравственных ценностей ассоциируется с восхождением к вершине горы. В учреждении общего среднего образования это восхождение от первой ступени к третьей.

Учителя начальной школы говорят о семье, роде, Родине, поведении в учреждении образования и в социуме. Характерным для этой возрастной категории есть постоянное погружение детей в мир этических категорий, постоянное инициирование осознания ребенком связи личного «Я» с окружающим миром, способности осуществлять выбор добра в противовес злу. В этом возрасте рекомендуется следующая тематика мероприятий по формированию общечеловеческих ценностей: «Что посеешь, то и пожнешь», «О милосердии и сострадании», «О справедливости и несправедливости», «Совість – учитель человека», «Трудолюбие и праздность, значение труда и вред безделья» и др.

На второй ступени образования продолжается развитие того, что было заложено в начальной школе: расширяется понятие о добре и зле, моральных ценностях; учащиеся учатся общению, трудолюбию, взаимоуважению, гармонии взаимоотношений с собой и окружающим миром. Подросток ощущает быстрый рост физических сил и духовных потребностей, но ограничен своими возможностями и опытом, чтобы удовлетворить все возникающие запросы. Этим объясняется сложность и противоречивость характера, поведения и развития подростков, что дает основание считать этот возраст в определённой мере трудным для воспитания. Обучающиеся данной возрастной группы охотнее соблюдают правила поведения, если эти правила хорошо осознаются ими и выступают как их собственные моральные принципы. Поэтому может быть рекомендована следующая тематика мероприятий по формированию у учащихся гуманистических ценностей: «Семья – начальная структурная единица общества, первая человеческая общность ребёнка и естественная среда его развития», «Труд – основа человеческого бытия», «Знания как мощное средство развития личности», «Мир – покой и согласие между людьми, народами и государствами», «Мир – главное условие существования Земли и человечества», «Без добрых дел нет доброго имени», «Умей быть благодарным», «Мы живем среди людей» и др.

Особенно остро стоит проблема формирования положительных личностных качеств у учащихся третьей ступени общего среднего образования. Несмотря на усиленное внимание вопросам подросткового и юношеского возраста со стороны общества и государства старшеклассники, являющиеся одной из самых социально активных групп населения, нередко участвуют в асоциальных и антисоциальных неформальных объединениях, являются основными пользователями сети Интернет, постоянно испытывают на себе

влияние различных негативных современных цивилизационных вызовов. В силу собственной психологической и гражданской незрелости они легко попадают под влияние различных антиобщественных и экстремистских идей, становятся соучастниками противоправных действий, сами делаются жертвами насилия [1].

Вместе с тем в этом возрасте учащиеся обычно определяют устойчивый интерес к той или иной науке, отрасли знания, области деятельности, который в старшем школьном возрасте приводит к формированию познавательной-профессиональной направленности личности, определяет выбор профессии, жизненный путь после окончания учреждения общего среднего образования.

Наличие такого специфического интереса стимулирует постоянное стремление к расширению и углублению знаний в соответствующей области: старшеклассник активно знакомится с литературой по интересующему его вопросу, охотно занимается дополнительно, осуществляет исследовательско-экспериментальную работу, посещает факультативные занятия, встречается с интересующими его людьми. Развитие познавательных интересов, рост сознательного отношения к учению стимулируют дальнейшее развитие произвольности познавательных процессов, умения управлять ими, сознательно регулировать их. Учащиеся овладевают познавательными процессами (восприятием, памятью, воображением, вниманием), подчиняя их организацию определенным задачам жизни и деятельности.

Таким образом, можно сказать, что в юности осуществляется становление личности как системы отношений: юность стремится сформировать внутреннюю позицию по отношению к себе, по отношению к другим людям, а также к моральным ценностям. Значительный вклад в этом направлении вносит участие старшеклассников в волонтерской деятельности, работе органов ученического самоуправления, молодежных общественных объединениях.

Результативность воспитательной работы по формированию у учащихся различных возрастных категорий гуманистических ценностей будет во многом зависеть от степени включенности в них самих обучающихся, т. е. от её интерактивности. Это могут быть круглые столы, дебаты, дискуссии, встречи, конференции, вечера вопросов и ответов, КВНы и др. Их использование напрямую зависит от возрастных особенностей учащихся.

Значимая роль в проводимой воспитательной работе, на наш взгляд, принадлежит таким формам, как ролевые игры, коллективные творческие дела (КТД), проекты.

Ролевые игры. В последнее время в педагогике происходит перестройка практики и методов работы, в частности, всё более широкое распространение получают различного рода игры. Умение создавать игровые ситуации и входить в них является обязательным компонентом деятельности учителя. Его игровая позиция – это, прежде всего, особый стиль отношений между детьми и взрослыми.

В различных системах обучения игре отводится особое место. И определяется это тем, что игра очень созвучна природе ребёнка. Игра для ребёнка – это не просто интересное времяпрепровождение, но способ моделирования внешнего, взрослого мира, способ моделирования его взаимоотношений, в процессе которого ребёнок вырабатывает схему взаимоотношений со сверстниками. Учащиеся с удовольствием сами придумывают игры, с помощью которых иногда банальные, бытовые вещи переносятся в особый интересный мир приключений. В свое время Н. К. Крупская писала о том, что игра есть потребность растущего детского организма. В игре развиваются физические силы ребёнка, становится твёрже рука, гибче тело, вернее глаз, развиваются сообразительность, находчивость, инициатива. В игре у ребенка формируются организационные навыки, развиваются выдержка, умение взвешивать обстоятельства и др. В ней он делает открытия того, что давно известно взрослому.

Педагогам необходимо учитывать тот факт, что игровая деятельность подростков отличается от игровой деятельности детей младшего школьного возраста. В игровой деятельности подростков на первый план выступают смекалка, ориентировка, смелость. Подросток проявляет повышенные требования к точному соблюдению правил игры и к качеству игровой деятельности; он хочет не просто играть, а овладевать мастерством игры, т. е. вырабатывать в игре необходимые для себя навыки, развивать определённые личные качества. Игры подростков по сравнению с играми младших школьников носят более устойчивый характер. Подростки организуются нередко в более или менее постоянные игровые коллективы с распределением ролей, с установлением некоторых традиций, с тенденцией бороться за честь этого коллектива. В связи с этим становится более устойчивым и соревнование в игре.

Индивидуальные интересы к различным играм у подростков приобретают определенную устойчивость. В этом возрасте выделяются любители подвижных или комнатных настольных игр – футболисты или волейболисты, баскетболисты или шахматисты. Некоторым подросткам больше нравятся строительные игры, например, конструирование. Однако эти содержательные игры не исчерпывают всех воспитательных возможностей игровой деятельности, которые могут быть использованы в работе.

Чем старше учащиеся, тем большее значение приобретает для них познавательный характер игры, когда в ней скрыто или открыто ставится цель познать новое. Правильно организованная игра положительно влияет на воспитание у подростков личностных качеств, содействует сплочению коллектива, воспитывает чувства дружбы и товарищества. Потребностью в игре и желанием у подростков играть необходимо управлять, а также направлять данный процесс в целях решения определённых воспитательных задач. Игра будет являться средством воспитания и обучения, если она включена в целостный педагогический процесс. Руководя игрой, организуя жизнь детей в игре, педагог воздействует на все стороны развития личности: на чувства, на сознание, на волю и на поведение в целом.

В настоящее время появилось целое направление в педагогической науке – игровая педагогика, которая считает игру ведущим методом воспитания и обучения, особенно детей дошкольного и младшего школьного возраста. Поэтому упор на игру (игровую деятельность, игровые формы, приемы) – это важнейший путь включения учащихся в образовательный процесс, способ обеспечения эмоционального отклика на воспитательные воздействия и нормальных условий жизнедеятельности. Неоценима роль игры в формировании у учащихся гражданско-патриотических и гуманистических ценностей.

Коллективные творческие дела (КТД). Основная идея КТД заключается в том, что они рассматриваются не как мероприятия, а как забота – друг о друге, старших о младших, младших о старших; забота о совершенствовании окружающей среды, социума, жизни в нем. Поэтому КТД, как правило, ориентированы на разновозрастных учащихся.

КТД, по И. П. Иванову, – это и главный метод, и организационная форма, и технология, которые предусматривают обоснованную последовательность совместных действий, приемов, методов, способов, деятельности, поведения. В организации коллективной

творческой деятельности исследователь предложил чётко выделить следующие этапы: предварительная работа педагогов; коллективное планирование; коллективная подготовка; проведение; коллективное подведение итогов; определение ближайших перспектив коллективной деятельности [2]. Одной из важных характеристик КТД является самоуправление при его подготовке и проведении, где формируются качества лидеров, которые необходимы как в жизни, так и при организации ученического самоуправления учреждения образования.

В КТД широко используются разнообразные формы и методы работы: общественные смотры, уроки творчества; ролевые игры, конференции и брифинги, дидактические сказки, КВН, круглые столы, дебаты и др. Это дает возможность в ходе КТД не только решать триединую образовательную задачу (обучать, воспитывать и развивать каждого учащегося), но и целенаправленно формировать у учащихся гуманистические ценности.

Содержание КТД опосредуется необходимостью удовлетворения потребностей детей. Потребности, проходя через интересы, мотивы, ценности, превращаются в убеждения. Их формирование осуществляется в процессе деятельности – игровой, учебной, учебно-трудовой, трудовой, досуговой, а также общения. Опыт деятельности способствует формированию лично и социально значимых качеств личности, среди которых особое значение имеют нравственные, интеллектуальные, эмоционально-волевые, коммуникативные, трудовые. Качества личности, в свою очередь, являются основой психологической готовности к деятельности и позитивному поведению в современном обществе. С другой стороны, опыт деятельности лежит в основе практической готовности к деятельности.

КТД, обогащая коллектив и личность социально ценным опытом, позволяет каждому проявить и совершенствовать свои задатки и способности, потребности и отношения, расти нравственно и духовно. КТД – это, прежде всего, организация совместной деятельности. Поэтому в работу необходимо включать каждого учащегося. А педагогам и воспитателям следует учиться действовать вместе с учащимися в выполнении гражданско-патриотических, трудовых, познавательных, спортивно-оздоровительных и других дел. Важным в КТД является формирование товарищества как базового качества личности. Педагогическим работникам следует проявлять внутреннее, духовное отношение к учащемуся как младшему

партнеру. Для такого отношения характерно взаимоуважение и разумная требовательность. Исходным является товарищеское уважение: вера в творческие силы, возможности другого как умелого и увлечённого участника – в настоящем и будущем – общей гражданской заботы; понимание сильных и слабых сторон учащегося, стремление раскрывать, развивать лучшие её стороны и преодолевать недостатки.

В процессе совместной деятельности важно формирование единства мыслей и действий, воли и чувств ее участников. Воздействовать так, чтобы развивать в единстве все три стороны личности растущего человека: познавательную-мировоззренческую, эмоционально-волевую и деятельностьную. Формировать научные знания, гражданские и патриотические взгляды, убеждения, идеалы, гуманистические ценности. Пробуждать и укреплять высокие чувства, стремления, интересы, потребности. Развивать необходимые каждому гражданину нашего общества умения и способности, привычки и черты характера.

На практике нередко делается акцент на развитие одной из сторон личности. Наиболее часто – на формирование знаний; чувства, потребности, привычки оказываются на втором плане, играют преимущественно вспомогательную роль; воздействия оказываются обособленными друг от друга, случайными. Именно поэтому образуется разрыв между знаниями и убеждениями, между знаниями и интересами, между умениями и потребностями, между всем этим и деятельностью.

При организации и проведении КТД необходимо целенаправленно влиять на формирование внутреннего мира ребенка. Большую роль в ходе КТД играет процесс формирования коллектива. Следовательно, педагогическое взаимодействие должно быть организовано так, чтобы способы воздействия воспитателей на учащихся были бы одновременно способами воздействия самих воспитателей на себя, а также способами воздействия обучающихся друг на друга, на воспитателей и каждого ребенка на самого себя.

Развивающий и социализирующий эффект КТД зависит от умения педагогических работников так организовать дело, что его создателем и участником становится каждый. При проектировании КТД необходимо учитывать цель и задачи воспитания; определить комплекс форм работы, направленных на достижение цели; выбрать содержание работы и основные виды деятельности, в которые целесообразно включить детей для решения поставленных задач; определить набор возможных способов реализации задач с учётом принципов

организации воспитательного процесса, возможностей, интересов и потребностей учащихся; материально-технической базы; особенностей воспитывающей среды и воспитательного пространства; потенциала педагогических работников; организовать поиск форм работы на основе коллективного целеполагания.

Таким образом, КТД в умелых руках его организаторов является превосходным средством формирования коллектива единомышленников, средством самовыражения и развития личности каждого из его участников, способом воспитания у учащихся качеств гражданина, труженика, семьянина.

Проекты. Развитию творческой личности, воспитанию самостоятельности, самоорганизованности, коллективизма, взаимопомощи, формированию лидерских и других положительных качеств, так необходимых современному молодому человеку, способствует организация проектной деятельности. Поэтому в учреждениях образования следует использовать потенциал различных проектов, касающихся не только учебной, но и внеучебной деятельности, и задействовать в качестве их руководителей как педагогов и воспитателей, так и других педагогических работников: педагогов-психологов, педагогов социальных, руководителей объединений по интересам, а также волонтеров [3].

XXI век дает заказ на выпускников, способных ориентироваться в незнакомой ситуации, умеющих извлекать необходимую информацию в условиях её обилия, усваивать её в виде новых знаний и, самое важное, применять эти знания на практике. Также в век информатизации, когда один человек не в состоянии «переварить» весь поток информации, важно умение работать сплочённо. XXI век – «век команд». Чтобы реализовать принцип развития у учащихся самостоятельности, требуются новые методы в деятельности учителя, классного руководителя, воспитателя. Необходимы такие методы, которые бы формировали активную, самостоятельную и инициативную позицию учащегося, развивали бы исследовательские, самооценочные и рефлексивные навыки, нацеливали бы на развитие познавательного интереса обучающегося и реализовывали бы принцип связи обучения с жизнью. Ведущее место среди таких методов, содержащихся в арсенале зарубежной и отечественной педагогической практики, принадлежит методу проектов.

Внешний результат любого проекта можно увидеть, осмыслить и применить в реальной практической деятельности. Внутренний же результат (опыт деятельности) становится

бесценным достоянием учащегося, соединяя в себе знания и умения, компетенции и ценности. Актуальность педагогического проектирования в настоящее время очевидна. Проектная деятельность помогает развивать самостоятельность мышления, творческие возможности, способность к самоорганизации, созиданию, сотрудничеству и сотворчеству. Это такие качества личности, которые обеспечивают успешную адаптацию и самореализацию молодого человека в обществе. Задача современного учреждения общего среднего образования состоит не только в том, чтобы подготовить ребёнка к жизни, но и в том, чтобы обеспечить ему полноценную жизнь. Ведь полноценная, обогащённая ценностным личностным опытом жизнь «сегодняшнего дня», – лучшая подготовка к жизни «завтрашнего дня». Внедрение метода проектов в воспитательный процесс существенно повысит инициативу и активность учащихся, разовьёт их творческие способности, усовершенствует коммуникативные и организаторские способности, сформирует активную позицию гражданина, труженика, семьянина.

Если использовать данный метод в воспитательной работе, то результатом деятельности будут социальные проекты, направленные на совместную деятельность учащихся, родителей и общественности, т. е. социально значимые проекты.

Цель метода проектов состоит в воспитании личности, имеющей активную жизненную позицию, готовую к нравственному поведению и творческой деятельности посредством методов социального проектирования. Соответствующие задачи направлены на:

- способствование формированию основ культуры общения и построения межличностных отношений;
- создание необходимых условий для проявления творческой индивидуальности каждого учащегося;
- формирование нравственного самосознания, качеств гражданина, труженика, семьянина с высоким уровнем воспитанности гражданско-патриотических и гуманистических ценностей;
- предоставление возможности для самореализации и развития организаторских качеств учащихся посредством их участия в проектировании и проведении социально значимых дел.

Педагогический смысл проектной деятельности заключается в:

– воспитании эмоционально-ценностных отношений к событиям, явлениям социальной жизни, к истории и культурным традициям, формировании социально желательных мотивов, чувств и потребностей, таких, например, как чувство патриотизма, потребность в труде, отношение к здоровью как к одной из главных жизненных ценностей и др.;

– формировании умений работать с информацией: находить необходимую информацию, её анализировать, передавать, утилизировать, планировать и распределять работу во времени и др.;

– развитию познавательных, творческих навыков, как педагогов, так и учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, планировать результат, моделировать процесс достижения результата, прогнозировать возможные риски его достижения; ориентироваться в современном информационном пространстве;

– развитию аналитического, рефлексивного, критического и других видов мышления;

– формировании коллектива единомышленников и др.

Проектная деятельность позволяет учащимся получить личностный опыт и освоить виды деятельности, необходимые в будущем. Таким образом, внутренний результат проектной деятельности – это накопление поведенческих, коммуникативных, организационных и других навыков. Как правило, все проекты, используемые во внеучебной работе, групповые, а каждый участник находится в одной из ролей (лидер, организатор, критик, исполнитель), которые постоянно меняются. В процессе проектной деятельности у учащихся формируются навыки, необходимые им для дальнейшей успешной самореализации. Они учатся проектировать результат, планировать свою деятельность и деятельность группы, рассчитывать необходимые ресурсы, принимать решения и нести за них ответственность, взаимодействовать с другими людьми, отстаивать свою точку зрения, защищать результаты своей деятельности публично.

Таким образом, проектная деятельность носит ярко выраженный общественный характер. Это связано с социальной обусловленностью выбора новых или преобразование имеющихся условий образовательного процесса. Среди основных функций проектной деятельности принято выделять исследовательскую, аналитическую, прогностическую, преобразующую, конструктивную (нацеленность на получение совершенно конкретного результата). Все они естественным образом влияют на формирование личностно-значимых

качеств субъектов деятельности, формируют у них проектное мышление, инициативность, творчество, что в итоге сказывается на качестве работы учреждения образования, уровне воспитанности учащихся.

Составной частью системы воспитательной работы учреждения образования является сохранение и развитие школьных традиций и обычаев, главная цель которых — целостность интересов обучающихся, педагогов, родителей. Только в тесной взаимосвязи можно достичь желаемых результатов [4].

Воспитать настоящего человека, личность настоящего гражданина, труженика и семьянина совсем не просто, особенно в период смены ценностных ориентиров и идеалов.

Современное общество характеризуется активно протекающими системными трансформационными процессами, затрагивающими все сферы жизнедеятельности социума: ведётся непрерывный поиск эффективных путей научно-технологической и социокультурной модернизации. Тенденции мирового развития, связанные с формированием открытого глобализирующегося социокультурного информационного пространства, открывают не только новые возможности, но и потенциальные риски, угрозы для продуктивной жизнедеятельности личности, общества и государства. Человек сегодня находится под воздействием различных цивилизационных влияний, обуславливающих изменение его психики, сознания, мышления, мотивационной и эмоционально-волевой сфер, этических и ценностных аспектов бытия, что в итоге сказывается на его личностно-профессиональном развитии и взаимодействии с социумом. Особенно это влияет на формирование личности молодого поколения. Быть современным становится всё труднее в рамках цивилизационного давления современности. Быть несовременным – значит остаться на обочине и окончательно отстать от всего и всех. Вот почему в последние годы актуализируется проблема воспитания личности современного молодого поколения, способного конструктивно влиять на развитие общества и государства.

Список использованных источников

1. Гавриловец, К. В. Гуманистическое воспитание в школе: пособие для директоров шк., учителей, кл.рук. / К. В. Гавриловец. – Минск: Полымя, 2000. – 128 с.
2. Иванов, И. П. Энциклопедия коллективных творческих дел / И. П. Иванов. – М. : Педагогика, 1989. – 208 с.

3. Глинский, А. А. Воспитание гражданина, труженика, семьянина / А. А. Глинский, А. Ф. Журба. – Минск: Национальный институт образования, 2018. – 232 с.

4. Кадол, Ф. В. Воспитание чести и личного достоинства школьников: пособие для педагогов учреждений общ.сред. образования / Ф. В. Кадол. – Минск: Нац. ин-т образования, 2013. – 216 с.

References

1. Gavrilovets, K. V. Gumanisticheskoe vospitanie v shkole: posobie dlya direktorov shk., uchitelei, kl.ruk. / K. V. Gavrilovets. – Minsk: Polymya, 2000. – 128 s.

2. Ivanov, I. P. Entsiklopediya kollektivnykh tvorcheskikh del / I. P. Ivanov. – M. : Pedagogika, 1989. – 208 s.

3. Glinskii, A. A. Vospitanie grazhdanina, truzhenika, sem'yanina / A. A. Glinskii, A. F. Zhurba. – Minsk: Natsional'nyi institut obrazovaniya, 2018. – 232 s.

4. Kadol, F. V. Vospitanie chesti i lichnogo dostoinstva shkol'nikov: posobie dlya pedagogov uchrezhdenii obshch.sred. obrazovaniya / F. V. Kadol. – Minsk: Nats. in-t obrazovaniya, 2013. – 216 s.

УДК 37.018:43:004

Larysa Smolinchuk,
PhD, Docent,
Multi-cultural research center,
Huzhou University
(China)

LONG-DISTANCE LEARNING: IMPLEMENTATION EXPERIENCE IN UKRAINE DURING QUARANTINE

The article is dedicated to the challenges of implementation of long-distance learning in the contemporary education space. The article analyzes the theoretical grounds and contemporary tendencies of long-distance learning, represents practical experience of its implementation during the COVID-19 pandemic in the Ukrainian educational practice. The article discusses the problems associated with the introduction of distance learning.

Keywords: long-distance learning; information and communication competence; contemporary education technologies.

拉丽莎·斯莫林丘克

疫情隔离期间在乌克兰采用远程教学

本文致力于在现代教育空间中引入远程学习的问题。分析了远程学习的理论基础和现代趋势,介绍了在乌克兰和国外教育实践中 COVID-19 大流行期间实施远程学习的实践经验。考虑了与引入远程学习相关的问题。

关键字: 远程学习; 信息和交流能力; 现代教育技术。”

Лариса Смолинчук

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ В УКРАИНЕ ВО ВРЕМЯ КАРАНТИНА

Статья посвящена проблеме внедрения дистанционного обучения в современном образовательном пространстве. Проанализированы теоретические основы и современные тенденции дистанционного обучения, представлен практический опыт его внедрения во время пандемии COVID-19 в украинской образовательной практике. Рассмотрены проблемы, связанные с введением дистанционного обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение; информационно-коммуникационная компетентность; современные образовательные технологии.

Пандемия COVID-19, охватившая мир в 2020 году, оказала влияние на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на образование. Фактически пандемия стала причиной трансформации сложившегося формата организации обучения на всех уровнях образования.

Для обеспечения безопасности при распространении COVID-19 среди детей и молодежи большинство государств мира были вынуждены закрыть учебные заведения. В течение февраля-апреля 2020 года были закрыты учебные заведения в национальном (Италия, Южная Корея, Япония), региональном (Германия, Испания) и локальном (США, Великобритания) масштабах по всему миру. По данным ЮНЕСКО в масштабах стран эта проблема коснулась 91,3% учащихся. Украина не стала исключением. По состоянию на март

2020 года более пяти миллионов украинских школьников и более полутора миллионов студентов украинских высших учебных заведений прекратили обучение [5].

Сложившаяся ситуация привела к невозможности функционирования высшей школы в режиме очного обучения. На смену ему – как альтернативная система – пришло дистанционное обучение. Начались поиски и отработка эффективных инструментов для организации учебного процесса в новой реальности.

Дистанционные образовательные технологии давно завоевали право на существование в системе образования, особенно высшего. Еще в конце 20-го века начали появляться обоснованные научные исследования по информатизации населения и применению ИТ-технологий в сфере образования. В конце 90-х годов прошлого века были проведены международные масштабные исследования, посвященные месту и роли информационных технологий в системе образования, идеям «компьютеризированной академической среды», определяя приоритеты в сфере реформирования образования в 21 веке. Изучались дидактические проблемы и перспективы использования информационных технологий в образовании, возможности онлайн-образования, использование ИТ-технологий и интернета в дистанционном обучении [1, 7]. Фундаментальные и прикладные психолого-педагогические исследования проводили и украинские ученые [12].

Что касается внедрения дистанционного обучения в практику работы образовательных учреждений, то в Украине еще в 2013 году было разработано и утверждено приказом МОН Украины «Положение о дистанционном обучении», определяющее цель, содержание и способы его реализации. Кроме того, стратегические положения и задачи современного образования, в частности, развитие информационных и коммуникативных компетенций входят в содержание действующих нормативных и законодательных документов в сфере образования: Законы Украины «О образовании», «О высшем образовании» и др.

К сожалению, несмотря на многочисленные научные исследования, законодательную базу, методические разработки по организации дистанционного обучения, система образования Украины, как и большинство систем образования других стран, оказались неподготовленными к массовому внедрению дистанционного обучения в условиях пандемии, и оказалась в условиях кризиса [2, 5, 8].

Большой вклад в поиск ответов в сложившейся ситуации сделали международные организации, они предложили и имплементировали универсальные инструменты организации обучения в условиях коронавирусного кризиса.

Важное значение имели быстрое реагирование правительств (Министерств образования), органов власти, которые занимаются образованием на региональном (местном) уровнях, научного и бизнес сообществ, руководства учреждений образования и просто граждан на реальную ситуацию (введения дополнительного финансирования, адаптация содержания образования, разработка рекомендаций, обеспечение технических условий и т.д.) и адаптация их к новым условиям.

Предложенные модели онлайн-обучения зависели как от технических и финансовых возможностей, так и от общегосударственного формата реагирования на пандемию, а также национальных особенностей организации образования в каждой отдельно взятой стране.

В Украине Министерство образования и науки разработало ряд рекомендаций, касающихся организации обучения в условиях пандемии, при этом университетам была дана большая свобода в принятии решений.

В украинских университетах образовательный процесс происходит через

- платформу Moodle (moodle.org) – широко используется для размещения информационных материалов; для организации инновационных видов коллективной и групповой работы студентов (форумов, чатов, вики, видеоконференций и пр.); для подготовки, проведения компьютерных тестов и анализа полученных результатов; как средство систематизации и структурирования учебного материала по каждой дисциплине;
- платформу Google Classroom (<https://classroom.google.com/>), которая в пакет бесплатного веб-программного обеспечения, предлагаемого компанией Google – платформа позволяет создавать классы; размещать в них учебные материалы; обеспечивает обратную связь со студентами;
- сервис Google Meet (<https://meet.google.com/>) – позволяет легко и быстро организовывать защищенные видеовстречи, проводить в режиме он-лайн лекции, семинары, практические занятия или консультации;

- платформу Zoom (<https://zoom.us/>) – позволяет взаимодействовать в режиме он-лайн, видеть и слышать преподавателя и друг друга в режиме реального времени.

В процессе дистанционного обучения и преподаватели, и студенты столкнулись с рядом проблем, которые требуют изучения и решения. Рассмотрим их коротко:

- ✓ Проблема связи преподавателя со студентами по сети для проведения занятий. Для любого университета качественный перевод всех на дистанционное обучение связан с огромными финансовыми затратами (это могут позволить себе большие и богатые университеты). Кроме оснащения преподавателей нужными техническими средствами, в университете должны быть сотрудники, решающие вопросы технического характера. Работа технических средств и программ должна быть доведена до автоматизма. Но и это не гарантирует успех, потому что всё равно остаются проблемы отсутствия технических возможностей у некоторых студентов (современных устройств, подключение к Интернету, отсутствие качественного сетевого покрытия в месте проживания).
- ✓ Недостаточная сформированность цифровой компетентности и мотивации у студентов для участия в онлайн-обучении. Дистанционное обучение требует от студентов развитой самостоятельности, организованности и способности мотивировать себя на систематическую работу. Но не каждый студент умеет поддерживать у себя мотивацию к самостоятельной работе, сказывается отсутствие такого эффективного мотиватора учебной деятельности как постоянный контроль со стороны преподавателя. Также нет возможности сравнивать свои промежуточные результаты обучения с результатами других студентов.
- ✓ Соблазн и достаточно возможностей для «несамостоятельного» обучения. Отсутствие личного контакта и общения приводят к тому, что студент перестает видеть смысл и ценность в самостоятельном выполнении работы. А преподаватель не имеет возможности проверить работу студентов достаточно качественно.
- ✓ Несмотря на то, что личность студента меняется под влиянием современной информационной среды, восприятие информации посредством «электронной методики» происходит медленнее, соответственно, качество усвоения материала ниже

[6, с. 91]. Дистанционное усвоение материала происходит значительно тяжелее – это отмечают сами студенты.

- ✓ Большой объём учебного материала и постоянные дедлайны дают довольно серьёзную психологическую нагрузку на студента.
- ✓ Работа вне группы и социальных контактов для отдельных студентов психологически некомфортна, а иногда и невозможна.
- ✓ Не всё можно освоить дистанционно. Сложно трансформировать отдельные учебные предметы (особенно практикоориентированные, лабораторные) в онлайн-формат.
- ✓ Неготовность, а иногда и недостаточный уровень владения преподавателями ИКТ-навыками для проведения онлайн-обучения.
- ✓ Отсутствие обратной связи с аудиторией. Для преподавателя при аудиторном ведении занятий важно чувствовать, насколько студенты понимают материал (по взглядам, по задаваемым вопросам, по ответам на свои вопросы) и оперативно скорректировать учебный процесс (повторить сложные моменты, дать дополнительные разъяснения, изменить темп изложения) при дистанционном обучении такой возможности нет.
- ✓ Обезличивание студентов. Общаясь со студентом в аудитории, преподаватель видит личность: со своими достоинствами и недостатками, проблемами и жизненной ситуацией, и это позволяет подходить к каждому индивидуально. При дистанционном обучении студенты воспринимаются как объекты, что создаёт сильный психологический дискомфорт.
- ✓ Значительное увеличение объёма работы. Дистанционное обучение может экономить преподавателю время и усилия на уровне использования готовых курсов, но требуют много дополнительных временных и интеллектуальных затрат на этапе создания курса (в сложившейся ситуации большинство преподавателей вынуждены в экстренном порядке создавать новые курсы).
- ✓ Дистанционное обучение вынуждает студентов и преподавателей длительное время проводить за электронными носителями, что не всегда положительно влияет на их здоровье.

Подводя итоги, следует отметить, что опыт пандемии оказался очень важным для внедрения технологий дистанционного обучения. В современном мире использование

дистанционных форм обучения в высшей школе стало жизненной необходимостью. Электронные платформы, которые предоставляют возможность создавать курсы и работать со студентами онлайн, позволяют довольно качественно обеспечить дистанционную работу и непрерывность учебного процесса. При выполнении определённых условий (необходимое техническое обеспечение; достаточный уровень компьютерной грамотности как преподавателей, так и студентов; техническое и методическое сопровождение) дистанционное обучение в сложившихся условиях может быть достаточно эффективным.

В тоже время, несмотря на достоинства современных дистанционных технологий обучения и их хорошие перспективы в реализации учебного процесса в высшей школе, широкое использование их в практике и дальнейшее развитие требует тщательной работы (создание новых методов и технологий обучения, отвечающих телекоммуникационной среде общения; изменение модели деятельности и взаимодействия преподавателей и студентов; усовершенствование системы диагностики качества результатов обучения; формирование мотивации студентов и преподавателей к дистанционному обучению).

Список использованных источников

1. Eddy J. P. and Donald Spaulding. «Internet, computers, distance education and people failure: research on technology» Education, vol. 116, no. 3, 1996, p. 391.
2. Бакуліна Н. В. Ефективні інструменти впровадження дистанційного навчання у глобалізованому світі, на IV міжнар. інтернет-конф. Педагогічна компаративістика і міжнародна освіта – 2020: глобалізований простір інновацій : тези доп. [Електронний ресурс]. Доступно: http://undip.org.ua/news/library/zbirniki_detail.php?ID=9922
3. Буримская, Д.В. Смешанное обучение в высшем образовании [Текст] / Д.В. Буримская // Информационное общество. — 2016. — № 1. — С. 48–54.
4. Дронова Е.Н. Технологии дистанционного обучения в высшей школе: опыт и трудности использования / Е. Н. Дронова // Преподаватель XXI век. – 2018. – № 3. – С. 26–34.
5. Локшина О.І. та ін. Відповідь світової спільноти на виклики COVID-19 в освіті // Український педагогічний журнал, 2020, №3 – С. 15–23.

6. Осипов, М.В. Модель студента как представителя цифрового поколения [Текст] / М.В. Осипов // Молодежь и наука: в 3 т.: материалы конф. Т. 1, ч. 1 / отв. за выпуск А.Н. Тамаровская. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2014. — С. 90–95.
7. Полат Е. С. и др., Дистанционное обучение. Москва, Россия: Владос, 1998.
8. Психологія і педагогіка у протидії пандемії COVID-19 : інтернет-посібник / [за наук. ред. В.Г. Кременя]. Київ, Україна : ТОВ «Юрка Любченка», 2020. 243 с. [Електронний ресурс]. Доступно: <http://www.library.tnpu.edu.ua/index.php/en/129-uncategorised/3386-covid-19>
9. Смульсон М. Л., Машбиць Ю. І., Жалдак М. І., Ільїна Ю. М., Назар М. М. Дистанційне навчання: психологічні засади : монографія. Кіровоград, Україна : Імекс-ЛТД, 2012.

References

1. Eddy J. P. and Donald Spaulding. "Internet, computers, distance education and people failure: research on technology." *Education*, vol. 116, no. 3, 1996, p. 391. (in English)
2. Bakulina N. V. Efektyvni instrumenty vprovadzhennia dystantsiinoho navchannia u hlobalizovanomu sviti, na IV mizhnar. internet-konf. Pedagogichna komparatyvistyka i mizhnarodna osvita - 2020: hlobalizovanyi prostir innovatsii : tezy dop. [Elektronnyi resurs]. Dostupno: http://undip.org.ua/news/library/zbirniki_detail.php?ID=9922 (in Ukrainian)
3. Burimskaja D.V., Smeshannoe obuchenie v vysshem obrazovanii, *Informacionnoe obshchestvo*, 2016, No. 1, pp. 48–54. (in Russian)
4. Dronova E.N. Tekhnologii distancionnogo obucheniya v vysshej shkole: opyt i trudnosti ispol'zovaniya / E. N. Dronova // *Prepodavatel' XXI vek.* – 2018. – № 3. – S. 26–34. (in Russian)
5. Lokshyna O.I. ta in. Vidpovid svitovoi spilnoty na vyklyky COVID-19 v osviti // *Ukrainskyi pedagogichnyi zhurnal*, 2020, №3 – S.15 – 23. (in Ukrainian)
6. Osipov M.V., Model studenta kak predstavitelja cifrovogo pokolenija, *Molodezh i nauka: v 3 vols.: Proceedings of the Conference*, Vol. 1, Part. 1, ed. A.N. Tamarovskaja, Krasnojarsk, 2014, pp. 90–95. (in Russian)
7. Polat E. S. y dr. *Dystantsyonnoe obuchenye*. Moskva, Rossyia: Vlados, 1998. (in Russian)
8. Psykholohiia i pedagogika u protydii pandemii COVID-19 : internet-posibnyk / [za nauk. red. V.H. Kremenia]. Kyiv : TOV «Jurka Liubchenka», 2020. 243 s. [Online]. Available: http://ipood.com.ua/data/NDR/COVID19/COVID19_new.pdf (in Ukrainian).

9. Smulson M. L., Mashbyts Yu. I., Zhaldak M. I., Ilina Yu. M., Nazar M. M. Dystantsiine navchannia: psykholohichni zasady : monohrafiia. Kirovohrad, Ukraina : Imeks-LTD, 2012. (in Ukrainian)

ИСТОРИЯ

УДК 94

Elena Dubovik,

PhD, associate professor;

*Belarusian Statehood Belarusian National Technical University
(Belarus)*

TRADE UNION CONSTRUCTION IN SOVIET BELARUS IN THE 1920S

The article examines the formation of the trade union movement in Belarus. It is noted that trade unions began to be created here at the end of the 20th. earlier than in the central provinces of the Russian Empire. Trade union construction in the BSSR during the period of the new economic policy, organizational strengthening of trade unions in the conditions of national-state construction, enlargement of the territory of the BSSR and Belarus are considered in detail. Statistics on trade union membership are presented. The growth of trade union ranks in the 1920s is shown, the factors that contributed to this are determined. The peculiarities and main directions of organizational work of trade unions during the period under review were identified. It is noted that since the late 1920s. in the conditions of the curtailment of the NEP, there has been a process of nationalization of trade unions.

Keywords: new economic policy (NEP); national-state construction; enlargement of the BSSR; belarusization; labor unions; trade union movement; trade union construction; All-Belarusian trade union congresses; Central Council of Trade Unions of Belarus; Central Boards of Industry Trade Unions of Belarus.

埃琳娜·杜波维克

二十世纪二十年代苏联白俄罗斯的工会建设

本文考察了白俄罗斯工会运动的形成过程。值得注意的是，这里的工会是在 20 世纪末开始建立的，早于俄罗斯帝国的中部省份。文中详细论述了：在新经济政策下，白俄罗斯苏维埃社会主义共和国的工会建设，民族国家建设条件下加强工会组织建设，扩大白俄罗斯苏维埃社会主义共和国和白俄罗斯的领土等问题；还提供了有关工会会员的统计数字。通过对二十世纪二十年代工会队伍增长的分析，确定了造成这一增长的因素；确定了本报告所述期间

工会组织工作的特点和主要方向。值得注意的是，自二十世纪二十年代末以来，在国家经济政策被削减的情况下，出现了工会国有化的进程。

关键词：新经济政策（NEP）；民族国家建设；扩大白俄罗斯苏维埃社会主义共和国；白俄罗斯化；工会；工会运动；工会建设；全白俄罗斯工会代表大会；白俄罗斯工会中央委员会；白俄罗斯工业工会中央委员会

Елена Дубовик

ПРОФСОЮЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В 1920-Е ГГ.

В статье исследуется становление профсоюзного движения в Беларуси. Отмечается, что профсоюзы начали создаваться здесь еще в конце XIX в. – раньше, чем в центральных губерниях Российской империи. Подробно рассматривается профсоюзное строительство в БССР в период новой экономической политики, организационное укрепление профсоюзов в условиях национально-государственного строительства, укрупнений территории БССР и белорусизации. Представлена статистика членства в профсоюзах. Показан рост профсоюзных рядов в 1920-е гг., определены факторы, способствовавшие этому. Выявлены особенности и основные направления организационной работы профсоюзов в рассматриваемый период. Отмечается, что с конца 1920-х гг. в условиях свёртывания НЭПа шел процесс огосударствления профсоюзов.

Ключевые слова: новая экономическая политика (НЭП); национально-государственное строительство; укрупнения БССР; белорусизация; профсоюзы; профсоюзное движение; профсоюзное строительство; всебелорусские съезды профсоюзов; Центральный Совет профсоюзов Беларуси; Центральные правления отраслевых профсоюзов Беларуси.

Реализация задач по совершенствованию социально-трудовых отношений и развитию политической системы белорусского общества требует обобщения исторического опыта деятельности профсоюзов – самой массовой общественной организации Республики Беларусь.

Важным этапом становления профсоюзного движения в Беларуси стали 1920-е гг., когда оно организационно оформилось и окрепло. Цель данной статьи – показать организационное укрепление профсоюзов Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) в период новой экономической политики и национально-государственного строительства 1920-х гг.

Следует отметить, что профсоюзы начали создаваться в Беларуси ещё в конце XIX в. – раньше, чем в центральных губерниях Российской империи. В постановлении президиума Совета Федерации профсоюзов Беларуси (ФПБ) «О подготовке и проведении мероприятий по празднованию 100-летия профсоюзного движения Беларуси» (28 августа 2003 г.) отмечалось, что профсоюзное движение в Беларуси возникло в конце XIX – начале XX вв. как составная часть международного профсоюзного движения [1, с. 123]. При этом руководство ФПБ приняло в качестве отправной точки для отсчёта возраста белорусских профсоюзов 1904 г., хотя, на наш взгляд, более правильно исчислять историю профсоюзов Беларуси с 1894 г., когда в западных губерниях Российской империи, в том числе в Минске, начали действовать стачечные кассы, вскоре преобразованные в подпольные профсоюзы. В 1894 г. был создан крупный союз щетинщиков, затем союз кожевников и т. д. Новый подъём профсоюзного движения начался лишь в период первой российской революции 1905–1907 гг. Судя по всему, руководство Совета ФПБ посчитало целесообразным отпраздновать в 2004 г. более яркую круглую дату – 100-летие профсоюзного движения в Беларуси, нежели сразу 110-летие, так как до этого в 1996 г. отмечалось 90-летие профдвижения в Беларуси, тогда отсчет вёлся от принятия в 1906 г. «Временных правил о профессиональных обществах» – первого закона о профсоюзах в Российской империи [8, с. 167]. Позже, в 2014 г., было торжественно отмечено 110-летие, в 2019 г. – 115-летие профсоюзного движения в Беларуси.

Однако только после Февральской революции 1917 г. появились условия для широкого развития профсоюзного движения в стране. Особенностью его становления в Беларуси являлось то, что она подвергалась интервенции со стороны сначала немецких кайзеровских, а затем польских войск. Так, после своего первого провозглашения 1 января 1919 г. Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ) просуществовала недолго, уже в феврале 1919 г. в условиях угрозы польской интервенции было принято

решение о создании Литовско-Белорусской ССР, а восточные регионы Беларуси отошли к РСФСР. За столь короткое время профсоюзы ССРБ не успели оформиться в республиканском масштабе. 1 апреля в столице Литбел г. Вильно открылось совещание представителей профсоюзов, в котором приняли участие до 40 делегатов из Минска, Борисова, Гродно и других городов. Они высказались за производственный принцип построения профсоюзов. В телеграмме на адрес Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) участники совещания заявили, что считают себя связанными неразрывными узами с единым профдвижением Советской России. Было избрано Временное Центральное бюро производственных профсоюзов Литвы и Белоруссии в составе 9 человек [9, с. 52; 14, с. 48-50]. Но вскоре, в июле 1919 г. вся территория Литбел была захвачена белополяками и только с освобождением Беларуси в июле 1920 г. от интервентов и вторым провозглашением ССРБ (БССР) началось восстановление профсоюзов.

В начале 1920-х гг. БССР состояла всего из 6 районов Минской губернии – Минского, Борисовского, Бобруйского, Слуцкого, Игуменского и Мозырского. Витебская и Гомельская губернии входили в состав РСФСР, а территория Западной Беларуси была аннексирована Польшей. Высшим руководящим профсоюзным органом БССР был Минский губернский совет профсоюзов, который в феврале 1921 г. стал именоваться Советом профсоюзов Беларуси (Совпрофбел).

7–13 мая 1921 г. в Минске состоялся Первый Всебелорусский съезд профсоюзов. Он завершил процесс организационного оформления профсоюзов республики, определил их конкретные задачи при переходе к новой экономической политике (НЭП), избрал президиум Совпрофбела во главе с Ш. Ш. Ходошем [7].

Выполнение сложных и ответственных задач, стоящих перед профсоюзами, требовало их организационного укрепления, перестройки организационной и массовой работы. По состоянию на 1 августа 1921 г. профсоюзы БССР насчитывали 58 160 членов и объединяли 98,8 % рабочих и служащих 5659 предприятий и учреждений [23, с. 151]. В то время ещё существовало введённое в Советской стране в период «военного коммунизма» обязательное коллективное членство – в профсоюзы зачислялись все лица наемного труда. Действовал 21 отраслевой союз. Их возглавляли Минские губернские отделы (позже

белорусские отделы) всероссийских союзов. В уездах работали отделения отраслевых союзов и межпрофсоюзные органы – уездные профбюро, а также волостные и местечковые секретариаты профсоюзов.

Наиболее крупный союз работников земли и леса насчитывал 9611 человек – 16,5 % всех членов профсоюзов. 10 союзов «обрабатывающей промышленности» вместе охватывали 13174 рабочих и служащих – 22,5 % всех членов профсоюзов. В эту группу входили союзы деревообделочников, кожевников, металлистов, химиков, швейной, пищевой, табачной, бумажной отраслей промышленности, полиграфического производства, а также строительных рабочих. Третья группа включала транспортные союзы: водников, транспортных рабочих и комитеты профсоюзов Александровской и Западной железных дорог. Четвертую группу составляли «союзы обслуживающего труда»: Нарсвязи, Нарпит, Коммунхоз, Всемедикосантруда, Рабпрос, Работников искусств, Советских работников. Из них самым крупным был последний союз, который насчитывал 7688 человек – 13,1 % всех членов профсоюзов республики. В целом союзы данной группы насчитывали в своих рядах 44 % членов профсоюзов БССР [23, с. 151].

Коренная перестройка работы профсоюзов, затронувшая цели, задачи, формы и методы их деятельности, начинается после утверждения ЦК РКП (б) 12 января 1922 г. написанных В. И. Лениным тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики», ставших программным документом, опеределившим основные задачи профсоюзов в новых условиях [2, с. 338-344, 391]. С этого времени главным в профсоюзной работе стал лозунг «Ближе к массам!». Претерпело изменения организационное построение профсоюзов, сокращается их аппарат, раздутый в предыдущий период «военного коммунизма» по причине выполнения профсоюзами большого числа государственных функций.

В начале НЭПа число членов профсоюзов уменьшалось. Чтобы учесть их социальный состав, оживить работу, в 1922 г. была проведена перерегистрация членов профсоюзов и осуществлен переход к добровольному членству. «Непролетарские элементы» были исключены из профсоюзных рядов. В результате число членов профсоюзов в Беларуси несколько снизилось (с 48 008 до 40 080 человек, т. е. на 17,9 %). Но вскоре, с постепенным восстановлением промышленности, число членов профсоюзов снова возросло. Уже в июне

1923 г. в рядах профсоюзов БССР насчитывалось 47,2 тыс. человек [16, с. 13]. В Гомельской губернии, входившей в то время в состав РСФСР, в сентябре 1922 г. насчитывалось 54 тыс. членов профсоюзов, а в августе 1923 г. их число увеличилось до 66,8 тыс. [18, с. 119].

В декабре 1922 г. БССР вошла в состав Союза Советских Социалистических Республик (СССР) как одна из четырёх республик-основательниц. Существенных изменений в профсоюзном строительстве не произошло. Савпрофбел по-прежнему подчинялся на правах губернского совета профсоюзов ВЦСПС, который, однако, стал называться Всесоюзным, а не Всероссийским. Отраслевые союзы БССР были подчинены их ЦК профсоюза СССР в Москве.

Важным историческим событием в жизни белорусского народа стало первое укрупнение БССР в феврале 1924 г. в связи с ликвидацией Витебской губернии и присоединением ее, а также части Гомельской губернии (включая Могилевщину) и отдельных волостей Смоленской губернии к БССР. В результате территория БССР увеличилась более чем в два раза, а население – с 1,5 млн до почти 4,2 млн человек [3, с. 181,184].

В связи с укрупнением БССР профсоюзные органы были реорганизованы. В феврале 1924 г. было создано Временное Центральное бюро (ЦБ) профсоюзов Беларуси для управления работой профсоюзов расширенной БССР. На первом заседании Временного Центрального бюро профсоюзов 16 февраля 1924 г. был создан его Президиум в составе Ш. Ш. Ходоша (председатель), А. Я. Калнина (секретарь, ранее работал председателем Витебского губсовпрофа) и Л. М. Бунина (начальник тарифно-экономического отдела). Деятельность Временного ЦБ профсоюзов была направлена на объединение профсоюзных организаций расширенной Беларуси, изучение состояния профсоюзной работы на присоединенных территориях, подготовку и проведение съездов отраслевых союзов и IV Всебелорусского съезда профсоюзов. В связи с отзывом А. Я. Калнина в марте 1924 г. на руководящую должность в Высший совет народного хозяйства БССР секретарем Временного ЦБ профсоюзов стал Л. А. Пахомович. В марте были организованы временные правления всех белорусских отделений профсоюзов, а в мае 1924 г. состоялись всебелорусские съезды и конференции отраслевых профсоюзов [15, с. 3].

14–18 июня 1924 г. состоялся IV Всебелорусский съезд профсоюзов, в работе которого приняли участие 283 делегата, представляющих 113,1 тыс. членов профсоюзов. Съезд заслушал отчётные доклады о работе Временного Центрального бюро профсоюзов и Ревизионной комиссии, доклады о предстоящих задачах профсоюзов, работе Народного комиссариата труда и т. д., избрал Центральный совет профессиональных союзов Беларуси (ЦСПСБ) из 70 членов и 15 кандидатов. На первом пленуме был избран Президиум ЦСПСБ (председатель Ш.Ш. Ходош) [21]. С середины декабря 1924 г., после отъезда Ходоша на учебу в Москву, председателем ЦСПСБ стал М. Е. Ендаков, возглавлявший высший межсоюзный орган республики до января 1927 г. Ответственным секретарем ЦСПСБ в 1924 – июле 1926 г. работал В. Ф. Шарангович [20, с. 751, 777].

В связи с введением летом 1924 г. нового административного деления БССР, в августе 1924 г. в республике вместо уездных начали функционировать окружные и районные профсоюзные бюро. Минские губернские отделы Всероссийских союзов стали называться Центральными правлениями (ЦП) профсоюзов Беларуси. Однако аппарат профсоюзных органов не вырос, а даже уменьшился на 29 % в результате оптимизации их работы [9, с. 70].

Процесс объединения профсоюзных органов проходил в целом гладко. Этому способствовал тот факт, что заработная плата в БССР не уступала и зачастую была даже выше, чем в бывшей Витебской губернии, а также на Могилёвщине. Но случались и некоторые конфликты. Так, вместо Витебского губернского отдела профсоюза химиков в 1924 г. было создано уездное отделение, которое, однако, хотело по-прежнему подчиняться ЦК союза в Москве, а не ЦП союза в Минске [12, л. 222].

В июле 1924 г. на второй сессии ЦИК БССР и пленуме ЦК КП (б) Б была провозглашена белорусизация как общереспубликанская государственная политика. Она не могла не затронуть профсоюзы, отличавшиеся многонациональным составом. Введение национальных аспектов в практику профсоюзной работы шло по пути адаптации профсоюзного аппарата для обслуживания отдельных национальных групп на их родном языке; проведения всех форм массовой работы на языках, понятных для всех членов профсоюзов; приведения состава выборных профсоюзных органов в соответствие с национальным составом членов, которых они обслуживали, с достаточным представительством всех национальных групп в них; более широкой популяризации и

разъяснения членам профсоюза основных принципов национальной политики Советского правительства и важности белорусизации. В середине 1920-х гг. белорусы составляли 55,5 %, евреи – 27,7 %, русские – 9,5 % и поляки – 3,9 % членов профсоюзов Беларуси. В профсоюзах промышленной группы удельный вес белорусов был несколько ниже – 41,1 %, почти такой же, как евреев (40,7 %). В то же время доля белорусов в сельском профсоюзе была самой высокой – 77,1 % [6].

В результате организационной перестройки, изменений в формах и методах внутрипрофсоюзной работы деятельность профсоюзов в первые годы НЭПа значительно оживилась. Усилилась связь профсоюзов с массами, возросла их организационная роль среди рабочих. Регулярные съезды, конференции и пленумы профсоюзов способствовали развитию профсоюзной демократии.

Важное значение имело возникновение в конце 1921 г. коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, создание паритетных органов примирительно-третейского рассмотрения трудовых конфликтов – расценочно-конфликтных комиссий, примирительных камер, а также третейских судов. В результате в период НЭПа была создана атмосфера социального партнерства, ослаблявшая постепенно дух классовой конфронтации и способствовавшая восстановлению и развитию народного хозяйства. Профсоюзы активно участвовали в регулировании рынка труда, осуществлении тарифной работы, социального страхования рабочих и служащих, ликвидации неграмотности населения.

Вместе с тем отношение к новой экономической политике было неоднозначным. Часть рабочих поддерживала ее, видя в этом путь восстановления и развития экономики. В то же время другая часть трудящихся была недовольна эксплуатацией и расслоением общества. НЭП они саркастически переводили как «новая эксплуатация пролетариата».

Противоречивой была и роль профсоюзов в частном секторе экономики в условиях НЭПа. С одной стороны, они признавали необходимость существования частных предприятий для восстановления и развития народного хозяйства; с другой, часто видели в частниках только эксплуататоров. В результате, если в 1921–1925 гг. количество частных предприятий и охват работающих на их профсоюзами в БССР росли, то в последующие годы, когда происходило свертывание НЭПа, они начали уменьшаться [5].

1–6 декабря 1925 г. состоялся V Всебелорусский съезд профсоюзов. Профсоюзы республики пришли к нему гораздо окрепшими, объединяли 91,1 % всех рабочих и служащих БССР. В съезде приняли участие 427 делегатов: 311 с решающим голосом, 116 с правом совещательного голоса. Среди них было 283 рабочих. Съезд заслушал доклады о международном и внутреннем положении страны, о профсоюзном движении в СССР, доклад ЦСПСБ о неотложных практических задачах профсоюзов, доклад Народного комиссариата труда, доклад Высшего совета народного хозяйства БССР, о состоянии социального страхования и т. д. Был избран новый состав ЦСПСБ. В резолюции по докладу ЦСПСБ съезд отметил рост числа членов профсоюзов (только за последний год на 24 тыс., или почти на 22 %), высокую активность трудящихся масс, успехи в проведении национальной политики. В то же время было обращено внимание на необходимость более чуткого и внимательного отношения профсоюзов к повседневным нуждам работников [22]. В состав Президиума ЦСПСБ, избранного на пленуме после съезда, вместе с профсоюзными руководителями-коммунистами вошли беспартийные рабочие П. К. Латокурский из депо Западной железной дороги и Ф. П. Макаревич с минского завода «Деревообработчик» [4, с. 89].

После V Всебелорусского съезда профсоюзов с целью экономии средств была сокращена сеть районных межпрофсоюзных органов. Вместо 100 райпрофбюро в БССР их осталось только 26 (в районах со значительным числом членов профсоюзов – более 500 человек без учета профсоюзов Рабземлеса и железнодорожников), в остальных районах были назначены районные уполномоченные [10, с. 4].

В конце 1926 г. произошло новое укрупнение БССР. К ней присоединились Гомельский и Речицкий уезды Гомельской губернии, которая была ликвидирована, часть её отошла к Брянской губернии. Территория БССР достигла 125,9 тыс. кв. км, а население почти 5 млн человек. Расширение территории БССР значительно укрепило её как союзную республику, активизировало экономическое и культурное строительство, участие в нем профсоюзов, число членов которых увеличилось до 215 792 в начале 1927 г. [17, с. 7].

Следует отметить тот факт, что в профсоюзы в 1920-е гг. принимались только рабочие и служащие. Крестьяне, а также те, кто не имел права голоса (частные наниматели, нэпманы, выходцы из эксплуататорских классов), не входили в профсоюзы, хотя иногда

предпринимали шаги для вступления в профсоюз, поскольку это давало определенные преимущества (в устройстве на работу, оплате жилищно-коммунальных услуг и т. д.). Например, уполномоченному Лесохима Э. Г. Айзенштадту было отказано в 1927 г. во вступлении в союз химиков, как и раньше в союз совторгслужащих, поскольку служба в тресте не была основным источником его существования – кроме того, он имел доход от сдачи в аренду собственных четырех одноэтажных домов (семи квартир) в Минске, а его жена владела мастерской-магазином головных уборов. Айзенштадт даже написал жалобу председателю ЦИК СССР М. И. Калинину об отказе профсоюза. Но его надежда на уравнивание в профсоюзных правах всех работающих в связи с 10-й годовщиной Октябрьской революции не осуществилась [13, л. 92].

Профсоюзная работа во второй половине 1920-х гг. строилась по территориально-отраслевому принципу. Высшим органом в период между всебелорусскими съездами профсоюзов был ЦСПСБ. В это время ЦСПСБ возглавляли И. Н. Перепечко (январь 1927 – июнь 1928 г.), И. П. Рыжов (июнь 1928 – май 1932 г.). В Витебском, Могилевском, Бобруйском, Борисовском, Калининском (районный центр – Климовичи), Мозырском, Оршанском, Полоцком, Слуцком и с декабря 1926 г. в Гомельском и Речицком округах работали межпрофсоюзные органы – окружные советы профсоюзов. Летом 1927 г. для сокращения расходов государственного аппарата были упразднены 4 округа (Слуцкий, Борисовский, Калининский и Речицкий). В республике работало 21 Центральное правление (ЦП) отраслевых союзов БССР, в том числе союза швейной промышленности в Витебске, остальные – в Минске [4, с. 89].

28 октября 1927 г. открылся VI съезд профсоюзов Беларуси, работа которого продолжалась до 2 ноября. В съезде приняли участие 358 делегатов, представляющих 223 тыс. рабочих и служащих. На съезде присутствовал первый секретарь ЦК Компартии Беларуси В. Г. Кнорин, председатель СНК БССР Н. М. Голодед, другие руководители компартии и правительства республики, а также иностранные гости. Повестка дня съезда включала в себя: доклад о международном и внутреннем положении СССР, доклады ЦСПСБ и Ревизионной комиссии, доклады о состоянии и перспективах экономики БССР, работе Наркомата труда, о социальном страховании и медицинском обслуживании членов профсоюзов, о массовой работе профсоюзов, выборы руководящих органов. Съезд

определил очередные задачи профсоюзов в различных сферах деятельности. В области организационной работы было поручено ФЗМК укреплять связи с массами, изучать их пожелания и настроения, улучшать работу профсоюзных бюро и уполномоченных, а также смелее привлекать женщин и молодежь к практической деятельности профсоюзов [19].

С началом осуществления программы индустриализации, принятой в декабре 1925 г. XIV съездом ВКП(б), на промышленные предприятия республики стали приходить тысячи новых рабочих – большей частью выходцы из деревни. Они принимались в профсоюзы. В целом за 1921–1929 гг. число членов профсоюзов в БССР увеличилось более чем в 4 раза и превысило 251 тыс. человек [11, л. 4]. Охват профсоюзным членством достиг 94 % рабочих и служащих [4, с. 90]. Но зачастую главным фактором их вступления в профсоюзные ряды была не защитная и правовая деятельность профсоюзов, а профсоюзные льготы, особенно в сфере занятости, что имело немалое значение в условиях значительной безработицы. Одновременно увеличился профактив, составивший на 1 мая 1928 г. 16 % всех работающих членов профсоюзов [9, с. 153]. Однако расходы на содержание профсоюзного аппарата оставались значительными. В 1929 г. на эти цели использовалось 40,7 % профбюджета [4, с. 90].

Рост рядов профсоюзов, обновление профсоюзных органов требовали неотложной подготовки профсоюзных кадров. В начале 1920-х гг. кадры профработников для республики готовились Московской школой профдвижения, а также секцией по изучению профсоюзного движения при Центральной партийной школе в Минске. Но проблема подготовки профсоюзных кадров оставалась чрезвычайно острой, большинство профработников БССР имели весьма низкий уровень образования – начальное, домашнее и т. п. Поэтому 24 декабря 1929 г. президиум ЦСПСБ постановил открыть с 15 января 1930 г. в Минске Высшую школу профдвижения БССР на 50 человек [4, с. 86, 91].

Профсоюзы участвовали в выдвижении рабочих на руководящие должности. Наряду с рабочим классом, в профсоюзное движение включалась интеллигенция. В 1923 г. были созданы инженерно-технические секции профсоюзов. При ЦСПСБ в 1924–1937 гг. работало Белорусское межсекционное бюро инженеров и техников, проводившее Всебелорусские съезды и конференции ИТР. В структуре профсоюза работников

просвещения активно функционировала секция научных работников, возглавляемая видным ученым-философом С. Я. Вольфсоном.

Укреплялись интернациональные связи профсоюзов. БССР посетили австрийская, французская, голландская, польская профсоюзные и рабочие делегации, прогрессивные политические деятели, работники науки и культуры ряда стран. Росла международная солидарность трудящихся. Так, серьезную поддержку оказывали профсоюзы Беларуси справедливой борьбе китайского народа против компрадорской милитаристской клики. Профсоюзные организации организовывали сбор средств для оказания помощи революционным выступлениям трудящихся Китая, устраивали многочисленные собрания и митинги, на которых выражали свою солидарность с трудовым китайским народом. Многочисленные митинги трудящихся состоялись в Минске, Витебске, Гомеле, Бобруйске, Борисове, Могилеве и других городах. После освобождения в марте 1927 г. революционно-освободительными войсками Шанхая и Нанкина профсоюзы БССР поздравили трудящихся Китая с этой победой. «Победа трудящихся Китая, – писал коллектив борисовского завода имени Ленина, – наша победа. Их радость – наша радость... Да здравствует революционный Китай» [18, с. 187-188].

Таким образом, 1920-е гг. стали важным этапом в развитии профсоюзного движения в БССР. Значительно выросли ряды профсоюзов, их профактив. Появились новые формы работы профсоюзов, некоторые из них (коллективно-договорное регулирование трудовых отношений, разрешение трудовых конфликтов, создание касс взаимопомощи и др.) не утратили своего значения по сей день. В 1921–1932 гг. состоялось семь всебелорусских съездов профсоюзов, являвшихся крупным событием в общественно-политической жизни республики. На них присутствовали и выступали с докладами и приветствиями председатель ЦИК БССР А. Г. Червяков, председатели правительства БССР, секретари ЦК КП (б) Б. На съездах, помимо отчетных докладов Совпрофбела (с 1924 г. – ЦСПСБ) и Ревизионной комиссии, рассмотрения вопросов профсоюзного строительства, постоянно заслушивались и широко обсуждались доклады Наркомата труда Беларуси, Высшего совета народного хозяйства, других хозяйственных органов республики. В свою очередь, председатели ЦСПСБ и Центральные правлений крупнейших отраслевых профсоюзов избирались в состав ЦИК БССР, Бюро ЦК КП (б) Б, других партийных и советских органов. С одной стороны,

это свидетельствовало об авторитете профсоюзов; с другой, включение профсоюзного руководства в систему номенклатурного распределения кадров являлось одним из рычагов партийно-государственного контроля над профсоюзными организациями.

С конца 1920-х гг. в условиях свёртывания НЭПа осуществлялся поворот в деятельности советских профсоюзов под лозунгом «Лицом к производству». В 1929 г. профсоюзам была поручена организация социалистического соревнования, они руководили деятельностью созданного в 1930 г. общества изобретателей, научно-инженерными техническими обществами. Происходил процесс сращивания государственных и профсоюзных органов, проявившийся в экономическом уклоне в их работе. Вместе с тем, с ликвидацией в 1933 г. Наркомата труда на профсоюзы были возложены государственные функции в области охраны труда и социального страхования.

Список использованных источников

1. 100 лет профсоюзному движению Беларуси: Документы и материалы. – Минск: Федерация профсоюзов Беларуси, 2004. – 240 с.
2. В. И. Ленин о профсоюзах, 1894–1922 : Статьи, доклады, речи, письма. – М.: Профиздат, 1980. – 400 с.
3. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Саврем. шк. : Экоперспектива, 2007–2011. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 613 с.
4. Дубовік, А. А. Арганізацыйнае ўмацаванне прафсаюзаў БССР у перыяд НЭПа (1920-я гг.) / А. А. Дубовік // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2016. – № 3-4. – С. 84–93.
5. Дубовік, А. А. Дзейнасць прафсаюзаў Беларусі на прыватных прадпрыемствах у перыяд НЭПа / А. А. Дубовік // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 10. – С. 34–42.
6. Дубовік, А. К. Ажыццяўленне палітыкі беларусізацыі ў прафсаюзах рэспублікі (20-я – сярэдзіна 30-х гадоў XX ст.) / А. К. Дубовік // Труды БГТУ. Серия 5. Вып. 13. – Минск, 2005. – С. 45–49.
7. Дубовик, А. К. Первый Всебелорусский съезд профсоюзов и его историческое значение / А. К. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2011. – № 1. – С. 4–10.

8. Дубовик Е. А. Историческая память и профсоюзное движение Беларуси / Е. А. Дубовик // Духовные ценности и историческая память: материалы Междунар. научн. конф., Минск, 17 апр. 2015 г. / БНТУ; отв. ред. А. И. Лойко. – Минск, 2015. – С. 166–171.
9. История профсоюзного движения Беларуси. – Минск: ФУАинформ, 2005. – 416 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 265. Оп. 1. Д. 2140.
11. НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1. Д. 2699.
12. НАРБ. – Ф. 275. Оп.1. Д. 11.
13. НАРБ. – Ф. 275. Оп.1. Д. 103.
14. Отчёт Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов за 1919 год (с приложением отчетов ЦК Всероссийских профессиональных союзов) / составлен секретарем ВЦСПС Н. Глебовым. – М., 1920. – XIV, 392 с.
15. Отчёт о деятельности Временного Центрального Бюро профсоюзов Белоруссии. – Минск: [б. и.], 1924. – 47 с.
16. Отчёт о деятельности Президиума Совета профсоюзов Белоруссии (апрель 1922 – июнь 1923 гг.). – Минск: [б. и.], 1923. – 126 с.
17. Отчёт о работе Центрального совета профсоюзов Белоруссии за период декабрь 1925 г. – июнь 1927 г. К VI Всебелорусскому съезду профсоюзов. – Минск, 1927. – 117 с.
18. Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905–1969 гг.). – Минск: Беларусь, 1970. – 474 с.
19. Постановления VI Всебелорусского съезда профессиональных союзов и доклад тов. Перепечко на собрании профактива гор. Минска. – Минск [б. и.], 1927. – 70 с.
20. Профессиональные союзы Беларуси : энциклопедия : в 2 т. / Федерация профсоюзов Беларуси ; под общ. ред. Л. П. Козика. – Минск : МИТСО, 2012. – Т. 2. – 895 с.
21. Резолюции и постановления IV Всебелорусского съезда профсоюзов. – Минск: [б. и.], 1924. – 28 с.
22. Резолюции 5-го Всебелорусского съезда профессиональных союзов. – Минск : Ред.-издат. отдел ЦСПСБ, 1926. – 80 с.
23. Советская Белоруссия. – Минск: Гос. изд-во ССРБ, 1921. – 307 с.

References

1. 100 let profsoyuznomu dvizheniyu Belarusi: Dokumenty i materialy. – Minsk: Federatsiya profsoyuzov Belarusi, 2004. – 240 s.
2. V. I. Lenin o profsoyuzakh, 1894–1922 : Stat’i, doklady, rechi, pisma. – M.: Profizdat, 1980. – 400 s.
3. Gistoryya Belarusi : u 6 t. / redkal.: M. Kastsyuk (gal. red.) [i insh.]. – Minsk : Sovrem. shk. : Ekoperspektiva, 2007–2011. – T. 5 : Belarus' u 1917–1945 gg. / A. Vabishchevich [i insh.]. – 613 s.
4. Dubovik, A. A. Arganizatsyinae umatsavanne prafsayuzaŭ BSSR u peryyad NEPa (1920-ya gg.) / A. A. Dubovik // Gumanitarna-ekanamichny vesnik. – 2016. – № 3-4. – S. 84–93.
5. Dubovik, A. A. Dzeinasts’ prafsayuzau Belarusi na pryvatnykh pradpnyemstvakh u peryyad NEPa / A. A. Dubovik // Belaruski gistorychny chasopis. – 2015. – № 10. – S. 34–42.
6. Dubovik, A. K. Azhytstsyaulenne palityki belarusizatsyi u prafsayuzakh respubliki (20-ya – syaredzina 30-kh gadoŭ XX st.) / A. K. Dubovik // Trudy BGTU. Seriya 5. Vyp. 13. – Minsk, 2005. – S. 45–49.
7. Dubovik, A. K. Pervyi Vsebelorusskii s’ezd profsoyuzov i ego istoricheskoe znachenie / A. K. Dubovik // Trud. Profsoyuzu. Obshchestvo. – 2011. – № 1. – S. 4–10.
8. Dubovik E. A. Istoricheskaya pamyat’ i profsoyuznoe dvizhenie Belarusi / E. A. Dubovik // Dukhovnye tsennosti i istoricheskaya pamyat’: materialy Mezhdunar. nauchn. konf., Minsk, 17 apr. 2015 g. / BNTU; otv. red. A. I. Loiko. – Minsk, 2015. – S. 166–171.
9. Istoriya profsoyuznogo dvizheniya Belarusi. – Minsk: FUAinform, 2005. – 416 s.
10. Natsional’nyi arkhiv Respubliki Belarus’ (NARB). – F. 265. Op. 1. D. 2140.
11. NARB. – F. 265. Op. 1. D. 2699.
12. NARB. – F. 275. Op.1. D. 11.
13. NARB. – F. 275. Op.1. D. 103.
14. Otchet Vserossiiskogo Tsentral’nogo Soveta Professional’nykh Soyuzov za 1919 god (s prilozheniem otchetov TsK Vserossiiskikh professional’nykh soyuzov) / sostavlen sekretarem VTsSPS N. Glebovym. – M., 1920. – XIV, 392 s.
15. Otchet o deyatel’nosti Vremennogo Tsentral’nogo Byuro profsoyuzov Belorussii. – Minsk: [b. i.], 1924. – 47 s.

16. Otchet o deyatel'nosti Prezidiuma Soveta profsoyuzov Belorussii (aprel' 1922 – iyun' 1923 gg.). – Minsk: [b. i.], 1923. – 126 s.
17. Otchet o rabote Tsentral'nogo soveta profsoyuzov Belorussii za period dekabr' 1925 g. – iyun' 1927 g. K VI Vsebelorusskomu s'ezdu profsoyuzov. – Minsk, 1927. – 117 s.
18. Ocherki istorii profsoyuzov Belorussii (1905–1969 gg.). – Minsk: Belarus', 1970. – 474 s.
19. Postanovleniya VI Vsebelorusskogo s'ezda professional'nykh soyuzov i doklad tov. Perepechko na sobranii profaktiva gor. Minska. – Minsk [b. i.], 1927. – 70 s.
20. Professional'nye soyuzy Belarusi : entsiklopediya : v 2 t. / Federatsiya profsoyuzov Belarusi ; pod obshch. red. L. P. Kozika. – Minsk : MITSO, 2012. – T. 2. – 895 s.
21. Rezolyutsii i postanovleniya IV Vsebelorusskogo s'ezda profsoyuzov. – Minsk: [b. i.], 1924. – 28 s.
22. Rezolyutsii 5-go Vsebelorusskogo s'ezda professional'nykh soyuzov. – Minsk : Red.-izdat. otdel TsSPSB, 1926. – 80 s.
23. Sovetskaya Belorussiya. – Minsk: Gos. izd-vo SSRB, 1921. – 307 s.

УДК 904

Vladimir Podolinsky,
PhD, associate professor;
Belarusian State University
(Belarus)

THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AS PART OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH: THE POLITICAL SYSTEM AND THE PROBLEM OF SOVEREIGNTY

Discussions about the form of the state system of the Polish-Lithuanian Commonwealth have a long historiographical tradition. However, the views of researchers on this issue are still very different: from the Declaration of the Polish-Lithuanian Commonwealth as a single state, in which the Grand Duchy of Lithuania retained only some features in the legal system, to the recognition of its Union of two completely independent States. The purpose of the study is to use the concept of sovereignty to determine the role and place of the Grand Duchy of Lithuania in the political system

of this state Association. The article shows the desire of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania to pursue an independent policy on their own territory, to prevent external interference in internal Affairs and to protect their interests in the implementation of the foreign policy of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The author emphasizes the Federal basis for the unification of the Grand Duchy of Lithuania and Poland in 1569. It is concluded that the Grand Duchy of Lithuania as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth had non-absolute sovereignty, and its statehood was not eliminated. The results of the study will allow us to study in more detail the problems of sovereignty and statehood in the region of Central and Eastern Europe during the early Modern period.

Keyword: sovereignty; statehood; Grand Duchy of Lithuania; Polish-Lithuanian Commonwealth; Lublin Union of 1569; political system; valny Sejm; szlachta.

弗拉基米尔·波多林斯基

作为波兰-立陶宛联邦一部分的立陶宛大公国：政治制度和主权问题

关于波兰-立陶宛联邦国家制度形式的讨论具有悠久的历史编纂传统。然而，研究者们对这一问题的看法仍存在很大的分歧：从宣布波兰-立陶宛联邦为一个单一国家(立陶宛大公国在其法律制度中只保留了一些特点)到承认由两个完全独立的国家组成的联盟。本研究的目的是利用主权的概念来确定立陶宛大公国在这个国家联盟的政治制度中的作用和地位。这篇文章表明，立陶宛大公国的贵族们希望在自己的领土上奉行一项独立的政策，防止外部干涉内政，并在执行波兰-立陶宛联邦的外交政策时保护他们的利益。作者强调了立陶宛大公国与波兰在 1569 年统一的联邦基础。结论是，立陶宛大公国作为波兰-立陶宛联邦的一部分具有非绝对主权，其国家地位没有被消除。研究结果将使我们能够更详细地研究早期近代中欧和东欧地区的主权和国家地位问题。

关键词: 主权；国家地位；立陶宛大公国；波兰-立陶宛联邦；1569 年卢布林联盟；政治制度；瓦尔尼·塞姆；撒拉赤塔

Владимир Подолинский

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА

Дискуссии о форме государственного строя Речи Посполитой имеют давнюю историографическую традицию. Однако взгляды исследователей на данную проблему до сих пор крайне разнятся: от объявления Речи Посполитой единым государством, в котором Великое княжество Литовское сохранило только некоторые особенности в правовой системе, до признания её союзом двух полностью самостоятельных государств. Цель исследования – при помощи концепции суверенитета определить роль и место Великого княжества Литовского в политической системе этого государственного объединения. В статье показано стремление шляхты Великого княжества Литовского проводить самостоятельную политику на собственной территории, не допускать вмешательства извне во внутренние дела и защищать свои интересы в реализации внешней политики Речи Посполитой. Автор подчёркивает федеративную основу объединения Великого княжества Литовского и Польши в 1569 г. Сделан вывод, что Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой владело неабсолютным суверенитетом, и его государственность не была ликвидирована. Результаты исследования позволят более детально изучать проблематику суверенитета и государственности в регионе Центрально-Восточной Европы периода раннего Нового времени.

Ключевые слова: суверенитет; государственность; Великое княжество Литовское; Речь Посполитая; Люблинская уния 1569 г.; политическая система; вальный сейм; шляхта.

Великое княжество Литовское (ВКЛ) и Королевство Польское находились в тесном политическом союзе с 1385 г., когда по условиям Кревского акта великий князь литовский Ягайло должен был стать польским королём. С 1447 г. два государства были объединены персональной унией под властью династии Ягеллонов [22, с. 81–173]. В середине XVI в. геополитическая ситуация в Восточной Европе резко обострилась. Великое княжество Литовское и Московское государство стремились укрепить своё влияние в Ливонии (современные земли Латвии и Эстонии) – стратегически важном регионе Прибалтики. В январе 1558 г. Московское государство напало на Ливонию и к лету захватило земли

восточной Эстонии. Позднее в конфликт вмешались Дания и Швеция. Ливонский орден обратился за помощью к королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду Августу (1548–1572 гг.). В Вильно в январе 1559 г. и ноябре 1561 г. были подписаны два соглашения, по которым земли Ордена переходили под личную протекцию Сигизмунда Августа, а ВКЛ обязывалось защищать Ливонию и вернуть захваченные земли. Война с Московским государством стала неизбежной. Весной 1562 г. московские войска напали на восточные районы ВКЛ, а захват в феврале 1563 г. Полоцка позволил Московскому государству овладеть стратегическим преимуществом на всём театре боевых действий [14, с. 21–74]. Великому княжеству требовался сильный союзник, которым, естественно, являлась Польша. Однако коронная политическая элита связывала помощь в войне с заключением нового, более тесного союза между государствами. Польская шляхта вообще настаивала на инкорпорации ВКЛ в состав Польши. В начале 1560-х гг. за новую унию начал активно выступать и Сигизмунд Август, который понимал, что только вместе страны могут победить в Ливонской войне. Он также опасался, что окончание династии Ягеллонов (у короля не было наследников) может привести к разрыву даже персональной унии между Польшей и ВКЛ [25, с. 20, 34–36, 37–39].

В результате споров и острой политической борьбы 1 июля 1569 г. на совместном сейме в Люблине между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским была заключена уния. Создавался новый политический организм – Речь Посполитая [15, с. 331–363]. Дискуссия о характере Люблинской унии 1569 г. и форме государственного строя Речи Посполитой идёт в исторической науке уже очень давно. На наш взгляд, новое государство создавалось на федеративной основе. В Речи Посполитой был единый избираемый шляхтой король польский и великий князь литовский, совместные вальный сейм и внешняя политика, предусматривалось создание общей финансовой системы. Однако ВКЛ сохранило свои отдельные должности, судебную и правовую системы, канцелярию, казну, армию, титул, символику, официальный старобелорусский язык (в 1697 г. был заменён польским) [4, с. 368, 395; 31, с. 234–238]. В данной статье мы попробуем определить, позволяла ли специфика политической системы Речи Посполитой сохранить Великому княжеству Литовскому свой суверенитет в составе нового государственного объединения. Отметим, что будем рассматривать период от 1569 г. до середины XVII в., то есть до начала

системного социально-политического кризиса Речи Посполитой, который открыл новый этап её истории и является отдельной, довольно масштабной исследовательской проблемой.

Верховная власть в Речи Посполитой принадлежала не только королю польскому и великому князю литовскому, но и всему шляхетскому сословию. Шляхта владела широким комплексом привилегий и прав, важнейшими из которых были равенство каждого шляхтича перед законом, право на участие в выборах короля и в политической жизни страны, право на свободный голос и протест, неприкосновенность шляхтича и его имущества. В случае неисполнения монархом своих обязательств или нарушения шляхетских свобод, шляхта имела право отказаться признавать власть короля [20, с. 222–229; 31, с. 329, 358]. Однако шляхетское сословие Речи Посполитой не было однородным, в том числе в политическом смысле. Существовал отдельный политический народ ВКЛ*, который отождествлял себя, в первую очередь, с Великим княжеством Литовским, имел свои собственные групповые интересы и потребности, а также стремился реализовать их в общественной деятельности. Это политическое сообщество старалось проводить самостоятельную политику на собственной территории, не допускать вмешательства извне во внутренние дела Великого княжества и защищать свои интересы в реализации внешней политики Речи Посполитой, то есть отстаивало суверенитет ВКЛ [1; 27].

Основы политической системы Речи Посполитой были закреплены в Генриховых артикулах 1573 г., которые получили юридическую силу в 1576 г., а также в решениях самого Люблинского сейма 1569 г. [31, с. 234–256, 326–329, 356–358]. Центральным её элементом являлся общий вальный сейм, который объединял в себе короля, сенат и посольскую избу, состоящую из избранных на локальных сеймиках представителей шляхты. Для принятия того или иного решения необходимо было согласие всех составных частей сейма. Именно этот институт власти давал шляхте право и возможность непосредственно участвовать в управлении государством, а также уравнивал политические амбиции монарха и шляхетского сословия. В 1569 г. в состав сената, верхней палаты сейма, вошли 27 великокняжеских сенаторов из 140 сенаторов, а в состав посольской избы (нижней палаты) –

---

* Под определением «политический народ ВКЛ» понимаем ту часть белорусской и литовской шляхты, которая активно пользовалась правом участвовать в политической жизни страны на всех её уровнях.

44 посла от ВКЛ из примерно 170 послов [21, с. 170–171, 174–175; 25, с. 23]. На сеймах, которые с 1576 г. должны были созываться минимум раз в два года, рассматривались все важнейшие вопросы государственной жизни. В его компетенцию входило издание законодательных актов, одобрение налогов, созыв шляхетского ополчения, определение внешней политики государства, ратификация мирных договоров, контроль над действиями короля и центральных чиновников, рассмотрение важнейших судебных дел и др. [см. напр.: 26, с. 51–118]. Однако даже на общем вальном сейме Речи Посполитой делегация Великого княжества сохраняла определённую обособленность. Так, на рассмотрение монарху, сенату и посольской избе представители ВКЛ подавали отдельные постулаты и артикулы по своим внутренним вопросам. Уже в конце XVI в. во время сеймов проводились отдельные от коронной стороны совещания сенаторов и послов ВКЛ. Часто от имени всей великокняжеской делегации подавались протестации – письменные протесты против каких-либо сеймовых решений [7]. Также на вальных сеймах принимались постановления (конституции), которые действовали только на территории ВКЛ. И уже в конце XVI в. появилась традиция обособления таких постановлений от всех других конституций. Впервые сеймовые конституции ВКЛ были выделены в отдельный раздел в 1590 г., последний раз – в 1776 г. [28, с. 186–188; 34, с. 114–116]. Позднее, с XVII в., непосредственно во время сейма работали отдельные для разных регионов Речи Посполитой, в том числе и для Великого княжества Литовского, так называемые провинциальные сессии [28, с. 182–185; 34, с. 111–112]. В целом, на всех уровнях парламентской системы великокняжеские представители старались ограничить вмешательство коронной стороны в решение внутренних дел ВКЛ. Кроме того, сейм давал реальную возможность защиты прав и свобод Великого княжества Литовского в составе федеративного государства.

Сохранение социально-политической обособленности ВКЛ в рамках унии с Польшей стало одной из причин возникновения нового и, что наиболее важно, отдельного представительного органа власти в Великом княжестве – Главного съезда [8]. Этот властный институт начал функционировать со времени правления короля и великого князя Стефана Батория (1576–1586 гг.) и вообще не был оговорён в законах ВКЛ и Речи Посполитой. Иногда в Главном съезде видят даже продолжение традиции существования отдельного сейма ВКЛ [24, с. 273–274]. Созывать съезды мог только монарх, но на практике инициатива

в их созыве часто принадлежала и политической элите Великого княжества Литовского. Участие в заседаниях принимали сенаторы ВКЛ и послы от шляхты, избранные на сеймиках в поветах и воеводствах. Главный съезд являлся чрезвычайным законодательным органом и созывался, как правило, во время войн или политических конфликтов. На нём рассматривались главным образом вопросы налогообложения, а также обсуждался широкий круг актуальных для политического народа ВКЛ проблем внутренней и внешней политики. Для вступления в силу, решения съезда должны были быть утверждены монархом или сеймом [8, с. 17–20]. Главный съезд прекратил своё существование в конце XVII в., что было вызвано разочарованием в нём как со стороны шляхты, так и королевской власти [8, с. 20–21]. Тем не менее, проведение этих съездов свидетельствовало о сохранении великокняжеским политическим народом верховной власти на собственной территории в чрезвычайных обстоятельствах.

По условиям Люблинской унии 1569 г., в Великом княжестве Литовском сохранялись все должности и их компетенция [31, с. 235–236]. Сохранение отдельных должностей и таких институтов власти, как канцелярия и казна, давали возможность Великому княжеству обеспечивать свои интересы во внутренней и внешней политике Речи Посполитой. В связи с этим политический народ ВКЛ последовательно выступал за окончательное разграничение компетенции земских и дворных маршалков ВКЛ и Польши – важнейших центральных и придворных должностей – в рамках общей Речи Посполитой. Горячие споры вокруг урегулирования этого вопроса шли на протяжении 1569–1572 гг. Окончательно разграничил полномочия маршалков привилей короля и великого князя Сигизмунда Августа от 15 апреля 1572 г. Документ определял их иерархию и функции, в первую очередь, во время проведения совместных вальных сеймов Речи Посполитой. На первом месте в иерархии фактически оказался коронный великий маршалок, однако земский маршалок ВКЛ даже на землях Польши имел первенство перед коронным дворным маршалком. Отдельно оговаривалось, что во время нахождения королевского двора на землях ВКЛ великокняжеский земский маршалок будет иметь первенство перед коронным коллегой [4, с. 384–386; 15, с. 376–378, 390–392]. В итоге маршалки ВКЛ назывались в документе «коронными урядниками», что формально должно было гарантировать их равноправие с маршалками Польши. Привилей также закрепил отдельный статус земского и дворного маршалков Великого княжества

Литовского, определил их полномочия. Некоторые уточнения в постановление 1572 г. позднее были внесены привилеем короля и великого князя Владислава IV (1632–1648 гг.), выданным 21 мая 1647 г. [30, с. 215–220].

Согласно условиям унии, Великое княжество Литовское сохраняло свою правовую и судебную систему, что подчёркивало его отдельный статус в составе Речи Посполитой. В ВКЛ действовал собственный акт кодификации – Статут, утверждённый в 1566 г. [11]. Уже на Люблинском сейме 1569 г. создавалась специальная комиссия, которая должна была начать работу по сближению великокняжеского права с правом коронным [31, с. 254–255]. Однако политический народ ВКЛ превратил работу по редактированию Статута 1566 г. в самостоятельную переработку кодификационного акта на основе практики и потребностей собственной социально-политической жизни. Основная работа над новым Статутом проходила в специальных комиссиях, на поветовых и Главном сеймиках, на Главном съезде ВКЛ. На сеймах Речи Посполитой великокняжеские представители выносили на утверждение уже подготовленные статьи или Статут полностью (например, в 1582 и 1585 гг.), стараясь и сохранить юридическую процедуру принятия законов, и, одновременно, ограничить влияние польской стороны на процесс подготовки Статута. Несмотря на протесты поляков, Статут ВКЛ был утверждён на коронационном сейме 1587–1588 г. новым королём и великим князем Сигизмундом Вазой (1587/1588–1632 гг.) [9]. Первые четыре раздела Статута 1588 г. имели конституционный характер и определяли основы государственного устройства Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой [12, с. 80–213]. Этот акт кодификации защищал партикулярные интересы ВКЛ, юридически укреплял его внутреннюю самостоятельность. Вместе с тем, нельзя оценивать Статут 1588 г. как проявление сепаратизма, так как он не имел целью выход Великого княжества Литовского из состава Речи Посполитой и создание независимого государства. Наоборот, все совместные институты власти сохранялись. Отметим также, что с 1582 г. начал работу высший апелляционный орган ВКЛ – Трибунал, что ещё более подчеркнуло обособленность судебной системы Великого княжества Литовского от судебной системы Королевства Польского [19, с. 7–17].

Ещё один пункт Люблинской унии 1569 г. предусматривал, что коронная шляхта в ВКЛ, а великокняжеская в Польше могла владеть и получать земли на любых

условиях [31, с. 236–237]. Такая возможность открывала польской шляхте непосредственный путь к государственным должностям ВКЛ и, соответственно, ставила под угрозу сохранение политического верховенства в Великом княжестве за шляхтой белорусской и литовской. Однако Статут ВКЛ 1588 г. фактически отменял это условие унии. В Статуте определялось, что в Великом княжестве Литовском все должности могут предоставляться только местным уроженцам, а не иноземцам и иностранцам, в том числе и полякам [12, с. 118–119]. Эта статутная норма давала великокняжеской шляхте эффективное средство в борьбе за сохранение внутренней самостоятельности в рамках Речи Посполитой. Ярким примером этого являлся конфликт между политическим народом ВКЛ и королём Сигизмундом Вазой, который продолжался с 1591 по 1600 год. Так, в 1591 г. монарх назначил на должность виленского епископа – высшую сенаторскую должность ВКЛ – поляка Бернарда Мацевского. В свою очередь, великокняжеский политический народ номинации не признал и всеми средствами ей противостоял. Фактически, Сигизмунд Ваза в этом конфликте уступил, а главным «оружием» шляхты Великого княжества Литовского против назначения поляка виленским епископом был как раз Статут 1588 г. [5; 29, с. 67–82]. В 1600 г. виленским епископом стал «обыватель» ВКЛ – представитель белорусского шляхетского рода Бенедикт Война. Добавим, что в конце XVI в. подобные конфликты, связанные с запретом полякам занимать должности в ВКЛ, можно было встретить даже на локальном, поветовом уровне [10].

Важной особенностью политической системы Речи Посполитой была выборность короля и великого князя. После смерти монарха наступал период бескорольевья (*interregnum*). В такой чрезвычайной ситуации, до избрания нового короля, верховная власть в ВКЛ и Польше переходила в руки шляхты. В этот период созывались разные виды сеймов, которые обеспечивали стабильное функционирование государства. Так, на конвокационных сеймах определяли дату выборов короля, принимали меры по обороне страны, вырабатывали условия к кандидатам на престол. На элекционных сеймах происходило избрание короля и великого князя. Важно отметить, что любой шляхтич имел право участвовать в выборах [33, с. 63–64]. На коронационных сеймах проходила коронация избранного короля, утверждались акты, выработанные на конвокации и элекции. Каждый новый избранный король обязан был под присягой гарантировать исполнение Генриховых артикулов. Кроме

того, король и шляхта заключали своего рода договор – Пакта конвента, т.е. конкретные обязательства монарха перед шляхтой и государством. Во время бескоролья, особенно в последней трети XVI в. Политически влиятельная часть социума ВКЛ стремилась подчеркнуть свою самостоятельность. Так, в период первых двух бескорольев (1572–1576 гг.) в ВКЛ была фактически восстановлена практика созыва собственных съездов (сеймов), что, кстати, являлось явным нарушением пункта унии о запрещении проведения каких-либо отдельных представительных собраний кроме общего вального сейма [31, с. 236–237]. Первый такой съезд состоялся уже в конце декабря 1572 – начале января 1573 г. в Вильно. А всего за период 1572–1576 гг. состоялось около восьми съездов, на которых присутствовали как сенаторы, так и представители воеводств и поветов ВКЛ. На этих собраниях белорусская и литовская шляхта обсуждала возможных кандидатов на престол Речи Посполитой, занималась проблемами организации обороны и судопроизводства, рассматривала вопросы отношений с Польшей и даже внешней политики [16, с. 19–194; 25, с. 115–284]. Подобные съезды владели законодательными, исполнительными и судебными полномочиями. По сути, шляхта ВКЛ в периоды бескоролья владела государственным суверенитетом. Добавим, что великокняжеские представители долгое время не признавали института конвокационного сейма, как и право его созыва единолично высшим коронным сенатором – архиепископом гнезненским. В Вильно проводились отдельные съезды с аналогичными полномочиями, а в Польшу могли отправляться специальные посольства. Только в XVII в. политический народ Великого княжества полностью признал сложившийся ещё в последней трети XVI в. механизм функционирования Речи Посполитой в период бескоролья, в том числе институт конвокации и полномочия архиепископа гнезненского [28, с. 216–218, 221, 225–227 и др.].

В акте Люблинской унии 1569 г. отмечалось, что отправка посольств в зарубежные страны и заключение международных договоров в Речи Посполитой должны были происходить только с согласия представителей ВКЛ и Польши [31, с. 236]. Таким образом, провозглашалась общая внешняя политика, и говорить о суверенитете ВКЛ в сфере международных отношений не приходится. Однако великокняжеская политическая элита отстаивала свои внешнеполитические интересы, а в чрезвычайных обстоятельствах (бескоролье, война) проводила и самостоятельную внешнюю политику.

Например, во времена первых бескоролевий руководящие круги Великого княжества Литовского проводили переговоры с различными политическими силами за пределами Речи Посполитой с целью усилить позиции ВКЛ в рамках унии с Польшей, а также нейтрализовать военную опасность со стороны своего восточного соседа. От имени шляхты ВКЛ отправлялись посольства в зарубежные страны, поддерживались контакты, иногда даже тайно от коронной стороны, со Священной Римской империей и Московским государством [25, с. 80–284, 354–420]. Фактически велась самостоятельная внешняя политика. В августе 1587 г. сенаторы ВКЛ отдельно, без участия поляков (хоть и от имени всей Речи Посполитой), даже заключили 15-летнее перемирие с послами Московского государства [13, с. 196–211]. Кроме того, великокняжеская шляхта добилась от Сигизмунда Вазы, несмотря на совершенно иные, воинственные планы короля и части коронной политической элиты, официального утверждения этого перемирия в 1591 г. Самостоятельность в реализации своих внешнеполитических интересов элита ВКЛ проявляла и в XVII в., особенно в чрезвычайных ситуациях войны. Так, в 1627 г. от имени нескольких сенаторов Великого княжества во главе с виленским воеводой и великим гетманом Львом Сапегой, без согласия и ведома короля и польской стороны (и без учета интересов Польши, которая воевала со шведами в Пруссии), было заключено 5-месячное перемирие со Шведским королевством. Причиной этого шага стало тяжелейшее положение войск ВКЛ на фронте в Ливонии [18, с. 557–564]. А в 1655 г. по инициативе виленского воеводы и великого гетмана Януша Радзивилла часть великокняжеской шляхты в условиях полного поражения Речи Посполитой в войне с Россией заключила со Швецией Кейданскую унию, которая вообще предусматривала разрыв союза с Польшей [см. напр.: 2, с. 78–83]. Однако подобные действия были скорее исключением из правил. Также необходимо отметить, что представители ВКЛ всегда занимали особое положение в дипломатических миссиях в Московское государство. Это позволяло обеспечить сохранение интересов Великого княжества Литовского в отношениях со своим наиболее опасным соседом.

Важно подчеркнуть, что Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой сохраняло территориальную обособленность. Собственная территория была важным фактором, который определял принадлежность шляхтича к политическому народу ВКЛ, влиял на отождествление своих потребностей с коллективными интересами данной

общности. С конкретными границами были связаны деятельность различных властных институтов, существование своих «древних прав и привилегий», а также отдельная государственная традиция. В связи с этим заметим, что ещё долгое время после заключения Люблинской унии 1569 г. в сознании шляхты ВКЛ не сформировалось восприятие Речи Посполитой, как единого с поляками «Отечества». Для широких слоев белорусской и литовской шляхты Отечеством было, прежде всего, Великое княжество Литовское [см. напр.: 6, с. 51, 87–88]. На протяжении последней трети XVI – первой половины XVII вв. великокняжеская шляхта стремилась обеспечить территориальную целостность ВКЛ и даже вернуть ранее утраченные земли. Например, когда в результате войны Речи Посполитой с Московским государством 1609–1618 гг. был взят Смоленск, то Смоленское воеводство в 1613 г. после настойчивых требований шляхты было включено именно в состав ВКЛ. А вот вернуть украинские земли, отошедшие в 1569 г. к Польше, так и не удалось [4, с. 390–391; 6, с. 51–55]. Территориальная обособленность являлась необходимым условием обеспечения суверенитета [27]. В свою очередь, реальная способность политического народа ВКЛ и после 1569 г. воплощать верховную власть на собственной территории свидетельствовала о сохранении государственности Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой [3; см. также: 17, с. 168–171].

Во время бурных политических событий конца XVI – начала XVII в. великокняжеская шляхта всячески подчёркивала статус ВКЛ как «половины Речи Посполитой» и ни в коем случае не хотела сводить его к статусу одной из провинций Королевства, вроде Великой или Малой Польши. Именно из такого понимания своего особого положения в Речи Посполитой происходило стремление политической элиты ВКЛ сохранить различные символические черты государственности [3]. Так, уже в последней трети XVI в. Великое княжество фактически добилось отдельной присяги и утверждения своих прав новым королём и великим князем (например, в 1576 и 1588 гг.). Хотя, согласно условиям унии, новый монарх при своей коронации должен был приносить только одну присягу и выдавать один привилей об утверждении прав и вольностей «обоих народов» [25, с. 280–284; 31, с. 236; 32, с. 41–42]. Акт унии 1569 г. ликвидировал отдельное избрание и возведение на престол великого князя литовского. Причём предписывалось, «чтобы никакого сходства с этим не было» [31, с. 235]. Тем не менее, уже в сентябре 1573 г. в Париже дворный маршалок ВКЛ Николай Христофор

Радзивилл Сиротка отдельно от послов Речи Посполитой именем Великого княжества Литовского провозгласил избрание Генриха Валуа королём польским и великим князем литовским [23, с. 82–86]. Польской стороной этот шаг был воспринят как непосредственное нарушение условий Люблинской унии. А в мае 1580 г. в Вильно состоялась церемония вручения Стефану Баторию даров от папы римского Григория XIII в честь его побед над Московским государством. Церемония была проведена таким образом, что позволила некоторым исследователям говорить даже о возрождении политической элитой ВКЛ обряда отдельного возведения на престол великого князя литовского [25, с. 331–332].

Обратим внимание ещё на один момент. На наш взгляд, большое значение для формирования собственной государственно-политической идентичности шляхты ВКЛ, по крайней мере, во второй половине XVI в. имело включение в Статуты 1566 и 1588 гг. статьи, которая фактически закрепляла за старобелорусским языком статус официального [11, с. 97; 12, с. 140]. Подчеркнём, что даже в условиях все более активного распространения польского языка в высших слоях общества эта норма была сохранена и в третьем Статуте ВКЛ, в создании которого активное участие принимали широкие слои белорусской и литовской шляхты [9, с. 13–14, 18]. Это может свидетельствовать о том значении, которое политический народ Великого княжества придавал защите атрибутов своей государственности. Отдельный официальный язык делопроизводства и своя государственная символика (герб «Погоня»), безусловно, также являлись символическими чертами государственности ВКЛ.

До середины XVII в. политическая система Речи Посполитой функционировала успешно и обеспечивала внутреннюю стабильность государства. Вальный сейм гарантировал соблюдение прав шляхты и различных регионов страны, давал возможность всем недовольным свободно выражать свой протест против тех или иных решений власти, что не допускало серьёзных внутренних конфликтов. Шляхта ВКЛ имела действенные инструменты для реализации своих партикулярных интересов и защиты внутренней самостоятельности в составе Речи Посполитой. Однако в середине XVII в. целый комплекс внутренних и внешних причин привёл государство в состояние глубокого кризиса, который крайне негативно повлиял на его дальнейшее политическое развитие.

Таким образом, особенности политической системы Речи Посполитой позволяли шляхте Великого княжества Литовского защищать и реализовывать свои социально-политические интересы в делах внутренней и, в меньшей степени, внешней политики. Великое княжество сохранило свои должности и их компетенцию, казну, канцелярию, армию, титул, символику, судебную и правовую системы, территориальную обособленность. Участие коронной шляхты в решении внутренних дел ВКЛ, даже на общих вальных сеймах, ограничивалось. Проведение отдельных Главных съездов или же различных съездов времён бескоролья являлось важным инструментом обеспечения государственных интересов ВКЛ. Статут 1588 г. гарантировал верховенство в Великом княжестве прав местной шляхты. Всё это позволяет сделать вывод о том, что в составе Речи Посполитой Великое княжество Литовское владело неабсолютным суверенитетом [27], и его государственность не была ликвидирована. При этом, реальная возможность гарантировать свои права и свободы стимулировала процессы социально-политической интеграции в рамках этого государственного объединения.

Список использованных источников

1. Боўш, В. І. Суверэнітэт / В.І. Боўш // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. – Т. 15 / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2002. – С. 243.
2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.) – Мінск: Экаперспектыва, 2004. – 344 с.
3. Дубянецкі, С. Ф. Дзяржаўнасць / С. Ф. Дубянецкі // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. – Т. 6 / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 1998. – С. 144.
4. История белорусской государственности. В 5 т. – Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / Отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 598 с.
5. Лаппо, И. И. Люблинская уния и третий Литовский статут / И. И. Лаппо // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. № 5. – С. 89–150.
6. Лойка, П. А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI–першай трэці XVII ст. / П. А. Лойка. – Мінск: БДУ, 2002. – 99 с.

7. Падалінскі, У. Дзейнасць прадстаўнікоў Вялікага Княства Літоўскага на вальных соймах Рэчы Паспалітай у канцы XVI ст.: партыкулярныя тэндэнцыі / У. Падалінскі // The Second International Congress of Belarusian Studies: Working Papers. – Vol. 2 (2013). – Kaunas: Vytautas Magnus University Press, 2013. – С. 39–43.
8. Падалінскі, У. Галоўны з'езд Вялікага Княства Літоўскага: генезіс, функцыі, гістарычнае развіццё / У. Падалінскі // Беларускі Гістарычны Часопіс. – 2015. № 1. – С. 13–23.
9. Падалінскі, У. Партыкулярызм vs уніфікацыя: распрацоўка і прыняцце Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / У. Падалінскі // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. – № 2. 2018. – С. 10–20.
10. Радаман, А. Да пытання аб прызначэнні палякаў на дзяржаўныя пасады ў Вялікім Княстве Літоўскім у к. XVI ст. / А. Радаман // Беларусіка = Albaruthenica: Кн. 15: На шляхах да ўзаемаразумення / Рэд. А. Мальдзіс і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 2000. – С. 50–54.
11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; Рэдкалегія Т.І. Доўнар і інш. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.: іл.
12. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.: іл.
13. Флоря, Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI–начале XVII в. / Б.Н. Флоря. – М.: Наука, 1978. – 300 с.
14. Янушкевіч, А.М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. / А. М. Янушкевіч. – Мінск: Медисонт, 2007. – 356 с.
15. Akta unii Polski z Litwą 1385–1791 / Wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności i Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1932. – LVI, 571 s.
16. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. – T. 1: Okresy bezkrólwi / Oprac. H. Lulewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2006. – 437 s.
17. Canning, J. A History of Medieval Political Thought, 300–1450 / J. Canning. – 1st Edition. – London and New York: Routledge, 1996. – 272 p.
18. Czwołek, A. Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego / A. Czwołek. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. – 734 s., il.

19. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696): spis / pod red. A. Rachuby. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. – 469 s.
20. Friedrich, K. Poland–Lithuania / K. Friedrich // *History of European Political Thought, 1450–1700. Religion, Law and Philosophy* / Edited by H.A. Lloyd, G. Burgess, S. Hodson. – New Haven and London: Yale University Press, 2008. – P. 208–242.
21. Historia sejmu polskiego: W 3 t. / Pod red. J. Michalskiego. – T. 1: Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej. – Warszawa: PWN, 1984. – 452 s.
22. Jučas, M. Unia polsko-litewska / M. Jučas / Tłum. A. Firewicz. – Toruń: Europejskie Centrum Edukacyjne, 2004. – 370 s.
23. Kempa, T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł “Sierotka” (1549–1616) wojewoda wileński / T. Kempa. – Warszawa: Semper, 2000. – 382 s.
24. Kiaupa, Z. The History of Lithuania (before 1795) / Z. Kiaupa, J. Kiaupienė, A. Kuncevičius. – Vilnius: VILSPA, 2000. – 402 p.: m.
25. Lulewicz, H. Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588) / H. Lulewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2002. – 457 s.
26. Opaliński, E. Sejm srebrnego wieku (1587–1652). Między głosowaniem większościowym a liberum veto / E. Opaliński. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2001. – 272 s.
27. Philpott, D. Sovereignty / D. Philpott // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Electronic resource]. – Stanford, 2020. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/sovereignty/> – Date of access: 02.07.2020.
28. Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2002. – 376 s.
29. Rzońca, J. Rzeczpospolita Polska w latach 1596–1599. Wybrane zagadnienia polityki wewnętrznej i zagranicznej / J. Rzońca / Wyższa szkoła pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu. Studia i monografie, 156. – Opole, 1990. – 205 s.
30. Seredyka, J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi od Unii Lubelskiej do połowy XVII wieku / J. Seredyka // *Świat pogranicza* / Red. M. Nagielski, A. Rachuba, S. Górzyński. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. – S. 211–221.

31. Volumina Constitutionum. – T. II (1550–1609), vol. 1 (1550–1585) / Do druku przygotowali S. Grodziski, I. Dwornicka i W. Uruszczak. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2005. – 516 s.

32. Wisner, H. Unia Lubelska i III Statut Litewski z roku 1588 / H. Wisner // Zapiski Historyczne. – 1986. T. LI, z. 1. – S. 23–43.

33. Wisner, H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy / H. Wisner. – Wydanie II. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2001. – 144 s.

34. Zakrzewski, A. Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo–ustrój–społeczeństwo / A. Zakrzewski. – Warszawa: Campidoglio, 2013. – 324 s.

References

1. Bowsh, V. I. Suverjenitjet / V. I. Bowsh // Belaruskaja jencyklapedyja: U 18 t. – T. 15 / Rjedkal.: G. P. Pashkow i insh. – Minsk: BelJen, 2002. – S. 243.

2. Gistoryja Belarusi: U 6 t. / Rjedkal.: M. Kascjuk (gal. rjed.) [i insh.]. – T. 3: Belarus' u chasy Rjechy Paspalitaj (XVII–XVIII stst.) – Minsk: Jekaperspektyva, 2004. – 344 s.

3. Dubjanecki, S. F. Dżjarzhawnasc' / S. F. Dubjanecki // Belaruskaja jencyklapedyja: U 18 t. – T. 6 / Rjedkal.: G. P. Pashkow i insh. – Minsk: BelJen, 1998. – S. 144.

4. Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. V 5 t. – T. 1: Belorusskaya gosudarstvennost': ot istokov do kontsa XVIII v. / Otv. red. toma: O. N. Levko, V. F. Golubev. – Minsk: Belaruskaya navuka, 2018. – 598 s.

5. Lappo, I. I. Lyublinskaya uniya i tretii Litovskii statut / I. I. Lappo // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1917. № 5. – S. 89–150.

6. Lojka, P. A. Shljahta belaruskich zjamel' u gramadska-palitychnym zhycci Rjechy Paspalitaj drugoj palovy XVI–pershaj trjeci XVII st. / P. A. Lojka. – Minsk: BDU, 2002. – 99 s.

7. Padalinski, U. Dzejnasc' pradstawnikow Vjalikaga Knjastva Litowskaga na val'nyh sojmah Rjechy Paspalitaj u kancy XVI st.: partykuljarnyja tjendjencyi / U. Padalinski // The Second International Congress of Belarusian Studies: Working Papers. – Vol. 2 (2013). – Kaunas: Vytautas Magnus University Press, 2013. – S. 39–43.

8. Padalinski, U. Galowny z'ezd Vjalikaga Knjastva Litowskaga: genezis, funkcyi, gistarychnae razviccjo / U. Padalinski // Belaruskij Gistarychny Chasopis. – 2015. № 1. – S. 13–23.

9. Padalinski, U. Partykuljaryzm vs unifikacyja: raspracowka i prynjacce Statuta Vjalikaga Knjastva Litowskaga 1588 g. / U. Padalinski // Chasopis Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta. Gistoryja. – № 2. 2018.– S. 10–20.

10. Radaman, A. Da pytannja ab pryznachjenni paljakaw na dzjarzhawnyja pasady w Vjalikim Knjastve Litowskim u k. XVI st. / A. Radaman // Belarusika = Albaruthenica: Kn. 15: Na shljahah da wzaemarazumennja / Rjed. A. Mal"dzis i insh. – Minsk: Navuka i tjechnika, 2000. – S. 50–54.

11. Statut Vjalikaga knjastva Litowskaga 1566 goda / T.I. Downar, U.M. Satolin, Ja. A. Juho; Rjedkalegija T.I. Downar i insh. – Minsk: Tjesej, 2003. – 352 s.: il.

12. Statut Vjalikaga knjastva Litowskaga 1588: Tjeksty. Daved. Kament. / Rjedkal.: I. P. Shamjakin (gal. rjed.) i insh. – Minsk: BelSJe, 1989. – 573 s.: il.

13. Florja, B.N. Russko-pol'skie otnosheniija i politicheskoe razvitie Vostochnoj Evropy vo vtoroj polovine XVI–nachale XVII v. / B.N. Florja. – M.: Nauka, 1978. – 300 s.

14. Janushkevich, A.M. Vjalikae Knjastva Litowskae i Infljanckaja vajna 1558–1570 gg. / A. M. Janushkevich. – Minsk: Medysont, 2007. – 356 s.

15. Akta unii Polski z Litwą 1385–1791 / Wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności i Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1932. – LVI, 571 s.

16. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. – T. 1: Okresy bezkrólewí / Oprac. H. Lulewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2006. – 437 s.

17. Canning, J. A History of Medieval Political Thought, 300–1450 / J. Canning. – 1st Edition. – London and New York: Routledge, 1996. – 272 p.

18. Czołóek, A. Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego / A. Czołóek. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopiernika, 2012. – 734 s., il.

19. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696): spis / pod red. A. Rachuby. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. – 469 s.

20. Friedrich, K. Poland–Lithuania / K. Friedrich // History of European Political Thought, 1450–1700. Religion, Law and Philosophy / Edited by H.A. Lloyd, G. Burgess, S. Hodson. – New Haven and London: Yale University Press, 2008. – P. 208–242.

21. Historia sejmu polskiego: W 3 t. / Pod red. J. Michalskiego. – T. 1: Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej. – Warszawa: PWN, 1984. – 452 s.

22. Jučas, M. Unia polsko-litewska / M. Jučas / Tłum. A. Firewicz. – Toruń: Europejskie Centrum Edukacyjne, 2004. – 370 s.
23. Kempa, T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł “Sierotka” (1549–1616) wojewoda wileński / T. Kempa. – Warszawa: Semper, 2000. – 382 s.
24. Kiaupa, Z. The History of Lithuania (before 1795) / Z. Kiaupa, J. Kiaupienė, A. Kuncevičius. – Vilnius: VILSPA, 2000. – 402 p.: m.
25. Lulewicz, H. Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588) / H. Lulewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2002. – 457 s.
26. Opaliński, E. Sejm srebrnego wieku (1587–1652). Między głosowaniem większościami a liberum veto / E. Opaliński. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2001. – 272 s.
27. Philpott, D. Sovereignty / D. Philpott // The Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. – Stanford, 2020. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/sovereignty/> – Date of access: 02.07.2020.
28. Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2002. – 376 s.
29. Rzońca, J. Rzeczpospolita Polska w latach 1596–1599. Wybrane zagadnienia polityki wewnętrznej i zagranicznej / J. Rzońca / Wyższa szkoła pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu. Studia i monografie, 156. – Opole, 1990. – 205 s.
30. Seredyka, J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi od Unii Lubelskiej do połowy XVII wieku / J. Seredyka // Świat pogranicza / Red. M. Nagielski, A. Rachuba, S. Górzyński. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. – S. 211–221.
31. Volumina Constitutionum. – T. II (1550–1609), vol. 1 (1550–1585) / Do druku przygotowali S. Grodziski, I. Dwornicka i W. Uruszczak. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2005. – 516 s.
32. Wisner, H. Unia Lubelska i III Statut Litewski z roku 1588 / H. Wisner // Zapiski Historyczne. – 1986. T. LI, z. 1. – S. 23–43.
33. Wisner, H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy / H. Wisner. – Wydanie II. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2001. – 144 s.
34. Zakrzewski, A. Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo–ustrój–społeczeństwo / A. Zakrzewski. – Warszawa: Campidoglio, 2013. – 324 s.

ЛИТЕРАТУРА

УДК 398.223

Asif Hacıyev (Shirvanelli),
PhD, associate professor;
Institute of Education of the Republic of Azerbaijan
(Azerbaijan)

SOME MOMENTS IN THE EPIC «DADA GORGUD» REFLECTING THE VIEWS OF SHAMANS

«Dada Gorgud» is one of the heroic epos (epics) that has undergone a great development in terms of formation. Studies show that the text of the monument reflects the historical events and views of the ancient Oghuzs before Islam and the first centuries of their conversion to Islam in parallel. That is why it is one of the tasks of modern Gorgud Studies to see an older archaic layer hidden behind some of the events and sayings revealed by the narrator in the new context complying with the spirit of the time. The article discusses the views of shamans and the words that express them.

Keywords: Dada Gorgud; epos (epics-dastan); poet; shaman; religious views; archaic words.

阿西夫·哈吉耶夫（希尔瓦内利）

史诗《DADA GORGUD》中反映萨满观点的那些瞬间

《Dada Gorgud》是一部在形成上经历了巨大发展的英雄史诗。研究表明，这部不朽作品的文字反映了伊斯兰教之前古奥古斯人的历史事件和观点，以及他们皈依伊斯兰教的最初几个世纪。这就是为什么现代高尔古德研究的任务之一是在符合时代精神的新语境中，看到隐藏在叙述者揭示的一些事件和谚语背后的更加古老的层次。本文论述了萨满的观点及其表达方式。

关键词: 扎卡塔雷；史诗(史诗-达斯坦)；诗人；萨满；宗教观；古体词

Асиф Гаджиев (Ширванелли)

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ШАМАНСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В
ЭПОСЕ «ДЕДЕ КОРКУТ»

«Деде Коркут» – один из героических эпосов, прошедший большой путь развития с точки зрения формирования. Исследования показали, что в тексте памятника нашли отражение исторические события и взгляды древних огузов доисламской эпохи и в первое столетие принятия исламской религии. Поэтому раскрытие сказателем-певцом (озаном) некоторых событий, соответствующих духу времени, в новом контексте и выявление архаического пласта, скрытого за сказаниями, остаются основными задачами, стоящими перед современным коркутоведением. В статье внимание фокусируется на художественных средствах и способах воплощения некоторых шаманских воззрений.

Ключевые слова: Деде Коркут; эпос; певец (озан); шаман; религиозные взгляды; архаизмы.

Raising the issue. The epic «Dada Gorgud» is a history of life of the Oghuz ethnos immersed into memories by the language of narrators (poets – ozan). It is observed that although these articulated truths of life squeezed to the time frame of the Great Gorgud and described by the magic of the word, at first glance are revealed in the background of Islamic values, they are rich in older mythical and religious views, including elements of shamanism.

The purpose of the work. It is to understand and explain the essence of some events, sayings and words that are controversially interpreted in the Gorgud Study, taking into account the views of shamans, which are clearly and secretly sensed in the text of the monument.

Observations on the epic «Dada Gorgud» show that most of the poems (boy) in terms of origin and formation cover the period of the Oghuzs' beliefs to different religions. As can be seen from the text of the monument, the poets who generated the poems (boy) were the poet Dada Gorgud. Dada Gorgud is an Oghuz connoisseur who was probably born «close to the time of Rasul (the prophet – peygember)» [D-2, 2]. Despite the fact that this information given in the introductory part of the work has been approached from a different point of view, in our opinion, Gorgud Ata is a historical figure who lived in the pre-Islamic period of the Oghuzs, about V–VI centuries. He aimed to unite the next generation around the idea of a unified statehood by generating the poems in honor of the

famous heroes of his time, as well as working on the ancient epics and legends widespread among the Oguzs in a new context in accordance with the spirit of the time. These verses, which instilled such sublime feelings as love of country, nation, patriotism, parental care, courage, and devotion, were passed on by word of mouth and were perfected by the new generation of poets in the following centuries, when the Oghuzs became Muslims, and also enriched with Islamic religious values. Therefore, Islam and pre-Islamic religious views are expressed in parallel in the content of the poems.

The problem of connection with shamanism in the system of views of the ancient Turks, who worshiped the religion of the Sky God, is one of the issues studied in detail in Turkological research [4; 6; 11; 13]. A. Inan, M. Seyidov, J. Roukh, R. Gafarli, S. Rzasoy, K. Rustam and other researchers, who spoke about pre-Islamic religious views in the epic «Dada Gorgud» explained with solid evidences that shamanism took an important place in the worldview of the Oghuz people [see details: 9; 12; 15; 18; 23; 24] based on the rituals such as the cult of mountains, water, wolves, trees, ancestral spirits, hunting, marriage, oaths, tent-making, yum-blessing, and so on. If in the epic the rituals related to shamanism are described so widely, then it is interesting to see through which image the main character who performs them – the shaman – is revived.

It is known that a shaman is a connoisseur, seer, and magician who performs rituals, establishes a connection between the spirits of the dead and their relatives, reads fortunes, and cures diseases. In the introductory part of the monument, Dada Gorgud is presented as a connoisseur of the Oghuz people, a man who tells various stories about the unseen and what he said came true, a person whose heart is inspired by God [D-2, 3-5]. He is not only a poet, but also a shaman who summarizes the above-mentioned features. Shamans are «chosen» people. They can ascend their soul to the heavens or descend to ground by ecstasy [6, p. 25]. This unusual feature is also reflected in Dada Gorgud. In «Bamsi Beyrak» poem (boy) Dada Gorgud, who came to woo Banu Chickek got afraid of his brother Deli Garchar and wanted to escape by riding the horse he had brought with himself. The book describes the following events as follows:

Dədəyi qova-qova Dəli Qar çar on yelək yer aşurdi. Dədə Qorquduñ ardından Dəli Qar çar irdi. Dədəniñ anısı anıtdı. Tañrıya sıqındı. İsmi-əzəm oqıdı. Dəli Qar çar qılıcın əlinə aldı. Yuqarısından öykə ilə həmlə qıldı. Dəli bəg dilədi ki, Dədəyi dəpərə çala. Dədə Qorqut aydır: “Çalarsañ, əl üñ

qurusun!” – dedi. Haq Taalanın əmriylə Dəli Qarçarıñ əli yuqarıda asılı qaldı. Zira Dədə Qorqut vilayət issi idi, diləgi qəbul olurdı [D-84, 5-13].

«Dali Garchar chased his grandfather and found ten vests. After Dada Gorgud, Deli Garchar came. Remembered grandfather's mother. He prayed to God. Recited the names of God (ismi-azam). Dali Garchar took the sword. He attacked with anger from above. He wanted to knock Dada to the ground. Dada Gorgut said: “If you do, may your hands get stoned!”. By the command of the Almighty, Dali Karchar’s hand was hung above. Since Dada Gorgut was the heat of the region, his wishes were accepted» [D-84, 5-13].

It is clear from the analysis of the passage that the narrator tried to overshadow the shamanic qualities of Dada Gorgud by dressing the old religious views in Islamic garb. In our opinion, the recitation of names of God by Dada is a religious rite of the post-epoch period and serves to cover up a more archaic ritual. However, this replacement operation could not be carried out until the end, and Dada’s «provincial heat», i.e. being the spirit of the people and being a priest of the village, was kept in the original sense. As a shaman, he revived his soul in a difficult time and took refuge in God, whom the Oghuz people had worshiped since ancient times. Research shows that the expression «remembered the moment» was used in the sense of «preparing the soul, reviving the soul, calling the spirit, asking for help from the spirit» This expression is expressed in the ancient Oghuz proverb «Andiran anik, qurbağa tanig» [20, p. 29] also means that «it is the spirit who revives the soul, and the frog is the witness» [21, p. 63-64]. The connection with spirits, or more precisely, their calling, is expressed in Turkish mythology by the word «ang», which is rooted in the verbs «anmaq», «añmaq», «anıtmaq», «añdırmaq» in the language of the «Book of Dede Gorgid» (pronounced with -ng-, one of the phonetic variants of -n- and -ng-) was also recorded in a tombstone found in the Yenisei river basin, where shamanic views are widespread [10, p. 32].

The portrayal of Dada Gorgud as a shaman-ozan is an indication of the pre-Islamic origin of the epic. These are the main complementary features of the image of Dada Gorgud, a shaman who speaks and communicates with the world of spirits, and a creative poet who composes these poems. In fact, the fact that all the lines composed by the poet Gorgud are completed in the original version by the shaman Gorgud is a sign of this integrity. However, just as the next generation of poets converted to Islam and added new narrations about the shaman's fear, they also found it necessary

to expand or replace the verses at the end of some of the verses in the Book with prayers of an Islamic nature. Let's look at some poems (boy) for example.

From the point of view of origin to the more ancient roots – «Dirsa khan oğlu Bugaj», which is connected with the history of the Oghuz ethnos and is therefore the first given after the introduction in the «Book», ends with the following sentence:

– Yarlu qara tağlarıñ yıqılmasun!

Kägəlicəqaba ağacıñ kəsilməsün!

Qamın aqan görkli suyuñ qurımasun!

Qanadlarıñ ucları qırılmasun!

Çaparkən ağboz atıñ büdrəmäsün!

Çalışanda qara polat uz qılıcıñ gedilməsün!

Dürtüşərkən ala gəndəriñ ufanmasun!

Ağ birçəklü anañ yeri behişt olsun!

Ağ saqallu babañ yeri uçmağ olsun!

Haq yandıran çırağıñ yana tursun!

Qadir Tañrı səni namərdə məhtac eyləməsün, xanım hey! [D-35, 3-10]

– May black mountains not fall!

May trees in the shade not cut down!

May water of Kamyn Agan not get dried up!

May the tips of the wings not broken!

May your whitey grey horse not stumble while riding!

May your black steel sword not get blunt while working!

May the place of your white-haired mother be paradise!

May the place of your white-bearded father be fly!

May the light of truth shine!

May Almighty God not make you need to betrayer, lady! [D-35, 3-10]

As can be seen from the content, the mountain, the tree, the water (river), the tent, the horse, the weapons, and the cult of the parents play a major role for shamans. These shams, which are valued as a purely shamanic ritual – «the word of the shaman, the prayer of the shaman» [15, p. 40] has

been extended to some lengths by Islamic prayers. For example, the following prayers are recited as a continuation of this rite, which is repeated throughout the «Looting of Kazan Khan's House»:

Axır-soñı arı imandan ayırmasun!

«Amin!» deyənlər didar görsin!

Ağ alnuñda beş kəlmə dua qıldıq, qəbul olsun!

Allah verən umudıñ üzülməs ün!

Yığışdırsun, dürişdürsün günahlarını,

Adı görklü Məhəmməd Mustafa yüzi suyuna bağışlasun, xanım, hey! [D-66, 6-11]

In the end, do not separate the bees from the faith!

May those who say «Amen!» see didar!

We prayed five words on the white forehead, may it be accepted!

May hopes in Allah not despaired!

Thou shalt cleanse thyself,

May him forgive for the sake of the famous Muhammad Mustafa, madam, hey! [D-66, 6-11]

In some volumes, especially in «Ganli goja oğlu Qan Turali», «Bakil oğlu Amran», and «Ushun goja oğlu Sagrek», these expressions of shamanic views have been completely replaced, which explains the spread of Islamic beliefs and rituals among the Oguzs [see about this: 1]. However, as can be seen from the content of the poems, the new religious views are not able to completely cause to forget the old beliefs that have been rooted in the Oghuz thought for centuries. Thus, we can characterize the Oghuz period in which Dada Gorgud lived as a period of worship of the religion of the Sky God, shamanic views, the history of the formation and enrichment of the old tribes with the creative intervention of the new generation of poets can be evaluated as a transition to Islam. That is why, in fact, the two views, which contradict each other, are sometimes given side by side in the content of the verses, and sometimes the views and beliefs of the other, specifically the shaman, are fused within the Islamic rites. The ancient words of the Book, which express the views of shamans, are among the proofs of this view. Of course, the first fact that comes to mind when approached in this context is the word «qam», which means «shaman».

Research shows that in the text of the monument, most of the scholars studying Gorgud who talk about shamanic encounters focused on the expression «Qam Ğan oğlu» used in connection with Bayindir khan, the head of Oguz people [13, p. 5; 15, p. 13; 24, p. 28]. The word «Ğan» in this

name must be a variant of the same word used in the text of the monument in the variants «qan» and «khan». It is known that the q-ğ-x sound transition is one of the most prominent phonetic events in the process of historical development of our language and manifests itself in a few words in the text of the «Book». For example:

Banı Çiçək otaxdan baqırdı [D-76, 11-12].

«*Amma sormaq eyib olmasun, bu otaq kim indür?*» – dedi. *Qısırca yengə aydır: «Bəg yigidim, bu otağ Bay Becan bəg qızı Banı Çiçəgi nürdir», – dedi* [D-77, 4-7].

Qara polad uz qılıcı çalmanınca qırım dönmez [D-3, 10-11].

Mərə kafir, səniñ qızıñdan oğlı toğsun, siz anı Qazan bəgə qırım qoyasız, – dedi [D-59, 7-8].

Yayxan Keşiş oğlundan oğlı toğar, biz anı saña ğırım qoruz, – dedilər [D-58, 11-12].

Əvvəl Dəmür Qapu Dərvəndi nürə bəg olan, qarğuşünü ucında ər böğürdən, ğırımı yetdügində «kimsən?» deyü sormıyan Qıyan Selcük oğlı Dəli Tondar səni nürə bilə varsun! – dedi [D-205, 7-10].

Cilasun qoç yigitlərə qalaba ülkə verdi, şalvar, cübbə, qıça verdi [D-65, 8-9].

Ğalaba toyum oldu [D-255, 2].

Banu Chichek shouted from the room [D-76, 11-12].

«I dare to ask. Whose room is this?» In short, he said, «my Lord, this room is Bani Chichek's, the daughter of Mr. Bejan Beg.» [D-77, 4-7].

The blade does not turn until the black steel sword strikes [D-3, 10-11].

Mara kafir, let your daughter have a son, and you will kill her in Kazan [D-59, 7-8].

They said, «Yaykhan Keshish will have a son, and we will protect you.» [D-58, 11-12].

«Who are you?» Deli Tondar oğlu Kiyān Selcuk, who does not ask, let him know with you! He said [D-205, 7-10].

Cilasun gave the young men a ram, trousers, a robe, and a cloak [D-65, 8-9].

Victory was my wedding [D-255, 2].

The word «qam», as noted by most scholars who spoke about it, was first used 4 times in M. Kashgari's dictionary [16, I c, p. 274, 308; III c, s. 157, 380] is explained in the sense of «shaman, priest». It is clear from the examples given here that mourners are people who practice magic and fortune-telling. It is clear from the work of Y. Balasagunlu «Gudatgu bilik» who lived in the same century as the great linguist, that a priest is capable of contacting the spirit world of sick people:

1065 *kerek tut otaçı kerek erse kam*

äl ügl ike hergiz asiğ kilmaz em [26, s.262].

(Translation: Bring a doctor or grieve,

There is no cure for the dying) [26, p.263].

It is clear from the verse that a shepherd, that is, a doctor, can heal a person's body and **qam** can heal his soul. But when death comes, none of this works. In general, in other verses where the same word is used to describe the khagan as «being qam for the people» [12, p. 73]. It is clear that a shaman is a spiritual person who treats sick people spiritually, and anyone who wants to become a head of state must possess these professional qualities [26, p. 408, 675, 882, 1166]. Logically, the expression «Gam Gan oğlu» in the epic «Dada Gorgud» is a sign that the head of state is from a generation that understands the spiritual world of the people and is able to cure them.

Research shows that the attitude to the word «qam» in the science of Gorgud is mainly based on this expression, and other aspects of its development remain untouched. One of the main heroes of the epic, Bay Bora Bey, the father of Bamsi Beyray, whose name is added to his name and whose life is described in detail from his born to his death, is presented as «Qam B örə» only at one point:

«Qam B örəniñ oğlu Bamsı Beyrək boyını bəyan edər, xanım, hey!» [D-66, 11-12].

«Bamsy Beyrak, the son of Gam Bora, will declare his poem (boy), madam, hey!»

Interestingly, this word, which was mentioned only in the title of the third poem (boy) in connection with Beyray's name, was replaced by the word «bay» in 35 other points. The main reason for this substitution can be explained by the fact that the epic periodically deviated from the shamanic rites of the Oghuzs, who converted to Islam. Our opinion is strengthened by the fact that the word «qam», which is interpreted in the dictionary of M. Kashgari as «shaman, priest», means «priest, sorcerer, magician» and «intermediate doctor» in the dictionary of Ibn Muhanna, written in later centuries [24, 107], and in Abu Hayyan's dictionary it is explained only in the sense of «doctor» [7, 47]. Thus, under the influence of Islam, the priesthood function of the mourners was abolished, and for a time he was known as a physician who physically treated people, and in later times he was generally forgotten. Therefore, this word now lives among the Turkic peoples where Islam is not spread: Teleuts, Altai, Shors, Kuman Tatars and others [22, II c, 1h, p. 476-477].

From this point of view, it is clear that the name «Qam B örə» takes the form «Bay B örə». However, despite the changes, the characteristics of shamanism in Bay Bora Bay retain their original form, and the following facts give grounds for this conclusion:

First, it is known that the word «böra (// bori)» means «wolf» in Old Turkish [16, I c, p. 352]. In ancient Turkic thought, the wolf is a cultured being, and the development of the expressions «Qurt yüzi mübarəkdir» («Blessed is the face of the wolf») [D-45, 10], «Azvay qurd ən ügi erkəgində bir köküm var» («Azvay has a root in the male of the wolf») [D-280, 11] stems from these views [2, 69-71]. The widespread use of animal names such as lion (// lion), tiger, leopard (tiger), tonga (leopard) in the system of Turkish anthroponyms from ancient times is based on these ancient views and expresses the belief that the spirits of animals are a symbol of strength and courage. In this context, the name Bay Bora Bey should be understood as a sign of its connection with the spirit of the wolf.

Secondly, Mr. Bora Bey believes in power of blessing and good words. Therefore, with the blessing of Oghuz, he is sure that after seven daughters, a son will be born. Interestingly, the narrator adds to the text, pointing out that this belief remained in the old days and was forgotten under the influence of new views: In the epic, the birth of Dirsan khan's son Bugaj, Bay Bejan bey's daughter Bani Chichek, and the completion of most of the poems with yums are directly related to these shamanic views.

Thirdly, Bay Bora bey, who was feeling a loss of his 16 years old son Beyray and therefore got blind, greeted the news of his return as follows: «Let him wiggle his finger, rub his blood with a handkerchief, drag it to my eyes and if my eyes get cured then I will know you are my son» [D-118, 9-11]. Indeed, after this operation, Mr. Bora's eyes are opened. So, it means he has a qam-shamanic feature, which tells how to open the eyes of a person who got blind from crying.

The main line of shaman's views is that the soul leaves the body and connects with the gods, the spirits of ancestors and saints [13, p. 35, 42]. This view is vividly reflected in the following statement of a mother who knew her son was dead in the poem (boy) of «Dirsa khan oğlu Bugaj»:

Qara qıyma gözləriñ uyxu almış, açğıl axı!

On ikicə süñücügüñ urun olmış, yıqşır axı!

Tañrı verən tatlu canıñ seyranda imiş, andı dəxi!

Üz-g özündə canıñ varsa, oğul, ver xəbər mañı!

Qara başım qurban olsun, oğul, saña! [D-27, 4-7]

Your black eyes are sleepy, open!

Twelve of your spiders have been destroyed.

The sweet soul of God was in awe, I swear!

If you have a soul in your face, son, let me know!

May my black head be a sacrifice, son, to you! [D-27, 4-7]

As can be seen from the passage, the mother does not want to believe in her son's death, and thinks that his soul has temporarily left the body and is on a walk. The verb «andı» in the excerpt is used to revive the soul that has left the body. This word, which was read and explained in a controversial way in the science of gorgud, was given by the great linguist M. Kashgari in the form of «anqdi-» in the sense of «pusmaq, gudmek» [5, p. 47] (to spy/follow), although it is interpreted, it is undoubtedly close to the verb «anit-» on which we have preceded it. Here is the verdict that the soul that has left the body is followed and caught, which is due to the desire of the mother, who believed in the old shamanic thought, to bring back her only son to life.

In the text of the epic, the departure of the soul from the body for a walk, ascension to the sky or descending to the ground is sometimes described as a ritual. Apparently, in the pre-Islamic period, on the eve of the war, the Oghuz warriors took refuge in the spirits of their ancestors and performed such a ritual in order to ask them for strength in order to defeat the enemy. The narrator (or scribe who transcribes the epic), who considers this belief to be an associate of the oneness of God, uses the following statement in the preface in accordance with Islamic views:

«Ölən adam dirilməz.

Çıxan can gerü gəlməz.» [D-3, 1].

«The dead are not revived.

The soul that comes out will not come back» [D-3, 1].

It is under the influence of the Islamic faith that the Oghuz warriors perform the following rituals before the battle:

«Arı sudan abdəst aldılar, ağ alınların yerə qodular, iki rükət namaz qıldılar, adı görklü Məhəmmədə salavat gətürdülər, bitətəkəll ifkafirə at saldılar, qılıç çaldılar» [D-63, 2-4].

«The bees performed ablution from the water, put their white foreheads on the ground, prayed two rak'ahs, brought blessings on the famous Muhammad, rode a disbeliever, and drew a sword» [D-63, 2-4].

The description of this Islamic rite, which we quote from the «Looting of Kazan Khan's House», is also found in the third [D-120, 2-5] and fourth [D-151, 13-152, 1-2] volumes. However,

in the fourth, that is, in the case of Kazan bey's son Uruz bey, who was imprisoned, a word with a different approach was used in the description of the rite performed by Qazan khan, who went alone to fight against the enemy:

«*Qoñur atından yerə endi, aqub gedən arı sudan abdəst aldı. Ağ alını yerə qodı, namaz qıldı, ağladı. Qadir Tañrıdan hacət dilədi. Yüzin yerə sürdi. Məhəmmədə salavat gətürdi*» [D-147, 10-12].

«He got off from the brown horse, and took ablution from the clean water. He put his white forehead on the ground, prayed and cried. Asked Almighty God asked for help. He drove his face to the ground. He brought blessings on Muhammad» [D-147, 10-12].

Drawing the attention of researchers to the word «cried – ağladı» in the given example of the text, V. Zahidoglu comments that it is used not in the sense of «shedding tears», but in the sense of «praying, calling» [27, 277-279]. In our opinion, this ancient word is also given in the language of the monument as an expression of pre-Islamic shamanic views. It is not accidental that the Yakuts, who still perform shamanic rites [4, p. 149] uses the verb «agal-» in the sense of «summoning spirits» [21, Ic, p. 15]. Noting this fact, V. Zahidoglu connects the etymology of the verb «agla» in the language of the epic with the verb «okla-» meaning «to call» [27, p. 278]. Although it is possible to fully agree with the opinion of the researcher, who is very sensitive to the archaic lexicon of the text, about the semantic opening of the word «agla», its etymological interpretation raises certain questions. First of all, we would like to draw attention to the fact that the word «agla-» Gorgud and the word «agal-» used in connection with the summoning of a spirit or spirits, despite the difference of almost a millennium, have kept their phonetic shell unchanged. This word, written in the form of in the «Book», is likely to be read even in the «agaldi» variant. On the other hand, in the text of the epic, the verb «oqu-//oku-» is used several times in the sense of «çağırmaq, səsləmək» «to call»:

Dədəniñ anısı anıtdı. Tañrıya sıqındı. İsmi-əzəm oqıdı [D-84, 7-8].

Oquyuban bizi aldılar [D-300, 2]/

He remembered his grandfather. He prayed to God. He recited his name [D-84, 7-8].

Oquyuban took us [D-300, 2].

In any case, the parallel use of the verbs *oqi* (// *oku*) and «*agla-*» with different sounds in the language of the monument weakens the possibility that they are of the same origin. The most important fact is that the archaic verb «*agla*» is found in the language of our classical literature in the sense of «prayer» in the variant «*agla*»:

Ağılayu Yusif saru daim baqar,

Ələddəvam ümidini kəməz imdi [19, s. 125].

Aladdin's hopes were dashed [19, p. 125].

In our opinion, the verbs «*agla-*», «*agila-*», «*agal-*» originally expressed the ritual of summoning holy spirits in connection with shamanism. However, under the influence of Islam, it changed its nature and was used in the sense of «praying». Therefore, we consider it more expedient to connect this verb with the verb «*ag (mag)*» used in the sense of «to rise». Interestingly, in accordance with the syncretism of the verb-ad, which manifests itself as a system in the ancient Turkic language, in the language of the epic «*Dada Gorgud*» archaism «*ag*» is used both in the sense of «high, lofty» and in the sense of «rise, raise, fly»:

Alan sabah turmuşsin,

Ağ ormanagirmişsin,

Ağ qovağıñ budağından yırğayıban keçmişsin [D-110, 7-8].

Şahin pərvaza ağd [D-272, 6].

Alan, you got up in the morning,

You have entered a white forest,

You have walked by a branch of the white pumpkin [D-110, 7-8].

The falcon flew into the air [D-272, 6].

Sources show that in the process of the ritual, the shaman becomes ecstatic, and his spirit ascends to the heavens or descends to the earth, as if leaving his body (3, p. 62; 14, p. 300). According to shamanic beliefs, the spirits of holy beings live in heaven, and the spirits of the dead live underground. It is from this belief that the poetic approach likens the soul to a flying bird. Therefore, it is clear that the archaic verb *agla* - (// *agal* - // *agila-*) is derived from the root of the verb *ag (mag)* (-*la*, -*al* suffixes are very active in Turkish languages as morphemes that make up the verb).

Another point about shamanism in the text of the epic is found in the fourth volume. In his conversation with his captive son, Qazan khan used the following sentence:

Sən gedəli ağlamağım *g ögdə ikən yerə endi* [D-146, 2-3].

You landed on the ground while I was in heaven crying [D-146, 2-3].

S. Alizadeh considers it more reasonable to use the archaic verb «ağılmağım» meaning «to rise» as a variant of this word, the form of «ağılmaq» adopted by the infinitive and affix suffix [17, p. 75, 240]. V. Zahidoglu considers the reading of «ağlamağım» as a more correct variant, which is accepted in the science of Gorgud, and argues that it is used in the sense of «I prayed, I called» and, in general, the sentence means «You landed in heaven while I prayed (god)»: «In our opinion, it is very natural and convincing for a suffering father to pray for the return of his only son, whom he considers as munis in his heart as the love of God, to turn his face not to heaven but to the place where he lost his son, and to remember and call him in his prayers» [27, p. 279].

For us, in this example, the word is used to express the old shaman's views, regardless of whether it is read as «ağlamağım» or «ağılmağım» (or even the «ağalmağım» variant). Worshiping the God (or gods) in the sky, Qazan khan thinks that his son is dead and announces that his soul has already gone underground.

Thus, the given facts show that the epic «Dada Gorgud» is a work of pre-Islamic thought. Although these views were adapted to the spirit of the time and performed by poets who transmitted the epic from language to language as a result of the spread of Islam among the Oghuz people, they did not disappear completely, but remained in the form of some rituals and petrified archaic lexicon.

The result. The epic is an example of creativity that reflects the way of life of the ethnos, its worldview, way of thinking, all the evolution of the system of beliefs and convictions in artistic colours. The disclosure of the shaman's religious beliefs in the epic «Dada Gorgud», which is considered one of such magnificent monuments, serves to give a clear idea of its original environment.

References

1. Abdulla B. *Kitabi-Dədə Qorqud və İslam dini*. Bakı: Ozan. 1997.
2. Abdulla B. «*Kitabi-Dədə Qorqud*» un poetikası. Bakı: Elm, 1999.

3. Bayat F. Mitologijiye Giriş. Kara M, Corum, 2005.
4. Bayat F. Ana Hatlarıyla Türk Şamanlığı. İstanbul: Ötüken, 2006.
5. Древнетюркский словарь. Лен.: Наука, 1969, 676 с.
6. Eliade M. Şamanizm (Çeviren: İsmet Birkan). Ankara: İmge Kitabevi, 1999.
7. Əsirəddin Əbu Həyyan əl-Əndəlusi. Kitab-əl-idrak li-lisan əl-ətrak (Türk dillərini dərkətmə kitabı), Bakı: Azərnəşr, 1992.
8. Hacıyev A. «Dədə Qorqud kitabı» oxunuşlar, açımlar. Bakı: Elm, 2007, 214 s.
9. Jean-Paul Roux. Türklerin ve Moğolların Eski Dini (Türkcesi prof. Dr. Aykut Kazancıgül), İkinci Baskı, Ankara, İşaret yayınları, 1998.
10. Jean-Paul Roux. Eski Türk Mitolojisi (Çeviri Musa Yaşar Sağlam) Ankara: Bilge Su, 2011.
11. İnan A. Eski Türk Dini Tarihi. İstanbul, Milli Eğitim Basımevi, 1976.
12. İnan A. Tarihte və Bugün Şamanizm. Materyallar və araştırmalar. III. Baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1986.
13. Kafesoğlu İ. Eski Türk Dini. Ankara, Kültür Bakanlığı Yayınları, 1980.
14. Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü. İstanbul, Ötüken, 1998.
15. Kamal R. «Kitabi-Dədə Qorqud»: arxaik ritual semantikasi. Bakı, Yeni Nəşrlər Evi, «Elm» nəşriyyatı, 1999.
16. Kaşğari M. Divani luğat-it-türk. I–IV c. (Tərcümə edən və nəşrə hazırlayan: R.Əsgər), Bakı: Ozan, 2006.
17. Kitabı-Dədə Qorqud (Tərtib, transkripsiya, sadələşdirilmiş variant və müqəddimə F.Zeynalov və S.Əlizadəninindir). Bakı: Yazıçı, 1988.
18. Qafarlı R. «Dədə Qorqud kitab» nda qam görüşləri. Dədə Qorqud Elmi-ədəbi toplu, Bakı, 2003, III, s. 3–12.
19. Qul Əli. Qisseyi-Yusif. Bakı, «Şərq-Qərb», 2004.
20. Oğuznamə. Bakı: Yazıçı, 1987.
21. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, т. I–III, М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
22. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. I–IV. С.-Пб., 1893–1911.

23. Rzasoy S. Azərbaycan dastanlarında şaman-qəhrəman arxetipi («Əli-Kərəm» və «Dədə Qorqud»). Bakı: Elm və təhsil, 2015.
24. Seyid Əhməd Cəmaləddin İbn Mühənnə. Hilyətül-insan və həlbətül-lisan. Bakı: Kitab aləmi, 2008.
25. Seyidov M. Qam-şaman və onun qaynaqlarına ümumi baxış. Bakı: Gənclik, 1994.
26. Yusif Has Hacib. Kutadgu Bilig. Çeviren Prof. Dr. Reşit Rahmeti Arat, İstanbul: Kabcacı Yayınevi, 2006.
27. Zahidoğlu V. «Kitabi-Dədə Qorqud» un leksikası haqqında bəzi qeydlər. / Kitabi-Dədə Qorqud (məqalələr toplusu), Bakı: Elm, 1999, s. 269–283.

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Natalia Lysova,
PhD, associate professor;
Belarusian State University
(Belarus)

THE PROTEISTIC LOOK OF MODERN CRITICISM

Criticism in the context of contemporary culture: collective monograph / *otv. ed.* A. P. Korochensky, L. P. Saenkova-Melnitskaya. – Belgorod: Epicenter LLC, 2020. – 144 p.

纳塔利娅·勒索娃

现代批评的新外观

当代文化语境中的批评: 集体专著/ *otv. ed.* A. P. Korochensky, L. P. Saenkova-Melnitskaya. – 别尔哥罗德: 震中有限责任公司, 2020 年。– 第 144 页。

Наталья Лысова

ПРОТЕИСТИЧНОСТЬ ОБЛИКА СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ

Критика в контексте современной культуры: коллективная монография / *отв. ред.* А. П. Короченский, Л. П. Саенкова-Мельницкая. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. – 144 с.

Коллективная монография учёных Беларуси и России «Критика в контексте современной культуры» посвящена анализу, оценке и прогнозированию форм существования литературно-художественной критики. Точнее, предметом исследования являются медийная литературно-художественная критика и медиакритика. Монография освещает влияние трансформаций в медийной сфере на характер критической мысли, от методов анализа до жанрово-стилистических особенностей. Несомненно, актуальность данной работы в её ответах на вопросы времени. Рациональное освоение образной информации через критические высказывания в электронных и печатных средствах массовой информации большей частью аудитории приводит к формированию интеллектуального сообщества, гуманитарной культуры, а значит – и к общественному консенсусу. Сегодня, как никогда, ощущается падение доверия аудитории к средствам массовой информации. А утрата влияния

критики на умы и сердца многочисленной аудитории медийных организаций не только влечет за собой потерю эстетического вкуса, но и создает предпосылки дегуманизации масс.

Актуальность исследования состоит ещё и в том, что таких, обобщающих все виды критики (литературную, театральную, музыкальную, критику изобразительного искусства, кино- и медиакритику), практику, историю и теорию вопроса, исследований в научном пространстве не так уж много. Учебное, обобщающее опыт и теорию вопроса, издание «Литературно-художественная критика»³, написанное журналистами и теоретиками В. Н. Барановым, А. Г. Бочаровым и Ю. Н. Суровцевым, появилось почти сорок лет назад. В научной среде Беларуси и России поднимались отдельные аспекты проблемы критики⁴. Актуальность данной монографии – как в соединении предметов исследования, так и в векторе научного поиска: определение главных тенденций развития критики, стратегий выживания в контексте формирования новой культуры.

Представляя культурную деятельность как познавательно-оценочную, в которой определяющими моделями являются аналитические, исследователь медиакритики А. Короченский во «Введении» говорит о сосуществовании в культуре авторитарной, или господствующей, политической, олигархической, и внутрикорпоративной, или профессиональной критики, а также научной, и собственно медийной, или критики в средствах массовой информации. Последняя критическая модель, в силу массовости аудитории, вовлечённой в процесс коммуникации, с полным правом может называться массовой критикой, в отличие от элитарной, производимой политической, экономической, профессиональной и научной элитами. Но исследователь отмечает стирающиеся границы между этими критическими высказываниями в современной культуре, поэтому можно говорить, как о массовизации, так и о всё более увеличивающейся интеллектуализации

---

³ Баранов В. Н. Литературно-художественная критика / В. Н. Баранов, А. Г. Бочаров, Ю. Н. Суровцев. – М. : Высшая школа, 1982. – 207 с.

⁴ См. издания кафедры литературно-художественной критики факультета журналистики Белорусского государственного университета: Произведение искусства – предмет анализа критики: сб. научн. тр. Вып. 1 / под ред. Т.Д. Орловой. – Минск : БГУ, 2009. – 116 с.; Время. Искусство. Критика: сб. научн. тр. Вып. 2/ под ред. Л. П. Саенковой. – Минск : БГУ, 2010. – 200 с.; Трансформация жанров в литературно-художественной критике: сб. научн. тр. Вып. 4/ под ред. Л. П. Саенковой. – Минск : БГУ, 2013. – 160 с.; Литературно-художественная критика в современном интернет-пространстве: сб. научн. тр. Вып. 5 / под ред. Л. П. Саенковой-Мельницкой. – Минск : БГУ, 2016. – 128с.

критической мысли, во всяком случае, о возникновении новых направлений критического осмысления художественного процесса.

Например, литературовед И. Шевлякова-Борзенко выделяет такой феномен 2000-х гг. как «литературная журналистика», образовавшийся в связи с «омассовлением» медийных профессий: «Её жанровая палитра весьма скромна: наиболее свободно литжурналистика чувствует себя в малоформатных жанрах рекламной заметки, эссеизированной аннотации (о разных событиях литературной жизни, будь то текст, презентация, премия или скандал) и особенно скетча по мотивам литературной и околослитературной жизни»⁵ (с. 45). Главной функцией такой журналистской критики становится маркетинг, реклама, пиар художественных произведений и их авторов. Именно поэтому исследователь кинокритики Л. Саенкова-Мельницкая говорит о том, что «критику рубежа веков можно определить, как рекламно-представительскую или как масскультовую критику» (с. 85).

А. Короченский определяет подобные трансформации в массовой критике как тенденции развития постжурналистики, связанной с культом «медийных звёзд», гедонизацией вследствие увеличения доли развлекательного содержания в средствах массовой информации, а также гибридизацией медиатестов, которые приобретают смешанные характеристики журналистско-промоцийных, журналистско-пиаровских материалов (пиарналистики) и инфотейнмента» (с. 126).

Отмечая изменения в современном процессе критического освоения культуры, авторы обращаются к прошлому опыту с целью выстроить цепочку развития, определить принципы генезиса критической мысли. Ведущий театральный критик и исследователь арт-журналистики Т. Орлова противопоставляет принципы организации классического театрального спектакля и рецензирования его современному моделированию успешного зрелища и эффектного критического высказывания. А. Карпилова обозначает приоритет просветительских функций музыкальной критики в советский период и субъективизм и непрофессиональность высказывания в современном медийном пространстве. Л. Саенкова-Мельницкая подробно исследует изменения кинокритики, рождённой как синтез науки и публицистики, впоследствии разделившейся на концептуально-аналитическую и

---

⁵ Здесь и далее тексты, вошедшие в монографию, цитируются по изданию, приведённому в начале нашей статьи, с указанием страницы. – *Н. Л.*

публицистическую, с доминированием в последней вопросов идеологии и морали, и выросшей к концу XX в. в «критику морального беспокойства», соединяющую «исследование кинообразности и выявление глубинных нравственных коллизий» (с. 84), но трансформировавшуюся сегодня, как говорилось выше, в «маскультовую критику». И. Шевлякова-Борзенко определяет «золотой век» литературной критики с первой трети XIX в. по 1980-е гг. XX в., когда она была наделена функциями социокультурного регулятора. В отличие от новейшего периода (с конца 1980-х гг.), который включает в себя и «масштабный репутационный кризис») (до 2000-х гг.), и «этнографический период» (после 2000-х гг.), «стадию собирания, каталогизации и систематизации «активов» литературной критики как актуального социокультурного феномена» (с. 38). По мнению, исследовательницы, стилистическая вариативность, многообразие форм и способов сегодняшнего критического высказывания являются как выражением кризиса, так и стратегией выживания, собирания сил для будущего существования.

Об изменениях в критике под влиянием интернет-технологий пишут в своих разделах все исследователи. Например, А. Короченский, И. Шевлякова-Борзенко, А. Карпилова анализируют такое явление как сетевая критика, которая не получила в научной литературе общего определения и обозначается как гражданская, пользовательская, любительская, непрофессиональная, обыденная критика. Определяя её главными характеристиками мгновенность, интенсивность, субъективизм, провокативность, интерактивность, авторы отмечают, что указанные черты могут рассматриваться как в качестве положительных, так и отрицательных параметров «несистемной» критики. С одной стороны, она активизирует аудиторию, всё большее количество граждан задействовано в обмене мнениями. А. Короченский утверждает, что «развитая “обывательская” медиакритика потенциально способна стать не только каналом публичного выражения реакций и информационных потребностей аудитории и отстаивания прав потребителей массовой информации в их отношениях с медиаиндустрией, но и “лабораторией” вызревания новой гражданской ответственности, соответствующей реалиям информационной эпохи» [2, 133].

С другой стороны, непрофессиональные суждения снижают качество подобной коммуникации: «... “обыденная критика”, которая опирается на прописные истины, на банальные суждения и говорит с участниками сетевых ресурсов на языке китча» (с. 111). В

результате нивелируется серьёзная критическая атмосфера, возникает ложное представление о некритичности времени, фантомности критики, по словам И. Шевляковой-Борзенко, или, по определению Л. Саенковой-Мельницкой, периодом «критики без критики» (с. 84). И, как результат, падает имидж критики, образуется коммуникативный разрыв как с читателями, так и между научной и профессиональной критикой, утрачивается коллективная возможность критики повлиять на художественный процесс.

В этот кризисный период адаптации к новым медиа-условиям происходят естественные поиски жанровых и стилистических форм коммуникации с читательской и зрительской аудиторией. И. Шевлякова-Борзенко сравнивает этот период с античным образом Протея, обладающего многоликостью (с. 32), настолько вариативна сегодняшняя критика. Качественные изменения критической деятельности касаются, прежде всего функций и стиля. Массовая критика теперь не так ориентирована на анализ текущего художественного процесса, поскольку оперативное информирование, отбор с успехом осуществляют каналы интернета.

Общий как для искусства, так и для журналистики процесс глобальной трансформации, связан с утверждением «нового типа сознания, менталитета, мышления» (с. 12). В результате происходящих культурных изменений в коммуникационном поле существуют как старые (традиционные), так и новые (инновационные) направления, формы литературно-художественной критики. Для инновационной критики, по мнению Т. Орловой, характерны такие черты, как «элитарность, склонность к иронии, жанровая неопределённость» (с. 14). Стилистическая усложнённость текстов и субъективность высказывания стали главными особенностями современного критического дискурса.

Т. Орлова пишет об отсутствии «инструментария», или метода анализа. И. Шевлякова-Борзенко продолжает эту тему, рассуждая о «затянувшейся концептуально-методологической паузе» (с. 30) в критических высказываниях. Г. Богданова описывает методологическую цепочку анализа художественного произведения, видимо, почувствовав необходимость методологического ликбеза. Вариативность в определении базовых понятий и методологических оснований характерна и для рецензируемой монографии.

Так, главной функцией медиакритики А. Короченский называет «выявление степени социального реализма средств массовой информации» и «осуществление «коррекции восприятия публикой медийного содержания» (с. 122), отсюда его определение журналистской медиакритики – «оперативное оценочное познание социального функционирования средств массовой информации» (с. 122–123).

Однако И. Шевлякова-Борзенко рассматривает медиакритику как поле конструирования «персональных критических стратегий» (с. 59), от охранительных или либеральных, т. е. политически актуализированных, до приближенных к научным, семиотико-семантическим, и художественно-публицистическим, создающим образ автора-критика. Исследовательница возвращается к тому, что современная критика предлагает жанрово-стилистическое разнообразие, базирующееся на личных тематических предпочтениях. Кроме того, она акцентирует внимание на различии понятия «медиакритика» в западной и восточной традициях. На белорусско-русском коммуникационном пространстве этот термин получил расширенную трактовку от собственно аналитических работ до «общего фона, недовольства качеством современной литературной критики, некоего “дискурсивного” шума» (с. 62). То есть автор подчёркивает тенденцию отхода от объективного критического осмысления к субъективному, эмоциональному, обусловленному личностными качествами, высказыванию. В сетевой же критике, основываясь на распространении литературоцентричных блогов, исследовательница отмечает образование особого жанра критики – «виртуальная личность» (с. 49). А. Карпилова, как бы поддерживая коллегу, разграничивает понятия «музыкальная критика» и колумнистика, обозначая последнюю как «высказывание авторского мнения», «достаточно свободное авторское выступление» (с. 112).

Усиление субъективно-персоналистического момента в критическом дискурсе привело Л. Саенкову-Мельницкую к обозначению современной критики как «ролевой критики, когда авторы разыгрывают определённые ролевые модели, становясь своеобразным персонажем своего текста» (с. 87). По мнению И. Шевляковой-Борзенко, тенденция к субъективизму приводит, с одной стороны, к перемещению акцента с анализа на информирование, анонсирование, рекламу произведения искусства, а, с другой стороны, на расширение форм интерпретационных стратегий: от разрушения традиционных представлений до «безоценочности осмысления новой ментальности» (с. 41). По сути критика сегодня

отказывается от дидактической, воспитательной функции, отвергая чёткие нравственные ориентиры и оценки: «Хаосмос сознания современного человека описывается в системе координат не нравственно-ментальных, а ментальнопсихологических. Оппозиция “норма – отклонение” оказывается не востребованной, поскольку у ускользающего, фантомного бытия нет полюсов как чётких ориентиров. ...» (с. 43).

В таком дискурсе правомерны и крайности, которые зафиксированы Л. Саенковой-Мельницкой, использование критиками «определённых провокативных приемов: намеренном умалчивании (или замалчивании) сущностного смысла произведения, подчеркнуто фамильярное обращение с именем автора произведения» (с. 87–88). Провокативность является одной из тенденций стиля новейшей критической мысли. При этом предметом анализа и оценки становится не столько художественный процесс, сколько околоторческие события и псевдокультурные явления.

Стилистические изменения критических высказываний связаны с неопределённостью адресата: уменьшение специализированных изданий, ориентирование на массовую медийную аудиторию. Отсюда стилистическая размытость, небрежность, опрощение и поиски «некого нового метаязыка» (с. 50). Рассуждая о жанровых трансформациях, исследователи пишут как о тематических, так и о структурных и аксиологических изменениях. Авторы отмечают «квазикритическую активность» (с. 51) в образовании новых жанровых форм, связанную с расширением медийного присутствия, прежде всего, в интернет-пространстве.

Сохраняя принадлежность к информационно-аналитическому жанровому направлению, представители новейшей критики стремятся к «подчеркнуто миниатюрным критическим отзывам... с максимальной субъективированностью рефлексии» (с. 45). Расширяя своё присутствие в электронных средствах массовой коммуникации, авторы вырабатывают «специфический стилевой универсализм» (с. 53), в котором превалирует информационная (или популяризаторская) составляющая, «количественные характеристики (количество лайков, комментариев, отзывов, рейтинг, прибыль, список топов)», «достаточно лапидарные и откровенно провокативные, высказывания-рекомендации» (с. 85–86).

Морфологическая подвижность жанров создает теоретические трудности для исследования. И в монографии «Критика в контексте современной культуры»

обнаруживается, например, разная трактовка понятия эссе. С негативной коннотацией – у И. Шевляковой, которая утверждает необычайную распространенность сегодня эссе как жанра: она говорит об «эссеизации, тотальной и беспощадной» (с. 44) с её тенденцией «к редуцированию, “стяжению” жанров с одновременным квантованием текста, его членением на небольшие фрагменты» (с. 43). Исследовательница акцентирует внимание на преобладании малых форм, таких как эссе, короткая рецензия и отзыв. В тексте же Л. Саенковой-Мельницкой понятие эссе фокусирует в себе собственно эстетический, художественный смысл аналитического высказывания. Её тезис о том, что из критических «текстов ушла эссеистско-аналитическая часть» (с. 85) (т. е. жанр эссе исчезает из практики), строится на утверждении отсутствия у современной критики статуса «движущейся эстетики», или эстетических критериев. Выбирая ту или иную сущность жанра, соответственно, структурно-познавательную или аксиологическую, исследователи приходят к разным выводам.

Возвращаясь к образу Протея, с которым один из авторов монографии сравнил сегодняшнюю критику, имеющую тысячу обличей, вспомним, что именно это мифологическое божество открыло, согласно Гомеру, путь сына к отцу (Телемаху в поисках Одиссея). Значит, этот символ может повернуться и открытием образа будущего. Во всяком случае, коллектив авторов Белорусского и Белгородского университетов приоткрывает нам лицо будущей медийной критики.

跨文化研究中心简介

为响应和服务“一带一路”倡议，进一步推动阿塞拜疆语言大学孔子学院与浙江省“一带一路”重大项目建设，深入探索高校建设跨国别、跨文化综合研究平台的有效模式和可行性路径，对“一带一路”沿线重点俄语国家进行多领域的前瞻性国别与区域研究，打造“一带一路”学术交流平台，增强中国作为“一带一路”倡议国的引领示范作用与国际影响力，2017年12月湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院共同成立了跨文化研究中心。

跨文化研究中心将目标定位于打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流中心以及搭建经贸合作服务平台。首先，中心将立足国内，重点聚焦阿塞拜疆、白俄罗斯、乌克兰三个“一带一路”沿线核心俄语国家，逐渐辐射至沿线其他俄语国家，积极联合目标国家与国内有影响力的高校、科研院所在各研究方面的优势与特色，开展多学科综合研究，努力培养“一带一路”沿线俄语国家相关领域研究人才，努力建成教育部国别和区域研究基地；其次，按照教育部《中国特色新型高校智库建设推进计划》要求，以“民间为主、政府参与、坦诚对话、凝聚共识”为宗旨，以“一带一路”沿线俄语国家为对象，围绕双边战略问题和重点、热点、难点问题，加强人才队伍建设，开展前沿的学术研究，打造相关学术研究与人才智库；再次，以学校俄语专业、历史学、国际商贸、涉外旅游、艺术、中国传统文化等相关学科为主体，阿塞拜疆语言大学孔子学院为核心交流平台，大力推动与“一带一路”沿线俄语国家高校、相关机构间师资互派、艺术巡演、长短期学生交换互访等交流活动，打造服务“一带一路”倡议的教育文化交流品牌；最后，依托国家发改委“一带一路”重点项目、湖州市“十三五”规划“六重”平台与湖州作为“世界丝绸之源”、国际生态文明先行示范区等特色经济社会优势，提供信息咨询服务，推动浙江省及其他国内地区与相关国家科研开发、企业合作、社会服务等方面合作，带动区域经济共同发展。

跨文化研究中心主要涵盖四个研究方向，分别为外交与政治研究、教育与语言研究、经贸与旅游研究以及文化与社会研究。首先，以“一带一路”沿线俄语国家为重点，配合学校相关学科专业与科研成果，开展包括国际政治、比较政治、政治经济等在内的政治学领域研究与包括文化外交、经济外交、多边外交等跨学科综合研究；其次，立足于我校 100 年的师范教育办学历史，结合“一带一路”沿线俄语国家的教育研究新趋势，特别是苏霍姆林斯基教育思想等重要学术理论与学术思潮，开展跨文化研究领域中的比较教育研究、中国与“一带一路”沿线俄语国家青少年教育等相关课题，充分发挥我校“明体达用”的教育思想，打造具有国际视野的先进教育理论实践平台；再次，以“一带一路”沿线俄语国家社会经济与贸易政策为重点研究对象，聚焦能源开发、基础设施建设、金融服务、休闲生态、文化产业等不同经济领域，开展跨文化经济贸易领域中的专项研究与比较研究，搭建面向目标国家的政治、经济和法律的咨询服务与行业指导系统；最后，积极协调统筹中国音乐、舞蹈、武术太极、中医理疗文化等领域的校内外教学与研究资源，联合孔子学院研发更多中华文化课程与相关俄语教育资源，推动中医、太极等中华文化走出国门。积极开展“一带一路”重点俄语国家在社会、人文、艺术等领域的特色文化研究，同时开展丝绸文化、湖笔文化、茶文化等区域文化研究，打造体现中国地方特色的跨文化研究品牌。

跨文化研究中心结合四大研究方向和学校各下属学院的学科专业优势，实行“4+2+1”运行模式，即“4 个研究部”+“2 个展示馆”+“1 个期刊与网站运行办公室”，每个研究部分别直接挂靠一个或多个实体学院，由学院负责研究团队的整合和研究项目的服务对接。其中学术期刊编辑与网站运行办公室负责跨文化研究中心的具体事务和协同运行。

通过湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院等多方合作，研究中心主动对接“一带一路”倡议，立足湖州，面向全球，以跨文化平台建设、团队培养、成果培育、项目争取、论坛交流和产业协同为抓手，打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流和搭建经贸合作服务平台，同时有效汇聚政产学研各方创新资源和要素，通过“校地合作、项目驱动、

动态管理、产学研用协同”，建立起“开放、流动、竞争、协作”的运行体制与机制，在多方的共同努力下将跨文化研究中心建成具有中国特色、在国内有一定影响的高水平研究平台。

跨文化研究中心组织结构图如下：

